

U $\frac{203}{927}$

090/39

U $\frac{203}{927}$

2/10-24 copy bce 13

20

2/11-28 copy bce 14

~~12/10~~

Qn
12/10

И $\frac{203}{927}$

090(200) 020/39

ЕРНЕСТА РЕНАНА

На отъ

ЖИЗНЬ ИСУСА.

ИЗДАНИЕ ПЯТОЕ и ШЕСТОЕ.

Переводъ съ французскаго.

И. М.

#5026.

ab

BERLIN.

B. VEHR'S VERLAG (E. BOCK)

1901.

23087-44

2011147020

Оглавленіе.

	Стр.
Посвященіе	1
Глава I. Дѣтство и юность Іисуса — Его пер- выя впечатлѣнія	3
„ II. Воспитаніе Іисуса	13
„ III. Кругъ идей, въ нѣдрахъ котораго раз- вился Іисусъ	27
„ IV. Первые нравственныя замѣчанія Іисуса. — Его идеи о Богѣ-Отцѣ и о религіи чистой. — Его первые ученики.	49
„ V. Іоаннъ-Креститель. — Путешествіе Іи- суса къ Іоанну и его проживаніе въ іудейской пустынѣ. — Онъ принимаетъ отъ Іоанна крещеніе.	68
„ VI. Развитіе идей Іисуса о царствіи Бо- жіемъ	85
„ VII. Іисусъ въ Капернаумѣ	103
„ VIII. Ученики Іисуса	118
„ IX. Поученія на озерѣ	132
„ X. Представленіе царствія Божія, какъ до- стоянія убогихъ	146
„ XI. Посланіе узника Іоанна къ Іисусу. — Смерть Іоанна. — Отношеніе его школы къ школѣ Іисуса	163
„ XII. Первые попытки въ Іерусалимѣ	173

	Стр.
Глава XIII. Отношенія Иисуса къ язычникамъ и Самарянамъ	192
„ XIV. Первое начало легенды объ Иисусѣ. — Какое понятіе имѣлъ онъ самъ о своемъ сверхъ-естественномъ призваніи . . .	203
„ XV. Окончательная форма идеи Иисуса о царствіи Божіемъ	222
„ XVI. Учрежденія Иисуса	242
„ XVII. Противная Иисусу партія	258
„ XVIII. Послѣдній путь Иисуса въ Иерусалимъ.	273
„ XIX. Покушенія супостатовъ	292
„ XX. Предсмертная недѣля	307
„ XXI. Арестованіе Иисуса и процессъ его . .	328
„ XXII. Смерть Иисуса	351
„ XXIII. Сущность совершеннаго Иисусомъ дѣла.	362

Свѣтлой душѣ Генріетты, сестры моей.

(Скончавшейся въ Библосѣ 24-го Сентября 1861 года.)

Ты помнишь ли на лонѣ Бога, теперь покоящемъ тебя, о длинныхъ дняхъ Хазира, гдѣ я наединѣ съ тобою писалъ эти страницы, подъ свѣжимъ вдохновеніемъ генія мѣсть, нами видѣнныхъ вмѣсть? Въ тишинѣ, подлѣ меня, просматривала ты и тотчасъ переписывала каждый листокъ; между тѣмъ море, села, овраги, горы разстилались пеленою у нашихъ ногъ. Бывало, какъ томительный свѣтъ солнца смѣнитъя несчетнымъ сонмомъ звѣздъ, ты осторожными и мѣткими вопросами, своими скромно выраженными сомнѣніями, наводишь меня вновь на высокій предметъ общихъ нашихъ думъ. Однажды ты мнѣ сказала, что будешь любить эту книгу, какъ писанную при тебѣ, и потому что она тебѣ нравится. Если ты иногда и опасалась за судьбу

ся отъ узкаго сужденія легкомысленныхъ людей, то все же ты убѣждена была, что души истинно религіозныя найдутъ ее, наконецъ, по своему вкусу. Среди этихъ прелестныхъ созерцаній коснулась насъ обоихъ ледяная рука смерти: лихорадочный сонъ сомкнулъ намъ въжды въ одинъ и тотъ же часъ; проснулся я одинъ! . . . . Ты почиваешь теперь въ землю Адониса, подлѣ священнаго Библоса и тѣхъ водъ, въ которыя лились когда-то слезы женщинъ на древнихъ мистеріяхъ. Раскрой же мнѣ, мой добрый геній, мнѣ, любимцу твоему, тѣ великія истины, которыя возносятъ человека надъ смертію, и велятъ ему не только не страшиться, но почти любить ее.

ГЛАВА I.

Дѣтство и юность Иисуса. Его первыя впечатлѣнія.

Важнѣйшее въ исторіи человѣчества событіе есть тотъ переворотъ, черезъ который перешелъ человѣкъ, въ благороднѣйшихъ своихъ расахъ, отъ религій древнихъ, именуемыхъ однимъ общимъ, но не совсѣмъ опредѣленнымъ терминомъ „язычество“, къ религій новой, основанной на тріединствѣ Божіемъ и воплощеніи Бога - Сына. Около тысячи лѣтъ потребовалось на то, чтобъ осуществитъ этотъ переходъ, и не менѣе трехъ сотъ употребила новая религій сама на свое сформированіе. Начало же переворота, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, есть фактъ, совершившійся подъ державою римскихъ императоровъ Августа и Тиберія. Жила въ то время замѣчательная личность, которая своей смѣлой инициативой, своимъ умѣніемъ

внушать любовь, создала предметъ и указала исходную точку новой вѣры человѣчества.

(2) Иисусъ родился въ Назаретѣ, небольшомъ городѣ Галилеи, который до него не пользовался никакой извѣстностію. Всю жизнь звали его „Назаряниномъ“; а если и удалось, впоследствии, легендѣ произвести его изъ Виелеема, то лишь благодаря довольно неловкому извращенію фактовъ. Мы далѣе увидимъ, для чего сдѣлано это перемѣщеніе его родины, и какъ оно было необходимымъ послѣдствіемъ приписанной Иисусу Мессійской роли. Годъ и день рожденія его съ точностью неизвѣстны. Извѣстно только, что онъ родился въ царствованіе Августа, около 750 года римскаго лѣточисленія, повидимому нѣсколькими годами ранѣе перваго года христіанской эры, которая цивилизованными народами принята для счета лѣтъ отъ рождества его.

(2) Имя „Иисусъ“, которымъ онъ нареченъ, популярное искаженіе имени „Иишиэ“ или „Иешуа“, было имя очень обыкновенное; однакожъ потомъ конечно стали искать и въ немъ таинственнаго смысла и намекъ на его спасительское призваніе. Быть можетъ, онъ и самъ, какъ все мистики, имѣлъ склонность такъ думать, и восхищаться подобнымъ объясненіемъ. Исторія представляетъ

не одинъ примѣръ великихъ призваній, которыхъ первымъ поводомъ служило имя, безъ всякаго намѣренія данное ребенку при рожденіи. Натуры пламенные никакъ не соглашаются видѣть случая въ своемъ жребіи. Для нихъ все уже напередъ опредѣлено Богомъ; они видятъ знаменіе верховной воли въ самыхъ ничтожныхъ обстоятельствахъ.

Населеніе Галилеи было весьма разнородно, что означалось въ самомъ названіи этого края. Въ немъ, кромѣ Іудеевъ, жило во времена Іисуса множество иностранцевъ (Финикіянъ, Сиріянъ, Арабовъ, даже Грековъ). Обращенія въ Іудейскую вѣру изъ другихъ были нерѣдки. А потому и невозможно возбудить здѣсь вопросъ о расѣ, и разыскивать какая кровь текла въ жилахъ Того, кто самъ болѣе всѣхъ содѣйствовалъ къ изглаженію кровныхъ различій въ человѣчествѣ. (v)

Онъ родомъ былъ простолюдинъ. Отецъ его Іосифъ и мать Марія были люди рабочаго класса, ремесленники, содержавшіе себя трудами рукъ своихъ, въ той посредственной степени достатка, которая весьма обыкновенна на востокѣ и не можетъ назваться ни благосостояніемъ, ни крайней нуждою. Чрезвычайная простота жизни въ томъ краѣ, удаляя потребность въ роскоши, дѣлаетъ на-

праснымъ преимущество богача и обращаетъ всѣхъ въ добровольныхъ бѣдняковъ. Между тѣмъ совершенное отсутствіе художественнаго вкуса и всякаго влеченія къ искусственному украшенію матеріальной жизни, даетъ какой-то видъ убогости жилищу людей, которые собственно ни въ чемъ не терпятъ нужды. Если оставить въ сторонѣ ту отвратительную неопрятность, которую вездѣ приносятъ съ собою Исламъ, то тогдашній городъ Назаретъ представлялъ почти такую же картину, какъ теперь. Мы видимъ еще улицы, на которыхъ игралъ Иисусъ ребенкомъ, въ кремнистыхъ, выющихся между хатъ, дорожкахъ или переулочкахъ. Иосифовъ домъ имѣлъ конечно много сходства съ тѣми жалкими лавчонками, которые, освѣщаясь черезъ дверь, служатъ тамъ вмѣстѣ мастерскою, кухнею и спальней, и которыхъ вся мебель состоитъ изъ соломенника на полу, нѣсколькихъ подушекъ, двухъ или трехъ штукъ посуды, да крашеннаго сундука.

Отъ одного ли или нѣсколькихъ браковъ, а семья была довольно большая. У Иисуса были братья и сестры, между которыми онъ былъ повидимому старшій. Всѣ они остались въ неизвѣстности; потому что тѣ четыре личности, имена которыхъ переданы за имена родныхъ братьевъ его и между

которыми одна по крайней мѣрѣ, именно Такова, получила въ первые же годы развитія христіанства большое значеніе, были собственно двоюродными братьями Иисуса. Дѣло въ томъ, что у матери Иисусовой, Маріи, была сестра, тоже Марія, замужемъ за нѣкимъ Алфеемъ или Клеофасомъ (оба имени повидимому принадлежали одному лицу) и имѣла нѣсколькихъ сыновей, которые играли потомъ значительную роль между первыми учениками Иисуса. Эти-то двоюродные его братья и получили прозваніе „братьевъ господнихъ“, какъ отличавшіеся привязанностію къ своему юному учителю, между тѣмъ какъ его родные братья всегда ему сопротивлялись, и даже были ему враждебны. Сии послѣдніе, равно какъ и мать Иисуса, не имѣвъ при жизни его никакого значенія, получаютъ важность лишь послѣ его смерти. Да и тогда, повидимому, они далеко не пользовались тѣмъ уваженіемъ, какъ ихъ двоюродные братья, являвшіе всегда къ Иисусу, при жизни его, искреннюю преданность, и отличавшіеся повидимому большей оригинальнію характера. Самыя имена ихъ забыты до такой степени, что когда евангелистъ, въ своемъ разсказѣ, влагаетъ въ уста Назарейнъ перечисленіе братьевъ Иисусовыхъ по плоти, то ему приходятъ на мысль имена сыновей Клеофасовыхъ.

Иисусовы сестры вышли замужъ въ Назаретъ; тамъ же провелъ и онъ первые годы своей юности. Назаретъ былъ небольшой городокъ, раскинутый въ извилинѣ долины, которая значительно расширяется по направленію къ вершинамъ горъ, замыкающихъ съ Сѣвера плоскогоріе Эздзелонское. Населеніе его въ настоящее время считается въ три или четыре тысячи душъ, и можно думать, что эта цифра мало измѣнилась съ эпохи Иисусовой. Зимой тамъ довольно холодно и климатъ вообще здоровъ. Этотъ городокъ, какъ вообще еврейскія мѣстечки того времени, былъ просто грудой хижинъ, построенныхъ безъ всякаго стила, и представлялъ безъ сомнѣнія ту же картину, довольно бѣдную, какъ всё вообще селенія въ семитическихъ странахъ. Дома, какъ кажется, не много отличались отъ тѣхъ сложенныхъ изъ камня, безъ всякаго украшенія, ни наружнаго, ни внутренняго, маленькихъ кубиковъ, какими усѣяны по сіе время плодоноснѣйшія части Ливана, и которые однакожь, перемежаясь виноградниками и фиговыми деревьями, представляютъ тѣмъ не менѣе видъ довольно пріятный. Окрестности восхитительны; и едва ли найдется въ мірѣ мѣстность, болѣе располагающая къ мечтамъ о безусловномъ блаженствѣ. Даже въ наше время Назаретъ — уголокъ прелест-

ный, единственное, можетъ быть, въ Палестинѣ мѣсто, гдѣ душа нѣсколько отдыхаетъ отъ тяготящаго ее чувства скорби, среди безпримѣрнаго за-пустѣнія цѣлаго края. Улыбка и привѣтъ сіяютъ на лицѣ туземца; сады кругомъ красуются въ пышной зелени. Антонинъ-мученикъ, въ концѣ VI вѣка, описываетъ въ очаровательной картинѣ плодоносіе окрестностей; онъ сравниваетъ ихъ съ земнымъ раемъ. Нѣкоторыя долины, съ западной стороны, вполне оправдываютъ и нынѣ его описаніе. Родникъ, когда-то служившій средоточіемъ всей жизни и увеселеній этого города, теперь уже заглохъ; его растрескавшіеся каналы даютъ лишь мутную воду. Но красота собирающихся тамъ и нынѣ, по вечерамъ, женщинъ, осталась таже; красота эта, замѣченная еще въ VI вѣкѣ, и въ которой нѣкоторые видѣли особый даръ Дѣвы-Маріи, сохранилась поразительно. Это сирійскій типъ, во всей прелести своей женственности и граціи. Безъ сомнѣнія, нѣкогда и Марія сюда ходила за водою, съ кувшиномъ на плечѣ, и останавливалась зачашую, поболтать съ землячками, сошедшими потомъ въ могилу безъ извѣстности. Антонинъ-мученикъ замѣчаетъ, что еврейскія женщины, въ другихъ мѣстахъ столь непріязненныя къ христіанамъ, здѣсь, напротивъ того, весьма привѣтливы.

Въ самомъ дѣлѣ религіозная нетерпимость по сіе время не столь сильна въ Назаретѣ, какъ въ другихъ мѣстахъ Палестины.

Горизонтъ города тѣсенъ; но поднявшись не много на небольшое, освѣжаемое безпрестаннымъ вѣтеркомъ, плоскогоріе, вы имѣете предъ собою богатѣйшій видъ. Съ запада ландшафтъ описываютъ живописныя группы Кармельскихъ горъ, заключающіяся крутымъ пикомъ, который какъ будто хочетъ опрокинуться въ море. Далѣе выступаетъ, надъ городомъ Магедло, возвышающаяся двойная вершина; а тамъ — горы Сихемскія, съ своими священными воспоминаніями, которыя восходятъ древностію ко временамъ Патріарховъ. Здѣсь горы Гельбоэ, — небольшая живописная группа, съ корою соединились то прелестныя, то въ ужасъ приводящія воспоминанія Сулема и Ендора. Фаворъ — въ своей прекрасно округленной формѣ на подобіе персей женскихъ, съ которыми древніе его сравнивали. Черезъ пониженіе почвы между горами Сулемомъ и Фаворомъ видѣются долина Иорданская и плоскогоріе Перейское, образуя вмѣстѣ одну сплошную линію съ западной стороны. На Сѣверѣ — горы Сафедскія, склоняясь къ морю, полузаслонили Сенъ-Жанъ-д'Акръ, а позади ихъ, заливъ Каифскій видѣнъ какъ на ладони. Таковъ

былъ горизонтъ Иисуса. Изъ этой-то волшебной сферы, изъ этой колыбели царствія божія, смотрѣлъ онъ на Божій міръ, въ теченіи многихъ лѣтъ. Даже можно сказать, что во всю жизнь свою онъ мало выходилъ изъ этихъ предѣловъ, столь ему знакомыхъ съ самаго ранняго дѣтства. Ибо тутъ же, съ сѣверной стороны, почти можно различить, на фонѣ Гермонскихъ горъ, Кесарею Филиппскую, крайній предѣлъ его походовъ въ странѣ язычниковъ; а съ южной, позади горъ Самарійскихъ, уже не столь веселыхъ видомъ, вы какъ будто почувствуете мрачную Іудею, съ ея истребительной атмосферой абстракціи и смерти.

Если когда либо свѣтъ, оставаясь христіанскимъ, но глубже понявъ сущность уваженія къ христіанскимъ началамъ, пожелаетъ замѣнить святынями подлинными тѣ святыни подставныя и жалкія, къ которымъ прилѣплялось благочестіе грубыхъ вѣковъ, то здѣсь, на этой высотѣ Назарета, построить онъ свой храмъ. Здѣсь, на мѣстѣ перваго появленія христіанства, въ самомъ центрѣ дѣйствій Создателя его, лежатъ основы той великой церкви, въ которой могутъ все христіане соединиться благоговѣніемъ. Эта земля, подъ почвою которой спитъ плотникъ Іосифъ и тычяча забытыхъ, никогда невыходившихъ изъ горизонта своей

долины, Назарянъ, болѣе всякой другой мѣстности, располагаетъ философа къ размышленію о дивномъ теченіи человѣческихъ дѣлъ, къ утѣшенію въ ихъ превратности и къ успокоенію сомнѣній на счетъ божественной цѣли, къ которой стремится міръ черезъ тьму препятствій и неудачъ, и не смотря на все наружное преобладаніе въ немъ суеты суетствій.

ГЛАВА II.

Воспитаніе Іисуса.

Эта прекрасная, величественная природа совершила все воспитаніе Іисуса. Онъ учился читать и писать, безъ сомнѣнія, по восточному методу, состоящему въ томъ, что ученику даютъ книгу и заставляютъ его твердить ее, въ тактъ съ товарищами до тѣхъ поръ, пока не выучитъ наизусть. Сомнительно однако, чтобъ онъ понималъ еврейскія писанія на подлинномъ ихъ языкѣ. Онъ выражался иногда текстами изъ нихъ, но въ арамейскомъ переводѣ, какъ видно изъ сказаній его біографовъ. Принципы его экзегезы, сколько мы можемъ о нихъ судить по экзегезѣ его учениковъ, имѣли много общаго съ бывшими тогда въ общемъ ходу и составляющими духъ *таргумовъ* и *мидрашей* въ талмудѣ.

Должность школьнаго учителя, въ маленькихъ

еврейскихъ городкахъ, исправлялъ обыкновенно *Хазанъ* или чтець синагоги. Никакого высшаго обученія, въ школахъ книжниковъ или *Сосферимовъ*, Иисусъ не получилъ (быть можетъ, въ Назаретѣ такой школы и не было); да вообще онъ не обладалъ ни однимъ изъ тѣхъ титуловъ, которые въ глазахъ толпы даютъ авторитетъ въ дѣлѣ знанія. Тѣмъ не менѣе мы считали бы большой ошибкой думать, что онъ былъ невѣжда, въ общепринятомъ у насъ смыслѣ этого слова. У насъ училищное воспитаніе проводитъ глубокую черту различія, въ личномъ достоинствѣ, между получившими и не получившими его. Но не такъ было на востокѣ; не такъ было вообще въ златое время простодушной старины. Нынѣ, при нашей изолированной и совершенно индивидуальной жизни, непреходившій курса школы отличается отъ другихъ нѣкоторымъ огрубѣніемъ. Это явленіе невѣдомо тамъ, гдѣ нравственное образованіе и духъ времени сообщаются безпрестаннымъ соприкосновеніемъ людей между собою. Арабъ, отъ роду не знавшій никакихъ учителей, тѣмъ не менѣе представляетъ иногда субъектъ весьма почтенный; ибо палатка есть также нѣкоторый родъ публичной школы, гдѣ изъ взаимнаго общенія людей свѣдущихъ и опытныхъ, проистекаетъ значительное

умственное и даже литературное движеніе. Изящность манеровъ и тонкость ума не имѣютъ на востокѣ ничего общаго съ такъ называемымъ у насъ воспитаніемъ. Напротивъ того, именно школьные-то люди и считаются тамъ педантами, неблаговоспитанными. Въ этомъ общественномъ состояніи неученость, которая у насъ непремѣнно рождаетъ челоуѣка въ низшій слой общества, тамъ, напротивъ, есть существенное условіе великихъ дѣлъ, великой оригинальности.

Невѣроятно также, чтобъ Іисусъ зналъ по-гречески. Этотъ языкъ былъ мало употребителенъ въ Іудеѣ, за исключеніемъ однихъ только правительственныхъ классовъ и населенныхъ язычниками городовъ, какъ на примѣръ Кесарей. Природнымъ языкомъ Іисуса былъ смѣшанный съ еврейскимъ діалектъ сирійскій, на которомъ тогда всѣ говорили въ Палестинѣ. Еще менѣе основанія думать, чтобъ онъ былъ знакомъ съ образованіемъ греческимъ. Греческая наука была въ большомъ гоненіи у палестинскихъ доктринеровъ, которые за-одно проклинали того, „кто разводитъ свиней, съ тѣмъ, кто учитъ сына греческой премудрости.“ Во всякомъ случаѣ, эта премудрость не проникала въ такіе маленькіе городки, какъ Назаретъ. Конечно, не смотря на анаѰему ортодок-

совъ, были въ то время и такіе Іудеи, которые уже приняли и усвоили себѣ гелленскую культуру. Не говоря объ іудейской школѣ въ Египтѣ, гдѣ еще за двѣсти лѣтъ предъ тѣмъ начались попытки къ сліянію гелленизма съ іудаизмомъ, нѣкто изъ евреевъ, Николай Дамасскій, въ эту именно эпоху сдѣлался однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ, самыхъ ученыхъ, самыхъ вліятельныхъ людей своего вѣка. Вскорѣ за тѣмъ, Іосифу суждено было представить другой примѣръ еврея, совершенно гелленизованнаго. Но Николай былъ евреемъ развѣ только по происхожденію, а Іосифъ самъ о себѣ говоритъ, что онъ составлялъ между современниками исключеніе; и вся Іудейская школа Египта, считавшаяся ересью, отдѣлилась отъ Іерусалима въ такой степени, что не находимъ о ней ни малѣйшаго упоминанія ни въ талмудѣ, ни въ еврейскомъ преданіи. Положительно извѣстно, что въ Іерусалимѣ греческому языку тогда учились мало, что греческую науку находили опасною, что на занятіе ею смотрѣли какъ на раболѣпство; что же касается пользы отъ доставляемыхъ ею свѣдѣній, то считали ихъ пригодными развѣ только для пустой прикрасы женщинамъ. Одно лишь изученіе Закона считалось либеральнымъ и достойнымъ серьезнаго мужа. Одинъ ученый раввинъ,

на предложенный ему вопросъ, когда всего приличнѣе учить дѣтей греческой мудрости? отвѣчалъ: „въ тотъ часъ, когда нѣтъ ни дня, ни ночи; потому что объ Законѣ сказано: ты день и ночь будешь изучать его.

Итакъ, ни прямымъ, ни косвеннымъ путемъ никакой элементъ гелленскаго образованія не достигъ Иисуса. Онъ виѣ іудаизма ничего не зналъ; его умъ сохранилъ ту простодушную наивность, которая всегда ослабляется развитіемъ обширнымъ и разнообразнымъ. Даже въ самой сферѣ іудаизма онъ остался чуждъ многимъ такимъ стремленіямъ, которыя шли почти въ параллель съ его собственными. Такъ ему совершенно неизвѣстны были, съ одной стороны, аскетизмъ Ессеянъ или Тераневтовъ, съ другой — превосходные, по части философіи религіи, опыты іудейской въ Александріи школы, геніальнымъ представителемъ которой былъ въ его время Филонъ. Встрѣчающіяся безпрестанно черты сходства между нимъ и Филономъ, эти прекрасныя изреченія о любви къ Богу, о челоуѣколюбіи, объ успокоеніи въ Богѣ, которыя въ писаніяхъ знаменитаго александрійскаго мыслителя составляютъ какъ будто отголосокъ евангелій, легко объясняются тѣмъ, что одинаковыя потребности вре-

мени давали всѣмъ возвышеннымъ умамъ одно общее направленіе.

Къ счастью для него, онъ столь же мало былъ знакомъ и съ уродливой схоластикой, которая кричала въ іерусалимскихъ синагогахъ и скоро должна была произвести талмудъ. Если, можетъ быть, и случалось нѣкоторымъ Фарисеямъ заносить ее въ Галилею, то онъ не слушалъ ихъ уроковъ; а когда въ послѣдствіи пришлось ему столкнуться съ этой пошлой казуистикой, то она ничего не внушила ему, кромѣ отвращенія. Можно впрочемъ предполагать, что ученія Гиллеля были ему не безвѣстны. Гиллель, за пятьдесятъ лѣтъ до Иисуса, произнесъ афоризмы, имѣвшіе весьма много сходства съ Иисусовыми. По кроткому своему терпѣнію въ бѣдности, по мягкости характера, по нападкамъ своимъ на лицемѣровъ и жрецовъ, Гиллель былъ прямымъ учителемъ Иисуса, если только можно кого нибудь назвать учителемъ такой высокой оригинальности.

Гораздо болѣе вліянія имѣло на него чтеніе Вѣтхаго Завѣта. Канонъ священныхъ книгъ состоялъ изъ двухъ главныхъ частей: Закона, то есть Пятикнижія, и Пророковъ въ томъ видѣ, какъ мы ихъ теперь читаемъ. Обширная аллегорическая экзегеза работала надъ всѣми этими книгами

и старалась найти въ нихъ то, чего въ нихъ не было, но что соотвѣтствовало господствовавшему въ обществѣ ожиданіямъ. Законъ, представлявшій не древнія постановленія страны, а скорѣе несбыточные предположенія, воображаемые уставы, набожныя поддѣлки, относившіяся ко времени царей-піетистовъ, сдѣлался нескончаемой темой самыхъ утонченныхъ толкованій, съ тѣхъ поръ какъ нація лишилась самостоятельности. Что касается до пророчествъ и псалмовъ, то господствовало убѣжденіе, что въ этихъ книгахъ каждое мѣсто, сколько нибудь темное, таинственное, относилось именно къ Мессіи, и прежде всего искали въ немъ типа этой личности, которая должна была осуществить ожиданія націи. Иисусъ раздѣлялъ общую склонность къ этимъ аллегорическимъ толкованіямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и истинная поэзія Библии, которую мелочные іерусалимскіе экзегеты вовсе не замѣчали, открыта была его могучему генію. Законъ, повидимому, не имѣлъ въ глазахъ его большой прелести; онъ чувствовалъ, что можетъ самъ дать въ этомъ родѣ нѣчто лучшее; но религіозная поэзія псалмовъ нашла необыкновенное созвучіе въ его мягкой, лирической душѣ; они въ теченіи всей жизни служили ему пищей и утѣшеніемъ. Пророки, въ особенности Исаія и его про-

должатель въ эпоху вавилонскаго плѣна, своими энергическими укорами и очаровательными картинами, были его истинными наставниками. Онъ, безъ сомнѣнiя, читалъ также многiя изъ произведенiй апокрифическихъ, тѣхъ довольно уже позднихъ писанiй, авторы которыхъ, для вѣрнѣйшаго обезпеченiя авторитета, составлявшаго монополию самыхъ только древнихъ писателей, покрывали свои сочиненiя именемъ какого нибудь пророка или патрiарха. Одна изъ этихъ книгъ въ особенности его поражала; это была книга Даниила. Написанная еврейскимъ энтузиастомъ временъ Антиоха Эпифана, и освященная извѣстнымъ именемъ мудреца древности, она была отраженiемъ израильскаго духа за послѣднее время. Ея авторъ, истинный создатель философи исторiи, впервые имѣлъ смѣлость воззрѣть на превратности мiра и на смѣны царствъ, какъ на проявленiя судебъ еврейскаго народа. Иисусъ наштанъ былъ съ дѣтства этимъ колоссальнымъ воззрѣнiемъ. Быть можетъ, ему знакомы были также книги Еноха, пользовавшiяся тогда уваженiемъ на равнѣ съ священными, и другiя писанiя въ этомъ же родѣ, которыя столь сильно распалали народное воображенiе. Пришествiе Мессii съ его славою и ужасами, народы, низвергающiеся одинъ за другимъ въ бездну, конечное

разрушеніе неба и земли,— все это безпрестанно рисовалось его воображенію; а такъ какъ всѣ эти перевороты считались очень близкими, и множество людей разсчитывали уже время осуществленія ихъ, то онъ совершенно освоился съ сверхъестественною сферой, въ которую безпрестанно переносилась его мысль при подобныхъ видѣніяхъ; эта сфера казалась ему совершенно натуральною и простою.

Какъ мало понятія онъ имѣлъ о тогдашнемъ состояніи міра, это видно на каждомъ шагу изъ подлинныхъ его рѣчей. Земля представляется ему еще раздѣленною на царства, которыя ведутъ между собою войну; онъ повидимому ничего не знаетъ о „Римской эрѣ мира“, о новомъ состояніи общества, которое открывало новый горизонтъ его вѣку. Что значить Римская Имперія, объ этомъ не имѣлъ онъ собственно никакой опредѣленной идеи. До него дошло одно только имя „Кесарь“. Онъ видѣлъ воздвигнутыя въ Галилеѣ или ея окрестностяхъ: Тиверіаду, Юліаду, Діокесарею, Кесарею, пышныя сооруженія Иродовъ, ставшихся этими великолѣпными постройками ознаменовывать свое великое уваженіе къ римской цивилизаціи, и свое подобострастіе къ членамъ фамиліи Августа; а нынѣ, по странному капризу судебъ, искаженныя имена этихъ городовъ служатъ къ обо-

значенію ничтожныхъ бедуинскихъ хижинъ. Онъ зналъ, конечно также, Себасту, произведеніе Ирода Великаго, городъ пышный, развалины котораго имѣютъ такой видъ, какъ будто онѣ привезены туда совсѣмъ готовые, чтобъ только разставить на мѣстѣ, какъ декорацію. Эта архитектура гордости, тщеславія, привезенная въ Іудею изъ дальнихъ заморскихъ странъ, эти сотни колоннъ, всѣ одного діаметра, годныя для украшенія развѣ какойнибудь безвкусовой улицы Риволи въ Парижѣ,— вотъ что онъ называлъ „царствами міра сего со всѣмъ ихъ величіемъ“. Эта заказная роскошь, это искусство въ духѣ административномъ, офіціальномъ, ему не нравились. Онъ гораздо болѣе любилъ свои галилейскія села, ихъ беспорядочную смѣсь хижинъ съ гуменниками, изсѣченныхъ въ скалахъ виноградныхъ давленъ, ключей, гробницъ, деревьевъ фиговыхъ и масличныхъ. Онъ оставался всегда близокъ къ природѣ. Царскій дворъ представляется ему мѣстомъ, гдѣ люди разодѣты въ дорогія, блестяція платья. Милыя невозможности, которыми изобилуютъ его притчи, какъ только дѣло доходитъ до постановки царей или сильныхъ земли на сцену, доказываютъ, что онъ объ аристократическомъ обществѣ судилъ, какъ деревенскій

тоноша, который смотритъ на свѣтъ сквозь призму своего простодушія.

Еще менѣе знакомо было ему важное приобрѣтеніе греческой науки, идея, составляющая первое основаніе всякой философіи и торжественно одобренная потомъ позднѣйшей наукой, идея, состоявшая въ томъ, что своенравные боги, которымъ простодушная вѣра древнѣйшихъ временъ приписывала управленіе вселенной, давно уже отрѣшены были отъ должности. Лѣтъ за сто до него, Лукрецій мастерски выразилъ неизмѣняемость существующаго въ природѣ порядка вещей. Низпроверженіе чудесъ, — та великая мысль, что все въ мірѣ происходитъ по твердымъ законамъ, въ которыхъ личное вмѣшательство высшихъ существъ нисколько не участвуетъ, — эта мысль тогда была уже общимъ достояніемъ великихъ школъ во всѣхъ странахъ, получившихъ греческое образованіе. Быть можетъ, не чужда она была даже Вавилону и Персіи. Объ этомъ шагѣ впередъ ничего не зналъ Іисусъ, хотя родился онъ въ такую эпоху, когда уже провозглашенъ былъ принципъ положительнаго знанія; однакожь онъ жилъ въ полной декорачіи сверхъестественнаго. Можетъ быть, никогда еще не была въ евреяхъ столь сильна жажда къ чудесному. Даже Филонъ, который жилъ въ значительномъ

центрѣ тогдашней умственной дѣятельности, отзывается наукою химерной и весьма дурной пробы.

Иисусъ ничѣмъ не отличался, въ этомъ отношеніи, отъ своихъ земляковъ. Онъ вѣрилъ въ дьявола, котораго представлялъ себѣ въ родѣ какого-то генія зла, и вмѣстѣ со всеми воображалъ, что нервныя болѣзни суть произведеніе демоновъ, которые овладѣютъ несчастнымъ паціентомъ и трясутъ его. Чудесное не казалось ему исключеніемъ; оно было для него нормальнымъ ходомъ вещей. Понятіе о сверхъестественномъ, съ его невозможностями, появляется въ свѣтъ лишь со дня рожденія опытной науки о природѣ. Кто чуждъ всякаго понятія о физикѣ, кто думаетъ, что молитвою можно перемѣнить направленіе облаковъ, остановить болѣзнь и самую смерть, тотъ не находитъ въ чудесахъ ничего особенно страннаго, потому что весь ходъ вещей кажется ему результатомъ безпрестанныхъ отправленій произвола со стороны Божества. Такое умственное состояніе было всегдашнимъ состояніемъ Иисуса.) Но въ его великой душѣ это вѣрованіе производило дѣйствіе, совершенно противоположное обыкновенному его результату въ рядовыхъ людяхъ. Въ сихъ послѣднихъ вѣра въ непосредственное правленіе Божіе ведетъ обыкновенно къ вздорному легковѣрію и шарлатанскимъ плут-

нямъ. У него, напротивъ, она высказывалась глу-
бокимъ сознаниемъ самыхъ близкихъ отношеній че-
ловѣка къ Богу и преувеличеннымъ чрезъ то до-
вѣриемъ къ могуществу человѣка, — милыя заблуж-
денія, составлявшія источникъ его силы! если они
и должны были современемъ уронить его въ гла-
захъ физика и химика, то они давали ему надъ
современниками такую силу, какою ни одинъ смерт-
ный не располагалъ еще ни до него, ни послѣ.

Съ ранняго возраста открылись въ немъ харак-
теристичныя особенности. Легенда съ особеннымъ
усердiемъ распространяется о томъ, какъ онъ съ
самаго дѣтства былъ въ нѣкоторомъ сопротивленіи
родительской волѣ, и какъ, для слѣдованія своему
призванію, любилъ выходить изъ обыкновенной чре-
ды. Положительно извѣстно по крайней мѣрѣ то,
что родственныя отношенія имѣли для него мало
значенія. Въ своей семьѣ онъ былъ повидимому
не любимъ, а по временамъ и самъ оказывался къ
ней не слишкомъ нѣженъ. [Иисусъ, какъ все люди,
исключительно преданные идеѣ, ни во что не ста-
вилъ кровныя узы. Связь идеи есть единственная
связь, которую признаютъ такія натуры: „вотъ
мать моя, вотъ мои братья, говорилъ онъ, прости-
рая руку къ своимъ ученикамъ; кто творитъ волю
Отца моего, тотъ мой братъ и моя сестра.“ —]

Простодушная толпа не могла этого понять; однажды, говорят, какая то женщина, проходя мимо него, воскликнула: „блаженно чрево носившее тебя и сосцы тебя вскормившіе!“ „Скорѣе же блаженны тѣ, отвѣчалъ онъ, которые слышатъ слово Божіе и хранятъ его!“ Скоро онъ долженъ былъ, въ смѣломъ возстаніи противъ природы, сдѣлать еще шагъ далѣе; и мы увидимъ, какъ онъ потомъ попереть ногами все земное, узы крови, любви, отечества, и не оставитъ въ душѣ мѣста ничему, кромѣ идеи, которая представлялась ему въ абсолютной формѣ добра и истины.

ГЛАВА III.

Кругъ идей, въ недрахъ котораго развился Иисусъ.

Какъ остывшая земля уже не позволяетъ проникнуть въ феномены первобытнаго творенія, потому что давно потухъ проникавшій ее огонь, такъ самыя обдуманныя объясненія всегда въ чемъ нибудь недостаточны, когда дѣло идетъ о примѣненіи нашихъ робкихъ приемовъ индукціи къ переломамъ творческихъ эпохъ, которыми рѣшены судьбы человѣчества.

Еврейскій народъ имѣлъ то преимущество, что съ самаго вавилонскаго плѣна и до среднихъ вѣковъ былъ постоянно въ самомъ напряженномъ состояніи. Вотъ почему всѣ его писатели, служащіе органами его національнаго духа въ теченіи этого длиннаго періода, отзываются обаяніемъ сильнѣйшаго волненія, которое ставитъ ихъ то

выше, то ниже обыкновеннаго здраваго смысла, и рѣдко позволяетъ имъ идти его среднимъ путемъ. Никогда человѣкъ не обнималъ вопроса будущности и своей судьбы съ такой отчаянной, съ такой наклонной къ крайностямъ отвагой! Не раздѣляя судебъ человѣчества отъ судебъ своего маленькаго племени, еврейскіе мыслители прежде всѣхъ подумали о всеобщей теоріи хода человѣческихъ дѣлъ. Греція, всегда заключенная въ самой себѣ, и погруженная во всемъ вниманіемъ въ междуособія своихъ маленькихъ городовъ, имѣла конечно отличныхъ историковъ, однакожь до наступленія римской эпохи напрасно сталибъ мы искать у ней всеобщей системы философіи исторіи, которая обнимала бы все человѣчество. Еврей, напротивъ того, обладая какимъ то особымъ, свойственнымъ семиту, пророческимъ смысломъ, который по временамъ дивно изощряетъ его умственное зрѣніе передъ широкими очертаніями будущности, ввелъ исторію въ религію. Быть можетъ, онъ частію заимствовалъ этотъ духъ у перса. Персія искони вѣковъ понимала всемірную исторію, какъ рядъ переворотовъ, съ особымъ Пророкомъ во главѣ каждаго изъ нихъ. Каждый пророкъ имѣлъ свой *газаръ*, или тысячелѣтній періодъ царствованія (хиліазмъ), и изъ этого

последовательнаго рода длинныхъ періодовъ, возникаетъ нить событій, приготовляющихъ царство Ормузда. Въ концѣ временъ, когда кругъ хиліазмовъ истощится, наступитъ окончательный рай. Люди будутъ тогда жить счастливо; земля будетъ какъ равнина; для всѣхъ будетъ одинъ языкъ, одинъ законъ, одно правительство. Но прежде осуществленія всего этого, человѣчество претерпитъ много страшныхъ бѣдствій. Дахагъ (персидскій сатана) разорветъ оковы, связывающія его, и устремится на міръ. Два пророка придутъ къ утѣшенію людей и приготовленію великаго пришествія Ормузда. — Эти идеи странствовали по всему свѣту и проникли даже въ Римъ, гдѣ подъ ихъ вліяніемъ возникъ особый родъ пророческихъ поэмъ, основною мыслию которыхъ было раздѣленіе истории человѣчества на періоды, затѣмъ последовательный порядокъ господства соответственныхъ этимъ періодамъ боговъ, совершенно затѣмъ обновленіе міра, и наконецъ наступленіе золотаго вѣка. Книга Даніила, книга Еноха, нѣкоторыя части книгъ Сибиллинскихъ, суть ничто иное, какъ еврейское выраженіе той же самой теоріи. Разумѣется, эти мысли были далеко необщими для всѣхъ людей. Сначала приняли ихъ лишь немногія личности, которыя, при живомъ воображеніи, питали наклон-

ность къ иностраннымъ ученіямъ. Односторонній и сухой авторъ книги Есѣири никогда и не помышлялъ объ остальномъ мірѣ иначе, какъ съ презрѣніемъ и недоброжелательствомъ. Разочарованный эпикуреецъ, написавшій Экклезіаста, столь мало думаетъ о будущемъ, что считаетъ за излишнее трудиться даже для своихъ дѣтей; въ глазахъ этого себялюбиваго холостяка верхъ мудрости состоитъ въ томъ, чтобъ помѣстить свой капиталъ въ пожизненную ренту. Но великія вещи совершаются въ народѣ обыкновенно меньшинствомъ. При всѣхъ своихъ огромныхъ недостаткахъ: жесткости, своекорыстіи, цинизмѣ, лютой, односторонности, софизмѣ, — еврейскій народъ представляетъ однако первый примѣръ самаго прекраснаго увлеченія безкорыстнымъ энтузіазмомъ, какое когда либо украшало лѣтописи міра. Оппозиціонная партія всегда творитъ славу страны. Самые великіе люди націи суть именно тѣ, которыхъ она осуждаетъ на смерть. Сократъ составилъ славу Аѣннѣи, которые между тѣмъ думали, что съ нимъ ужиться невозможно. Спиноза есть самый великій изъ евреевъ новѣйшаго времени, и синагога извергла его съ позоромъ. Іисусъ былъ славою израильскаго народа, и его распяли на крестѣ.

Исполинская мечта въ теченіи многихъ вѣковъ преслѣдовала еврейскій народъ и, не смотря на его наружное распаденіе, содержала его въ вѣчной юности. Чуждый ученію о личныхъ наградахъ, распространившемуся изъ Греціи подъ именемъ безсмертія души, онъ сосредоточилъ всю силу любви и желаній на своей національной судьбѣ. Онъ вѣрилъ, что ему отъ Бога обѣщана безпредѣльная будущность; но между тѣмъ съ стѣсненнымъ сердцемъ видя, какіе жестокіе удары наносятъ этимъ ожиданіямъ суровая дѣйствительность, которая, съ IX-го предъ Р. Х. вѣка, постоянно укрѣпляла обладаніе міромъ за грубой силою, онъ устремился мыслию къ самымъ невозможнымъ сближеніямъ идей, къ самой затѣйливой игрѣ фантазіи, чтобъ только стать лицомъ къ лицу съ этой враждебной судьбою. Еще до наступленія вавилонскаго плѣна, когда затмилась предъ іудейскою націей, чрезъ отдѣленіе отъ нея сѣверныхъ колѣнъ, вся перспектива земной будущности, она начала мечтать о возстановленіи дома Давидова, о воссоединеніи обѣихъ частей народа, о грядущемъ торжествѣ теократіи и вѣры въ Іегову надъ богослуженіями языческими. Въ эпоху плѣна, одинъ исполненный гармоніи поэтъ представилъ въ столь дивномъ свѣтѣ великолѣніе будущаго Іерусалима,

данниками котораго будутъ самыя отдаленныя народы и острова, что можно подумать, будто лучъ Иисусова возрѣнія проникнулъ въ него на разстояніи цѣлыхъ шести вѣковъ впередъ.

Побѣда Кирова казалась нѣкоторое время осуществленіемъ всѣхъ этихъ надеждъ. Важные послѣдователи Авесты съ одной стороны, и обожатели Иеговы — съ другой, обнялись какъ братья. Персія успѣла выработать нѣчто похожее на монотеизмъ. Пророческій тонъ многихъ ученій Ирана имѣлъ большое сходство съ нѣкоторыми сочиненіями Осея и Исаи. Подъ управленіемъ Ахеменидовъ, Израиль вздохнулъ свободнѣе, а въ царствованіе Ксеркса (Ассеверуса библейскаго) сталъ страшенъ для самихъ Иранцевъ. Однако вслѣдъ за тѣмъ шумное, насильственное вторженіе въ Азію цивилизацій греческой и римской, повергло его вновь въ прежнія мечты. Пуще прежняго сталъ онъ взывать къ Мессіи, какъ судѣ и заступнику народовъ. Онъ сталъ жаждать теперь всесвѣтнаго обновленія, полной, фундаментальной революціи, такой, которая охватила бы міръ въ самыхъ коренныхъ его основахъ и поколебала бы его изъ конца въ конецъ: никакъ не менѣе нужно было евреямъ для утоленія той страшной мести, которую въ нихъ постоянно разжигало ярмо униженія, между

тѣмъ какъ внутреннее чувство безпрестанно имъ твердило о несравненномъ превосходствѣ ихъ предъ другими народами.

Иисусъ вступилъ, какъ только началъ мыслить, въ обаятельную атмосферу, образовавшуюся въ Палестинѣ отъ броженія вышеизложенныхъ идей. Эти идеи не преподавались ни въ какой школѣ, но онѣ носились въ воздухѣ, и съ ранняго возраста пропиталась ими его душа. Свойственныя нашему времени колебанія и сомнѣнія, были ему невѣдомы. На вершинѣ Назаретской горы, гдѣ и нынѣ не можетъ никто сидѣть, не чувствуя въ душѣ какого-то тревожнаго раздумья о своей судьбѣ, иногда весьма пустой, — на этой вершинѣ, вѣроятно, не разъ сидѣлъ Иисусъ. Свободный отъ эгоизма, — главнаго источника нашихъ печалей, побуждающаго насъ искать съ жадностію загробныхъ интересовъ для нашей добродѣтели, — онъ думалъ только о своемъ великомъ дѣлѣ, о своемъ племени, о человѣчествѣ. Эти горы, это море, это лазуревое небо, эти окаймляющія горизонтъ высокія равнины были для него не грустнымъ видѣніемъ души, вопрошающей природу о своей участи, а вѣрнымъ отраженіемъ, прозрачною завѣсою невидимаго міра и новыхъ небесъ.

Политическимъ событіямъ своего времени онъ

никогда не придавалъ большаго значенія и вѣроятно худо былъ съ ними знакомъ. Династія Иродовъ жила въ сферѣ столь различной отъ его сферы, что онъ, безъ сомнѣнія, по одному только имени ее и зналъ. Иродъ Великій умеръ въ самый годъ рожденія Іисуса, оставивъ за собою нетлѣнные слѣды, монументы, которые своимъ великолѣпіемъ должны были заставить даже самое неблагорасположенное къ нему потомство сблизить его имя съ Соломоновымъ; тѣмъ не менѣе работа его осталась неоконченною и безъ всякой возможности къ продолженію. Какъ свѣтскій честолюбецъ, зашедшій въ лабиринтъ религіозныхъ преній, этотъ хитрый Идумецъ обладалъ тѣмъ преимуществомъ, которое даютъ надъ толпою слѣпыхъ фанатиковъ хладнокровіе и умъ, не стѣсненные никакимъ нравственнымъ чувствомъ. Но его проектъ земнаго царства Израиля, еслибъ даже и не былъ при тогдашнемъ положеніи міра анахронизмомъ, осуществиться не могъ: онъ, точно также, какъ подобное предначертаніе Соломона, сокрушился бы о препятствія, лежавшія въ самомъ характерѣ націи. Его три сына были ничто иное, какъ римскіе намѣстники, въ родѣ индеевскихъ раіи подъ владычествомъ англичанъ. Антипатеръ или Антипась, тетрархъ Галилеи и Пе-

реи, подданнымъ котораго Иисусъ оставался: всю жизнь, былъ государь нерадивый и ничтожный, любимецъ и угодникъ Тиверія, слишкомъ часто подвергавшійся при томъ дурному вліянію своей второй жены Иродіады. Филиппъ, тетрархъ Голонитиды и Батаней, по землямъ котораго нерѣдко странствовалъ Иисусъ, былъ гораздо болѣе достойный правитель. Что касается до Архелая, етнарха іерусалимскаго, то Иисусъ не могъ его знать. Ему было около десяти лѣтъ отъ роду, когда этотъ слабый, безхарактерный и по временамъ бурный князь былъ низложенъ Августомъ. Тогда исчезъ для Іерусалима и послѣдній слѣдъ самоуправленія. Въ совокупности съ Самаріей и Идумеей, Іудея образовала родъ округа сирійской провинціи, гдѣ сенаторъ Публий, Сульпицій Квириній, консульскаго достоинства весьма извѣстное лицо, былъ императорскимъ легатомъ. Во главѣ Іудеи преемствуютъ другъ другу рядъ подвѣдомственныхъ, по важнѣйшимъ вопросамъ, императорскому легату Сиріи, римскихъ прокураторовъ: Копоній, Маркъ-Абивій, Анній Руфъ, Валерій Гратъ, и наконецъ (въ 26 году нашей эры) Понтій Пилатъ, непрерывно занятые погашеніемъ вулкана, что день взрывавшагося подъ ихъ ногами.

Въ самомъ дѣлѣ мятежи, поджигаемые ревни-

телями Моусеева Закона, продолжали непрерывно беспокоить Иерусалимъ во все это время. Мятежниковъ ждала неминуемая смерть; но смерть, когда дѣло шло о неприкосновенности закона, считалась вождеденнымъ призомъ: ей шли на встрѣчу съ жадностію. Низложить орловъ, сокрушить возведенныя Иродами, съ нарушеніемъ иногда Моусеевыхъ уставовъ, сооруженія, сорвать долой вывѣшенныя отъ Прокуратора афиши съ публичными объявленіями, если содержаніе сихъ послѣднихъ отзывалось идолопоклонствомъ, — все это подстрекало къ возмущенію фанатиковъ, изступленіе которыхъ перешло предѣлы чувства любви къ жизни. Иуда, сынъ Арноеевъ, и Матіасъ, сынъ Маргалотовъ, два весьма извѣстныхъ законоучителя, образовали такимъ образомъ партію смѣлаго сопротивленія существующему порядку вещей, партію, которая не перестала дѣйствовать и послѣ ихъ казни. Самарія представляла зрѣлище волнений того же рода. Кажется, никогда еще Законъ не находилъ столь пламенныхъ заступниковъ и въ такомъ множествѣ, какъ въ то время, когда уже стоялъ надъ нимъ Пришедшій для его отмѣны, всей властію своего генія и могучей своей души. Стали появляться такъ называемые „Зелоты“ (*Кенаимъ*) или „Сикарип“, набожные убійцы,

вмѣнявшіе себѣ въ обязанность умерщвлять всякаго, кто нарушалъ предъ ними Законъ. Тауматурги (чудотворцы), представители совѣмъ иного духа, выдавали себя за людей боговдохновенныхъ, и встрѣчали себѣ вѣру, благодаря составлявшей принадлежность вѣка сильной потребности въ сверхъестественномъ и чудесномъ.

Гораздо болѣе вліянія имѣло на Иисуса движеніе Іуды — такъ называемаго Голонита или Галилеянина. Изъ всѣхъ требованій, которымъ подвергалъ Римъ вновь покоренныя имъ страны, самымъ непопулярнымъ былъ цензъ, или народная перепись по имуществу. Эта мѣра, всегда изумляющая народы, непривыкшіе къ податнымъ системамъ колоссальныхъ, сосредоточенныхъ правительствъ, была особенно ненавистна евреямъ. Уже въ царствованіе Давида мы видимъ, что ревизія вызвала сильныя жалобы и угрозы со стороны пророковъ. Въ самомъ дѣлѣ, перепись была основаніемъ налога; а налогъ, съ чисто теократической точки зрѣнія, былъ почти богохульствомъ. Такъ какъ Господь Богъ есть единственный владыка, котораго человѣкъ долженъ признавать, то платить подать свѣтскому Государю, значитъ нѣкоторымъ образомъ ставить его на мѣсто Божіе. Совершенно чуждая идеѣ государства, еврейская

теократія была весьма логична и послѣдовательна въ своемъ заключеніи, отвергая гражданское общество и всякое правительство. Казна публичныхъ кассъ считалась деньгами украденными. Провозглашенная (въ 6 году христіанской эры) Квириніемъ перепись страшно разшевелила эти идеи и произвела величайшее волненіе. Возстаніе началось въ сѣверныхъ провинціяхъ. Нѣкто Іуда, изъ города Гамалы, на восточномъ берегу Тиверіадскаго озера, и одинъ Фарисей, по имени Садокъ, отвергая законность податей, образовали многочисленную партію, которая вскорѣ подняла открытый мятежъ. Основныя начала этой школы состояли въ томъ, что нѣкого не слѣдуетъ называть Господомъ, такъ какъ этотъ титулъ принадлежитъ одному только Богу, и что свободу надобно предпочитать жизни. Безъ сомнѣнія Іуда имѣлъ также другіе принципы, о которыхъ однако Іосифъ Флавій, всегда оберегающій предъ современниками репутацію своихъ единовѣрцевъ, намѣренно умалчиваетъ; ибо иначе непонятно, какъ за столь простую идею еврейскій историкъ ставитъ его на ряду съ философами своей націи и видитъ въ немъ основателя четвертой великой школы, параллельной школамъ Фарисеевъ, Саддукеевъ и Ессеевъ. Іуда очевидно былъ главою секты гали-

лейской, исполненной Мессіанизма, и имѣвшей цѣлю политическое движеніе. Прокураторъ Копоній подавилъ мятежъ Голонита; но его школа осталась и сохранила своихъ старшинъ. Подъ предводительствомъ Менахема, сына Іудина, и нѣкоего Елеазара, его родственника, она является опять весьма дѣятельною въ послѣдней борьбѣ евреевъ съ римлянами. Іисусъ, быть можетъ, самъ видалъ этого Іуду, столь различно съ нимъ понимавшаго еврейскую революцію; во всякомъ случаѣ онъ хорошо зналъ школу Іуды, и вѣроятно движимый реакціей противъ его заблужденія, онъ и произнесъ свое знаменитое изреченіе о кесаревомъ денаріѣ. Благоразумный Іисусъ, будучи далекъ отъ всякаго мятежа, воспользовался ошибкой своего предшественника, и задумалъ иное царство, иное освобожденіе.

Такимъ образомъ, Галилея была обширнымъ горниломъ, въ которомъ кипѣли и волновались самыя разнородныя элементы. Необыкновенное презрѣніе къ жизни, или лучше сказать какая то жажда смерти была послѣдствіемъ этихъ волненій. Въ великихъ фанатическихъ движеніяхъ прошедшіе опыты ничего не значатъ, не служатъ урокомъ. Такъ въ Алжирѣ, въ первое время занятія его французами, появлялись каждую весну новыя

герои вдохновенія, провозглашавшіе себя посланными отъ Бога, для прогнанія невѣрныхъ, и неуязвимыми. На слѣдующій годъ ихъ смерть уже забыта и преемникъ ихъ встрѣчаетъ опять ту же вѣру. Какъ ни тягостно было, съ нѣкоторой стороны, господство римлянъ, однакожъ оно допускало довольно много свободы, потому что не любило мелкихъ хлопотъ. Эти колоссальныя имперіи грубой силы, столь страшныя, при обузданіи сопротивленія, далеко не были столь подозрительны, какъ тѣ правительства, которыя озабочены охраненіемъ какого нибудь догмата. Онѣ ослабляютъ бразды и даютъ полную волю дѣйствіямъ до того дня, когда наконецъ признаютъ необходимымъ немного посвирѣшествовать. Нигдѣ не видно, чтобъ Іисусъ, при своемъ скитальческомъ родѣ жизни, хоть разъ былъ остановленъ полиціей. Такая свобода и особенное счастье Галилеи, состоявшее въ томъ, что она гораздо менѣе остальной Іудеи была связана оковами фарисейскаго педантизма, давали этому краю большое преимущество предъ Іерусалимомъ. Революція, или другими словами Мессіанизмъ, тамъ шевелилась уже во всѣхъ умахъ. Со дня на день всѣ ожидали великаго обновленія. Различныя на тысячу ладовъ истолкованія писаній служили пищею этимъ колоссальнымъ ожиданіямъ. Въ каждой строкѣ

простыхъ писменъ Вѣтхаго Завѣта видѣли обѣтованіе, даже нѣкоторый родъ программы наступающаго царствія, которое должно было даровать праведнымъ миръ и навсегда запечатлѣть успѣхъ божіяго дѣла.

Во всѣ времена это раздѣленіе на двѣ противоположныя, по интересу и духу, партіи было для еврейской націи принципомъ преуспѣянія въ нравственномъ развитіи. Всякій народъ съ великимъ призваніемъ есть уже нѣкоторымъ образомъ самъ по себѣ цѣлый міръ и непременно долженъ заключать въ нѣдрахъ своихъ противоположныя полюсы. Греція на разстояніи нѣсколькихъ миль представляла два враждебныхъ города: Спарту и Аѣны, повидимому взаимныхъ антиподовъ для поверхностнаго наблюдателя, въ дѣйствительности же — двухъ родныхъ братьевъ-соперниковъ, одинъ другому необходимыхъ. Тоже самое было и съ Иудеями. Развитіе сѣвера, хотя не столь блистательное, какъ іерусалимское, было между тѣмъ въ сущности плодovitѣе; самыя живыя созданія еврейскаго народа произошли оттуда. Совершенное отсутствіе любви къ природѣ, съ происходящею оттого жестокостію, угрюмостію, сообщило всѣмъ произведеніямъ чисто-Іерусалимскимъ характеръ грандіозный, но вмѣстѣ съ тѣмъ уны-

дый, сухой, непривлекательный. Съ своими педантическими доктринарами, съ своими нелѣпыми законовѣдами, съ своими лицемерными и желчными ханжами, Иерусалимъ не способенъ былъ завоевать человѣчество. Съверъ явилъ міру наивную Суламитку, кроткую Хананеянку, пламенную Магдалину, доброхотнаго отца-кормильца Іосифа и Дѣву-Марію. Съверъ одинъ создалъ Христіанство; Иерусалимъ, напротивъ того, есть подлинное отечество упорнаго Іудаизма, основаннаго Фарисеями, закрѣпленнаго Галмудомъ, перешедшаго чрезъ средніе вѣка и, наконецъ, достигшаго до насъ.

Восхитительная природа способствовала образованію въ Галилеѣ духа гораздо менѣе суроваго, — монотеизма гораздо менѣе терпкаго, если смѣю такъ выразиться, который давалъ всѣмъ ея думамъ оборотъ идиллическій, прелестный. Трудно представить себѣ что нибудь угрюмѣе окрестностей Иерусалима. Галилея, напротивъ того, вся въ зелени, вся въ тѣни, какъ рай веселая, очаровательная, была по истинѣ странною вдохновенія и любви, завѣтнымъ краемъ пѣсни пѣсней. Въ Мартѣ и Апрѣлѣ поля покрыты тамъ силошнымъ ковромъ цвѣтовъ, краски которыхъ поражаютъ несравненной свѣжестію. Туземныя животныя

малорослы, за то чрезвычайно кротки. Тоненькія, рѣзвыя горлицы, сизые дрозды такой легкости, что стебелекъ травы подъ ними не поломится, жаворонки-хохлатки, которые безъ робости садятся у самыхъ почти ногъ путника, маленькія черепахи ручьевъ, съ блестящими и кроткими глазами, аисты съ стыдливимъ и важнымъ видомъ, но безъ всякой робости, подстунаютъ къ человѣку такъ близко, что кажется какъ будто его ищутъ. Нѣтъ на свѣтѣ страны, гдѣ бы горы раскидывались предъ взоромъ восхитительнѣе, гдѣ бы ихъ видъ исполнилъ человѣческое сердце бѣльшимъ благоговѣніемъ къ высокому. Іисусъ повидимому ихъ особенно любилъ. Самыя важныя дѣянія его божественнаго поприща совершаются на горахъ; тамъ онъ находилъ чистѣйшее вдохновеніе, тамъ держалъ онъ тайныя бесѣды съ древними пророками и представлялся взорамъ учениковъ своихъ совсѣмъ преобразеннымъ.

Эта прелестная страна, которая въ слѣдствіе страшнаго оскудѣнія, пролитаго Исламомъ на человѣческую жизнь, имѣетъ нынѣ унылый, раздирающій сердце видъ, но гдѣ нынѣ все то, чего человѣкъ не могъ разрушить, еще дышетъ привольемъ, тишиною, иѣгой, — была въ эпоху Іисусову въ полнотѣ благосостоянія. Жители отличались

энергіей, мужествомъ, трудолюбіемъ. За исключеніемъ одной Таверіады, выстроенной (около 15 года) Антипасомъ, въ римскомъ стилѣ, въ честь Тиверіа, большихъ городовъ въ Галилеѣ не было. Тѣмъ не менѣе населеніе края было весьма значительно; покрытый маленькими городками и довольно обширными селами, онъ былъ во всѣхъ концахъ тщательно воздѣланъ. По тѣмъ развалинамъ, которыя еще остались отъ его прежняго блеска, можно судить, что страна эта принадлежала земледѣльческому народу, несвѣдущему въ изящныхъ искусствахъ, не заботившемуся объ роскоши, совершенно равнодушному къ красотѣ формъ и исключительно преданному идеѣ. Поля изобиловали свѣжею водою и плодами; лучшіе сельскіе дома обсажены были виноградниками и смоковницами; сады красовались сплошными группами лимонныхъ, гранатныхъ и померанцевыхъ деревьевъ. Вино было превосходно, если судить по производящемуся еще донныѣ еврейскому виноградію въ Софедѣ, и пили его много. Эта жизнь приволья и легко достающагося довольства отнюдь не вела еврея къ грубому матеріализму нашего поселянина, ни къ шумнымъ пирамъ Нормандіи, ни къ тяжелому шутовству фланцевъ. Она знаменовалась тамъ эфирными мечтами, нѣкотораго

рода поэтическимъ мистицизмомъ, сливающимъ небо съ землею. Пусть строгій Іоаннь-креститель въ своей іудейской пустынѣ проповѣдуетъ покаяніе. пусть онъ разить чадъ вѣка своимъ громовымъ словомъ, питаясь саранчей, да живя съ шакалами. Для чего друзья жениха будутъ поститься пока мѣстъ женихъ еще съ ними? Веселіе принадлежитъ къ удѣлу царствія Божія. Не есть ли оно порожденіе сердечной преданности и благорасположенной воли?

Такимъ образомъ, вся исторія возникающаго христіанства строится въ какую-то миловидную идиллію. Мессія за свадебнымъ столомъ; грѣшница и добрый мытарь Захей на его пирахъ званые гости, и зиждители царства небеснаго являются какъ веселый поѣздъ свадебныхъ дружекъ. Вотъ какую мысль осмѣлилась произвести Галилея, и умѣла заставить весь свѣтъ благоговѣть предъ нею. Греція, въ скульптурѣ и въ поэзіи, дала конечно міру дивныя изображенія челоувѣческой жизни, но въ нихъ всегда не достаетъ перспективы, широкаго горизонта. Въ этомъ отношеніи еще недостаточно мрамора, искусныхъ работниковъ, или изысканнаго, изощреннаго языка. Въ Галилеѣ суждено было воспарить народному воображенію до самаго высокаго идеала, потому что

сквозь ея идиллію видна судьба всего человѣческаго рода, и озаряющій ея картину свѣтъ есть солнце царствія Божія.

Иисусъ жилъ и выросъ въ этой упонительной средѣ. Съ самаго дѣтства онъ почти каждый годъ совершалъ путешествія въ Іерусалимъ, на праздникъ. Такія путешествія для провинціальныхъ евреевъ имѣли видъ веселыхъ торжествъ. Цѣлыя собранія псалмовъ посвящены хваламъ блаженства этихъ семейныхъ странствованій, въ теченіи нѣсколькихъ дней весною, чрезъ горы, холмы и долины, между тѣмъ какъ воображеніе рисуесть путникамъ ожидающій ихъ блескъ Іерусалима, страшную неприступность священныя сѣней и радость ликованія въ братскомъ кругу. Обыкновенный маршрутъ Іисуса, въ этихъ странствіяхъ, былъ тотъ же самый, который въ употребленіи и нынѣ, то есть черезъ Гинею и Сихемъ. Отъ Сихема до Іерусалима дорога труднѣе, но бодрость духа поддерживается въ путникѣ мыслію о близости древнихъ святилицъ: Сило, Бетеля, мимо которыхъ его путь идетъ. *Аинъ-эль хараміе*, послѣднее перенутіе, представляетъ мѣстность грустную, но очаровательную. Рѣдкое впечатлѣніе можетъ стать въ рядъ съ тѣмъ, которое здѣсь ощущаетъ пилигримъ, располагаясь на вечернюю стоянку. Долина узка

и мрачна; черная вода точится по бокамъ ея сквозь скалы съ высѣченными въ нихъ гробницами. Это должно быть та долина „плача“ или слезящихъ водъ, которая воспѣта, какъ перепутіе, въ прекрасномъ псалмѣ LXXXIV, и которую потомъ обратилъ въ эмблему жизни тихій, печальный мистицизмъ среднихъ вѣковъ. На другой день, рано утромъ, посѣтитъ караванъ въ Іерусалимъ. Это ожиданіе ободряетъ, живить его еще съ вечера и убаюкиваетъ на сонъ грядущій.

Такія путешествія, облегчая народу сближеніе и взаимный обмѣнъ мыслей, почти всегда были средоточіемъ волненій, и ставили Іисуса въ соприкосновеніе съ душою его народа; здѣсь конечно онъ весьма рано почувствовалъ сильнѣйшее отвращеніе къ тѣмъ пророкамъ, которыми отличались официальные представители Іудаизма. Иные утверждаютъ, что съ ранняго же возраста пустыня была для него другою школою, и что будто бы иногда долгоюкою онъ въ ней проживалъ. Но Богъ, котораго встрѣчалъ онъ тамъ, былъ чуждый ему Богъ, который развѣ могъ быть только Богомъ Іова, грознымъ и ужаснымъ, передъ которымъ всѣ виновны и нѣтъ правыхъ никого. Пороку Сатана пытался искушать его. Тогда онъ

возвращался въ свою милую Галилею, гдѣ встрѣчалъ всегда Отца небеснаго, полного любви, среди зеленѣющихъ горъ и свѣтлыхъ источниковъ, среди хороводовъ дѣтей и женщинъ, которыя съ веселіемъ въ душѣ, съ пѣснями ангеловъ на сердцѣ, ждали спасенія Израиля.

ГЛАВА IV.

*Первыя нравственныя замчанія Иисуса. —
Его идеи о Богѣ-Отцѣ и о религіи чистой.
— Его первые ученики.*

Иосифъ умеръ прежде, нежели сынъ его успѣлъ созрѣть для какой либо общественной роли. Марія осталась во главѣ семейства; и этимъ объясняется, почему ея сына, для отличія отъ соименниковъ, которыхъ было много, стали всего чаще называть „сыномъ Маріи“. По кончинѣ мужа, вѣроятно ничѣмъ болѣе непривязанная къ Назарету, она удалилась въ Кану, гдѣ могла быть ея родина. Кана былъ маленькій городокъ, верстахъ въ десяти отъ Назарета, у подошвы горъ, ограничивающихъ долину Ахозизскую съ сѣверной стороны. Обширный, хотя не столь величественный, какъ въ Назаретѣ, видъ простирается на всю долину, окаймляясь вдали живо-

писными горами Назарета и пригорками Сефоризскими. Здѣсь повидимому жилъ также нѣкоторое время Иисусъ. Онъ вѣроятно здѣсь провелъ часть юности и положилъ первое начало своему блистательному поприщу.

Онъ исправлялъ ремесло отца, который былъ плотникомъ. Ничего унижительнаго или жалкаго въ этомъ положеніи не было. Еврейскій обычай требовалъ отъ всякаго, хотя бы посвящающаго себя умственнымъ трудамъ, изученія какого нибудь ремесла или промысла. Ремесломъ занимались даже самые знаменитые учителя; такъ на примѣръ Св. Павелъ, получившій столь тщательное воспитаніе, былъ шатерный мастеръ. Въ супружество Иисусъ не вступалъ. Всю свою силу любви онъ обратилъ на то, что считалъ своимъ небеснымъ призваніемъ. Выказавшееся въ немъ нѣжнѣйшее чувство къ женщинамъ было нераздѣльно съ исключительной преданностію своей идеѣ. Какъ Францискъ Ассизскій, какъ Францискъ Салескій, онъ смотрѣлъ на женщинъ, пламенѣвшихъ ревностію къ одному съ нимъ дѣлу, какъ на сестеръ своихъ. Были у него свои и святая Клара и Франциска Шапталская. Только весьма вѣроятно, что онѣ-то имѣли болѣе влеченія къ нему, нежели къ его дѣлу; и безъ сомнѣнія онъ былъ любимъ

сильнѣе, нежели любилъ. Въ немъ нѣжность сердца, какъ это часто случается съ натурами высокими, преобразилась въ безконечную кротость, въ неопредѣленную поэзію души, и въ прелесть всей его личности.

Какимъ путемъ шло развитіе мысли Іисуса въ продолженіе этого темнаго періода его жизни? Какого рода размышленіями открылъ онъ свое пророческое поприще? Никто этого не знаетъ, такъ какъ его исторія дошла до насъ лишь въ отрывочныхъ разсказахъ и безъ точной хронологіи. Но развитіе живыхъ существъ собственно вездѣ одинаково, и не подлежитъ сомнѣнію, что ростъ такой могучей личности, какъ личность Іисуса, долженъ былъ слѣдовать весьма строгимъ законамъ. Высокое понятіе о Божествѣ, которымъ онъ былъ обязанъ не іудаизму, а кажется цѣликомъ вылившееся изъ его великой души, было въ нѣкоторомъ смыслѣ основнымъ началомъ всей его силы.

Іисусъ видѣній не имѣлъ; Богъ съ нимъ бесѣдуетъ не извнѣ; Богъ въ немъ живетъ; онъ чувствуетъ въ себѣ Бога, и изъ своего же сердца извлекаетъ вѣщаніе о своемъ Отцѣ. Посредствомъ непрерывающагося ни на одну минуту сообщенія, онъ живетъ въ нѣдрахъ Божества; онъ не видитъ, но чувствуетъ его, не нуждаясь для того

ни въ какихъ декораціяхъ: ни въ громѣ или купинѣ горящей, какъ Моисей, ни въ бурѣ прорицательной, какъ Іовъ, ни въ оракулѣ, какъ древніе мудрецы Греціи, ни въ геніѣ-хранителѣ, какъ Сократъ, ни въ ангелѣ Гавріилѣ, какъ Магометъ. Тутъ нѣтъ игры воображенія или обмана чувствъ какойнибудь Св. Терезы. Тутъ нѣтъ также ничего похожаго на безчувственное упоеніе какогонибудь персидскаго софи, провозглашающаго свое единеніе съ Богомъ. Ни на одинъ мигъ не промелькнула у Іисуса святотатственная мысль, что онъ есть Богъ. Онъ считаетъ себя въ непосредственномъ съ Богомъ сообщеніи, онъ считаетъ себя сыномъ Божиимъ. Высочайшая идея Божества, какая когда либо существовала въ нѣдрахъ человечества, есть идея Іисуса.

Съ другой стороны понятно, что съ такимъ направленіемъ въ душѣ, Іисусъ отнюдь не могъ быть умозрительнымъ философомъ. Ничто не можетъ быть далѣе отъ схоластическаго богословія, какъ евангеліе. Умозрѣнія греческихъ отцевъ церкви о Божіемъ существѣ проникнуты совсѣмъ другимъ духомъ. Богъ непосредственно признанный за отца, — вотъ и все богословіе Іисуса. Да и то у него не было принципомъ теоретическимъ, ученіемъ болѣе или менѣе основаннымъ на

доказательствахъ, которыми бы онъ старался убѣждать другихъ.

Конечно, Иисусъ не вдругъ пришелъ къ такой высокой себя оцѣнкѣ. Но очень можетъ быть, что съ первой же поры вступленія на свое поприще, онъ сталъ смотрѣть на свои отношенія, какъ на сыновнія къ отцу. Здѣсь выражается великая черта его оригинальности, черта нисколько не принадлежащая его племени. Ни еврею, ни мусульманину не было доступно это восхитительное богословіе любви. Богъ Иисуса отнюдь не тотъ владыка страшный, неприступный, который разитъ когда ему угодно, судитъ какъ ему угодно, и милуетъ кого ему угодно. Богъ Иисуса есть отецъ нашъ. Его мы слышимъ, внимая сладостному лепету своего же внутренняго чувства, пробуждающагося въ насъ при словѣ „отецъ“. Это не тотъ пристрастный деспотъ, который избралъ Израила своимъ народомъ и лишь его одного защищаетъ противъ всѣхъ. Это Богъ всего человѣческаго рода. Съ нимъ Иисусъ не будетъ ни патриотомъ, какъ Маккавей, ни теократомъ, какъ Иуда Голонитъ. Смѣло возвышаясь надъ предразсудками своей націи, онъ водворитъ универсальное отцовство Бога. Голонитъ училъ, что лучше принять смерть, нежели назвать именемъ „Го-

скода“ кого либо кромѣ Бога. Иисусъ предоставляет это имя вѣмъ кому угодно, сохраняя для Бога другой титулъ, болѣе мягкій. Съ глубокой проницей отдавая сильнымъ земли (на которыхъ вообще смотрѣлъ, какъ на представителей лишь насилія) требуемую ими дань уваженія, онъ создалъ для души утѣшеніе высшее, открылъ прибѣжище къ Отцу, котораго каждый имѣетъ на небесахъ, и указалъ дѣйствительное царствіе Божіе, которое каждый носить въ своемъ сердцѣ.

Это имя „царствія Божія“, или „царствія небснаго“ было любимымъ терминомъ Иисуса для выраженія той революціи, которую онъ несъ въ міръ. Какъ вѣ почти термины мессіанизма, оно заимствовано изъ книги Даніила. По словамъ автора этой необыкновенной книги, за четырьмя царствами нечестія, обреченными крушенію, наступитъ царство пятое, царство святыхъ, которое будетъ продолжаться вѣчно. Это царствіе Божіе на землѣ натурально допускало разнороднѣйшія толкованія. Въ смыслѣ еврейскаго богословія, подъ „царствіемъ Божіимъ“ разумѣется чаще всего самый іудаизмъ, т. е. истинная религія, исповѣданіе единого Бога, благочестіе. Въ послѣднее время своей жизни Иисусъ полагалъ, что это царствіе оеуществится вещественно внезапнымъ и насиль-

ственнымъ обновленіемъ всего міра. Но безъ сомнѣнія не такъ думалъ онъ въ началѣ. Дивная мораль, которую онъ извлекаетъ изъ своего понятія о Богѣ-отцѣ, совсѣмъ не та, которою отличаются энтузіасты, воображающіе міръ близкимъ къ концу и приготовляющіеся отшельничествомъ и аскетствомъ къ химерной катастрофѣ. Скорѣе же это есть мораль міра, желающаго жить и жизнь вкусившаго. „Царствіе Божіе внутри васъ есть“, говорилъ онъ тѣмъ, которые, желая смутить его вопросами, спрашивали о виѣшнихъ его знаменіяхъ. Вещественное представленіе его, въ видѣ втораго пришествія, было не болѣе, какъ мимолетной тучею, минутнымъ заблужденіемъ, которое искуплено смертію. Іисусъ-основатель царства Божія, царства кроткихъ и смиренныхъ, — вотъ Іисусъ первыхъ дней, тѣхъ свѣтлыхъ и непомраченныхъ дней, когда голосъ Отца звучалъ чище въ груди его. Былъ тогда небольшой періодъ времени, нѣсколько мѣсяцевъ, быть можетъ около года, въ который подлинно Богъ обиталъ на землѣ. Рѣчь молодаго плотника вдругъ стала дивно сладкогласна. Несказаннымъ очарованіемъ исполнилась вся его личность, и люди, прежде знавшіе его, не могли надивиться, внимая ему. Учениковъ еще у него не было; тѣснившаяся около него группа не

была еще собственно ни сектою, ни школою; но въ ней уже былъ ощутителенъ общій духъ, всепроникающій и кроткій. Его плѣнительный характеръ, и безъ сомнѣнія одно изъ тѣхъ прелестныхъ лицъ, которыя еще и нынѣ иногда встрѣчаются въ еврейской расѣ, распространяли около него какъ бы заколдованный кругъ, въ который толпами устремлялось населеніе края, доброхотное и наивное.

Дѣйствительно рай осуществился бы на землѣ, еслибъ идеи юнаго учителя не перешли ужъ слишкомъ далеко за тотъ уровень посредственной добродѣтели, выше котораго подняться доселѣ Человѣческому роду еще не удалось. Братство людей, какъ сыновъ Божіихъ, и вытекающіе изъ него нравственные результаты онъ развилъ съ необыкновенно тонкимъ чувствомъ. Какъ всѣ раввины того времени, Іисусъ, имѣя мало склонности къ длиннымъ систематическимъ разсужденіямъ, вмѣщалъ все свое ученіе въ сжатые и выразительные афоризмы, иногда загадочные и нѣсколько оригинальные. Нѣкоторыя изъ этихъ правилъ жизни происходили изъ вѣтхо-завѣтныхъ книгъ. Другія представляютъ мысли позднѣйшихъ, въ особенности Антигона Сокосаго, Іисуса сына Сирахова и Гиллея, дошедшія до него не научнымъ изученіемъ, а путемъ обращавшихся въ народѣ пословицъ. Си-

нагога избилowała изреченіями мудрости, весьма удачно выраженными, и которыя составляли родъ летучей словесной литературы. Иисусъ принялъ почти цѣликомъ все это изустное ученіе, проникнувъ его только высшимъ духомъ. Всегда набавляя кое-что на предписываемыя закономъ обязанности, онъ хотѣлъ совершенства. Всѣ добродѣтели, смиреніе, всепрощеніе, челоуѣколюбіе, самоотверженіе, строгость къ самому себѣ, — добродѣтели совершенно справедливо названныя христіанскими, въ томъ смыслѣ, что дѣйствительно проповѣданы Христомъ, — имѣли зародышъ въ этомъ первомъ ученіи. Со стороны правосудія онъ довольствовался повтореніемъ старой, обращавшейся въ народѣ, поговорки: „не дѣлай другому чего себѣ не желаешь“. Но эта, все еще нѣсколько эгоистическая мудрость, не удовлетворяла его. Онъ превзошелъ ея предѣлы:

„Если кто нибудь ударить тебя въ правую ланиту, то подставь ему и другую. Если кто нибудь оспариваетъ у тебя твою одежду исподнюю, то отдай ему вмѣстѣ съ нею и верхнюю“.

„Если правое твое око соблазняетъ тебя, то вырви его и брось отъ себя“.

„Любите враговъ вашихъ, добро творите не-

навидящимъ васъ; молитесь за преслѣдующихъ васъ“.

„Не судите и не будете судимы. Прощайте и простится вамъ. Будьте милосерды, какъ милосердъ Отецъ вашъ небесный. Дающіе блаженнѣе принимающихъ. Смиряющій себя вознесется, возносящій себя смирится“.

О милостыни, благочестіи, благотворительности, кротости, миролюбіи, о полной искренности сердца, мало оставалось ему прибавить новаго къ готовому уже ученію синагоги. Но онъ умѣлъ проикнуть это ученіе столь августѣйшимъ величіемъ, согрѣть его такою теплотою души, что изъ старыхъ, давно извѣстныхъ афоризмовъ, вышли новые. Правовученіе состоитъ не въ однихъ принципахъ, болѣе или менѣе ясно выраженныхъ. Его поэзія, которая вселяетъ любовь къ нему, значитъ болѣе, нежели оно само, въ смыслѣ абстрактной истины. И такъ, нельзя не согласиться, что эти правила жизни, заимствованныя Иисусомъ у предшественниковъ, имѣютъ въ евангеліи совсѣмъ другую фізіономію, чѣмъ въ древнемъ Законѣ, въ Pirké-Aboth или въ талмудѣ. Не древній Законъ Иеговы, не талмудъ покорили, преобразовали міръ. Евангельская правдивость сама по себѣ мало оригинальна въ томъ смыслѣ, что изъ выраженныхъ уже прежде ея пра-

вилъ почти всю ее можно построить вновь; тѣмъ не менѣе она остается доселѣ высочайшимъ изъ всѣхъ порожденій человѣческаго самосознанія и самымъ дивнымъ уставомъ совершенной жизни, какой когда либо удалось начертать моралисту.

Противъ ученія Моисея онъ не возставалъ; но ясно, что онъ видѣлъ его недостаточность. Онъ давалъ это чувствовать, и безпрестанно повторялъ, что должно дѣлать болѣе того, что предписывали древніе правоучители. Онъ запрещалъ малѣйшую грубость слова, возбранялъ разводъ и всякую клятву, порицалъ месть, осуждалъ лихву, находилъ сладострастное поползновеніе однозначущимъ съ прелюбодѣяніемъ. Онъ требовалъ всепрощенія обидъ; и въ основѣ всѣхъ этихъ правилъ высокаго человѣколюбія всегда ставилъ одно и тоже побужденіе: да будете сынами Отца вашего небеснаго, который своимъ солнцемъ свѣтитъ на добрыхъ и на злыхъ, дождитъ на праведныхъ и неправедныхъ. Если вы любите, продолжалъ онъ, только тѣхъ, которые васъ любятъ, то какая же въ томъ ваша заслуга? Это дѣлаютъ и мытари. Если вы ласковы только къ вашимъ братьямъ, то что же въ томъ? Вѣдь это дѣлаютъ и язычники. Будьте совершенны, какъ совершенъ вашъ небесный Отецъ“.

Чистое богослуженіе, религія безъ священниковъ, безъ наружныхъ обрядовъ, основанная всецѣло на чувствахъ сердца, на подражаніи Богу, на непосредственномъ сообщеніи совѣсти съ небеснымъ Отцемъ, — были необходимымъ выводомъ изъ этихъ принциповъ. Іисусъ не оробѣлъ, не отступилъ передъ этимъ смѣлымъ выводомъ, который между тѣмъ дѣлалъ его, въ средѣ іудаизма, первокласнымъ революціонеромъ. Къ чему посредники между человѣкомъ и Отцемъ его? Такъ какъ Богъ смотритъ лишь на сердца ваши, то для чего же эти очищенія, эти обряды, которые ограничиваются од нимъ тѣломъ? Самое преданіе, столь священное въ глазахъ еврея, ничего не значитъ въ сравненіи съ чистотою сердца. Лицемѣріе Фарисеевъ, которые въ молитвѣ оглядывались по сторонамъ, смотрятъ ли на нихъ, которые творили милостыню съ шумомъ, и носили на платьяхъ особые знаки для того, чтобъ слыть за благочестивыхъ людей, все это фиглярство лицемѣрія возмущало его: „Они приняли мзду свою отъ человѣковъ, вмѣсто того, чтобы принять ее отъ Отца небеснаго, говорилъ онъ; когда ты творишь милостыню, то пусть не вѣдаетъ лѣвая рука твоя, что дѣлаетъ правая, дабы твое благодѣяніе осталось въ тайнѣ, и Отецъ, видящій тайное, воздастъ тебѣ. А когда

молишься, то не подражай лицемѣрамъ, которые любятъ молитвословить въ синагогахъ и на площадяхъ, чтобъ видѣли люди. Подлинно, говорю, они въ этомъ и приѣмлютъ мзду свою. Когда молиться хочешь, то войди въ свою комнату, и, затворивъ двери, вознесись мыслію къ Отцу твоему сокровенному; и Отецъ твой, видящій сокровенное, тебя удовлетворитъ. И, молясь, не читай рѣчей длинныхъ, какъ язычники, воображающіе, что возмутъ многоглаголаніемъ. Твой Богъ знаетъ твою нужду прежде твоей просьбы“.

Онъ не представлялъ въ себѣ никакихъ наружныхъ знаковъ аскетизма, довольствуясь молитвою, или лучше сказать благоговѣйнымъ размышленіемъ на вершинѣ горъ и въ уединенныхъ мѣстахъ, гдѣ человѣку всегда свойственно было искать общенія съ Богомъ. Это высокое пониманіе отношеній человека къ Богу, долженствовавшее даже послѣ него сдѣлаться достояніемъ только весьма немногихъ людей, сложилось все въ коротенькой молитвѣ, отъ него тогда же преподанной ученикамъ:

„Отецъ нашъ въ небесахъ сущій, да святится имя твое; да придетъ царствіе твое; да будетъ воля твоя и на земли какъ на небесахъ. Подай намъ хлѣбъ нашъ ежедневный на сей день. Прости намъ согрѣшенія наши, какъ мы прощаемъ согрѣ-

шившимъ противъ насъ. Охрани насъ отъ духа зла“. Особенную силу онъ давалъ той мысли, что Отецъ небесный лучше насъ знаетъ, что намъ нужно, и что просить у него чего либо определеннаго — почти богохульство.

Все это было со стороны Иисуса не болѣе, какъ извлеченіемъ послѣдствій изъ началъ, уже до него положенныхъ іудаизмомъ, но которыя въ оффиціальныхъ классахъ націи все болѣе и болѣе заглушались. У грековъ и римлянъ молитва почти всегда была исполнена грубаго эгоизма, пустословія. Никогда языческій жрецъ не сказалъ мірянину: когда случится тебѣ, принося на алтарь жертву, вспомнить, что братъ твой на тебя негодуетъ, то оставь жертву предъ алтаремъ, и помирись напередъ съ братомъ; потомъ приди и принеси твою жертву“. Во всемъ древнемъ мірѣ одни лишь іудейскіе пророки, особенно Исаія, въ рѣшительномъ отвращеніи къ священству, успѣли нѣсколько проникнуть въ истинную сущность служенія, должнаго отъ человѣка Богу: „что пользы мнѣ во множествѣ вашихъ жертвъ?“ говоритъ Господь, „Я пресыщенъ ими, тукъ вашихъ овновъ мнѣ сердце возмущаетъ; вашъ еиміамъ мнѣ надобль, ибо руки ваши облиты кровію. Очиститесь отъ вашихъ лукавствъ, прекратите злодѣянія,

научитесь добро творить, полюбите правду, и тогда придите“. Въ послѣднія времена нѣкоторые учителя,—Симеонъ праведный, Иисусъ сынъ Сираховъ, Гиллель, — уже были весьма близки къ цѣли, объявляя, что сущность закона заключается собственно въ справедливости. Филопъ, въ своей іудейско-египетской средѣ, пришелъ одновременно съ Иисусомъ къ идеямъ высокой нравственной чистоты, послѣдствіемъ которыхъ было совершенное его равнодушіе къ обрядовому уставу. Шемаія, Абталіонъ, по многимъ религіознымъ вопросамъ, дали весьма либеральныя объясненія; а вскорѣ за тѣмъ раввинъ Иогананъ превознесъ дѣла милосердія даже надъ изученіемъ Закона! Тѣмъ не менѣе, одинъ только Иисусъ умѣлъ представить свѣту эту мысль въ полномъ ея выраженіи и силѣ. Никому никогда священство не было болѣе противно, чѣмъ Иисусу; никто не вооружался болѣе его противъ формальностей, которыя подавляютъ религію, подъ предлогомъ охраненія ея. Въ этомъ отношеніи мы все его ученики и преемники. Черезъ это онъ положилъ незыблемый на вѣки краеугольный камень въ основаніе истинной религіи; и если религія для человечества существенно нужна, то черезъ это самое онъ заслужилъ и присужденный ему божественный титулъ. Благодаря ему, явилась въ міръ идея со-

вершенно новая, идея богослуженія, основаннаго на чистотѣ сердца и братствѣ людей, идея столь возвышенная, что христіанская церковь, не появивъ его намѣреній, совершенно измѣнила ему въ этомъ отношеніи; да и въ наше время еще не много найдется людей съ душою, способною выисаться до нихъ.

Необыкновенно развитый вкусъ къ природѣ снабжалъ его на каждомъ шагу выразительными образами. Иногда его афоризмы отличались отменной тонкостію ума, или — какъ мы это называемъ — остроуміемъ; а иногда ихъ живая форма происходила отъ удачнаго употребленія народныхъ пословицъ. „Можешь ли сказать ближнему: берусь извлечь изъ глазу у тебя соломинку, когда имѣешь самъ въ глазу бревно?“

Эти поученія, долго зрѣвшія въ одинокой груди юнаго учителя, соединили наконецъ около него небольшой кружокъ довѣренныхъ друзей. Духъ времени способствовалъ образованію небольшихъ церквей или школъ. Это была пора Ессеевъ или Терапевтовъ. Являлись повсемѣстно разные раввины, каждый съ своимъ ученіемъ, Шемаія, Абталіонъ, Гиллель, Шаммаи, Гуда Голонитъ, Гамалиель и множество другихъ, которыхъ тезисы составили талмудъ. Записывалось мало; еврейскіе учителя

того времени не писали книгъ; все ученіе ихъ состояло въ бесѣдахъ и публичныхъ преподаваніяхъ, которымъ старались давать обороты, удобно сохраняемые въ памяти. Итакъ, когда молодой назаретскій плотникъ началъ распространять въ обществѣ свои положенія, которыя большею частію даже и не совсѣмъ новы были по своему содержанію, однакожъ должны были чрезъ его посредство обновить міръ, то это отнюдь никого особенно не поразило, не показалось никому чрезвычайнымъ приключеніемъ. Однимъ раввиномъ стало больше, вотъ и все (конечно такимъ, который былъ далеко привлекательнѣе всѣхъ прочихъ); вокругъ него толпилась молодежь, жадно его слушая, и стараясь выразумѣть. Привычная невнимательность человѣка къ нравственному улучшенію не одолѣвается вдругъ, однимъ приемомъ: для этого нужно время. Христіанъ тогда еще не было; но истинное христіанство было уже основано, и никогда, конечно, не было оно совершеннѣе, какъ въ этотъ первый моментъ. Иисусъ потомъ не прибавилъ уже къ нему болѣе ничего прочнаго. Мало того, — онъ въ нѣкоторомъ смыслѣ даже повредилъ чистотѣ его, потому что всякая идея для успѣха въ мірѣ должна принести свои жертвы; и изъ борьбы на жизнь и смерть ничто не выйдетъ незапятнаннымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, сознать добро, — еще не значитъ все: надобно умѣть пустить его съ успѣхомъ въ люди; а для этого требуются пути не безусловно-чистые. Конечно, еслибъ евангеліе ограничилось нѣсколькими главами Матвея и Луки, то оно было бы совершеннѣе и не давало бы, въ настоящее время, повода къ такому множеству возраженій; но представляется вопросъ: обратило ли бы оно міръ безъ чудесъ? Если бы Иисусъ умеръ въ тотъ моментъ своего поприща, на которомъ мы теперь остановились, то его жизнь освободилась бы отъ нѣкоторыхъ смутныхъ страницъ: онъ еще чище былъ бы предъ очами своего Бога, но предъ людьми остался бы въ неизвѣстности; онъ исчезъ бы въ сонмищѣ великихъ непризнанныхъ, но, можетъ быть, самыхъ лучшихъ душъ; истина не получила бы распространенія, а міръ не воспользовался бы громаднымъ превосходствомъ, доставшимся ему въ удѣлъ отъ небснаго Отца. [Иисусъ, сынъ Сираховъ, и Гиллель пустили въ свѣтъ афоризмы, почти столь же высокіе, какъ афоризмы Иисуса.] Гиллель однакожь никогда не будетъ признанъ дѣйствительнымъ основателемъ христіанства. Въ правоученіи, какъ и въ искусствѣ, говорить ничего не значитъ; сдѣлать — значитъ все. Скрывающаяся подъ картиною Рафаеля идея — малость, въ сравненіи съ ея

исполненіемъ: важна картина. Такъ точно и въ нравственности истина важна, когда она перешла въ область чувства, сдѣлалась оцутительною, живою; а всю свою цѣну она можетъ получить только тогда, когда она осуществится въ мірѣ подъ видомъ факта. — Люди посредственной нравственности написали очень хорошія правила. Съ другой стороны были люди весьма добродѣтельные и ничего не сдѣлавшіе для продолженія въ мірѣ преданія добродѣтели. Пальма первенства неоспоримо принадлежитъ Тому, кто былъ могучъ въ словахъ и дѣлѣ, кто чувствовалъ добро и цѣною крови своей завоевалъ ему побѣду. Іисусъ въ обоихъ этихъ отношеніяхъ не имѣетъ себѣ равнаго. За нимъ остается полная слава, подлежащая непрерывному обновленію.

ГЛАВА V.

*Иоаннъ-Креститель. — Путешествіе Іисуса къ
Иоанну и его проживаніе въ іудейской пустынь.
— Онъ принимаетъ отъ Иоанна крещеніе.*

Въ это время появился и былъ неоспоримо въ сношеніяхъ съ Іисусомъ человекъ необыкновенный, роль котораго за недостаткомъ документовъ осталась для насъ нѣсколько загадочною. Ихъ отношенія клонились собственно къ тому, чтобъ отклонить молодаго назаретскаго пророка отъ начатаго имъ пути, но между тѣмъ повели ко многимъ важнымъ обстановкамъ его религіознаго учрежденія, и во всякомъ случаѣ снабдили его учениковъ весьма сильнымъ авторитетомъ, возвысившимъ значеніе ихъ учителя въ глазахъ извѣстнаго класса евреевъ.

Около 28 года нашей эры (пятнадцатаго года царствованія Тиверія) распространилась по всей

Палестинѣ молва о какомъ-то Іогананѣ или Іоаннѣ, молодомъ аскитѣ, необыкновенно пылкомъ и восторженномъ. Іоаннъ былъ племени священническаго и родомъ повидимому изъ Ютты, близъ самаго Геброна. Гебронъ, городъ патриархальный по преимуществу, расположенный въ двухъ шагахъ отъ Іудейской пустыни и нѣсколькихъ часахъ пути отъ большой степи аравійской, былъ уже и тогда тѣмъ же, чѣмъ онъ нынѣ, то есть однимъ изъ оплотовъ семитическаго духа, въ самой суровой его формѣ. Съ дѣтства Іоаннъ былъ *назиромъ*, то есть далъ обѣтъ слѣдовать извѣстнымъ правиламъ воздержности. Пустыня, которою онъ былъ такъ-сказать окруженъ, привлекла его къ себѣ съ самыхъ раннихъ лѣтъ. Онъ велъ въ ней жизнь индейскаго іоги, прикрывая наготу тѣла звѣриными кожами или верблюжьей власяницей и питаясь одними саранчами, да дикимъ медомъ. Туда сошло къ нему нѣсколько учениковъ, раздѣлявшихъ его образъ жизни и внимавшихъ его строгому слову. Картина имѣла такой видъ, какъ будто перенесена съ береговъ Ганга; однакожь по нѣкоторымъ чертамъ личности этого анахорета, уже можно было узнать въ немъ послѣдняго преемника великихъ израильскихъ пророковъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ іудейская нація съ отча-

яннымъ энтузіазмомъ ринулась въ мечты о великихъ судьбахъ своихъ, ничто такъ не плѣняло народнаго воображенія, какъ древніе пророки; а изъ всѣхъ личностей прошедшаго, о которыхъ воспоминаніе, какъ сонъ тревожный, безпрестанно будило и волновало народъ, самой колоссальною былъ Илія. Этотъ исполинъ пророковъ, который когда-то, въ своемъ угрюмомъ отшельничествѣ Кармея, жилъ какъ дикій звѣрь въ пещерахъ скалъ и налеталъ оттуда какъ молнія, чтобы садить и низвергать царей, перешелъ потомъ мало по малу, чрезъ рядъ послѣдовательныхъ превращеній фантазіи, въ какое-то существо сверхъестественное, то въ видимомъ образѣ, то невидимое, и смерти не вкусившее. Господствовало повѣріе, что этотъ Илія долженъ вновь явиться и возстановитъ величіе Израіля. Суровый образъ его жизни, оставленные имъ страшныя воспоминанія, подъ вліяніемъ которыхъ еще до нынѣ живетъ востокъ, этотъ мрачный образъ, продолжающій еще донинѣ приводить въ трепетъ и метать грома, — вся эта исполненная мщенія и ужасовъ міеологія, сильно врѣзавшись въ умы, налагала свою печать на всѣ народныя произведенія, при самомъ такъ сказать ихъ рожденіи. Кто искалъ значительнаго вліянія на толпу, тотъ долженъ

былъ непремѣнно подражать Иліѣ; а какъ отшельничество было самой характеристической чертой въ этомъ пророкѣ, то всякій „человѣкъ Божій“ представлялся воображенію не иначе, какъ въ видѣ отшельника. Народъ воображалъ, что всѣ святые личности имѣли свой періодъ покаянія, пустынной жизни и аскитства. Такимъ-то образомъ удаленіе въ пустыню сдѣлалось необходимымъ условіемъ и прелюдіей всякаго высокаго назначенія.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта мысль о подражаніи Иліѣ очень занимала также Іоанна. Отшельничество, столь чуждое древнему духу іудейскаго народа и съ которымъ обѣты, въ родѣ назирскихъ или рехобитскихъ, не имѣли ничего общаго, вторгалось теперь въ Іудею со всѣхъ сторонъ. Секты Ессеевъ и Терапевтовъ группировались въ тоже время вблизи мѣстожительства Іоанна, на восточныхъ берегахъ Мертваго Моря. Господствовало мнѣніе, что предводителями сектъ могутъ быть только пустытники, съ своими особыми правилами и уставами, какъ основатели учреждений религіозныхъ. Между наставниками юношества встрѣчались также анахореты, напоминашіе собою браманитскихъ *гуру*. Въ самомъ дѣлѣ, не видѣнъ ли въ этомъ слѣдъ отдаленнаго

вліянія индейскихъ *муни*? Не проникъ ли кто нибудь изъ этихъ странствующихъ буддистскихъ монаховъ (какъ позднѣе монахи францисканскіе) въ Іудею, дѣйствуя на толпу одной лишь набожной наружностію и обращая къ себѣ знаками людей, не понимавшихъ ихъ языка, какъ мы уже знаемъ, что они проникли въ Сирію и Вавилонію? Это остается неизвѣстнымъ. Вавилонія съ нѣкотораго времени сдѣлалась настоящимъ гнѣздомъ вѣроученія Будды; халдейскій волхъ Будаспа (Bodhisattva) считался основателемъ Сабизма. Но что такое былъ самый *Сабизмъ*? Онъ былъ тѣмъ именно, что означаетъ его этимологія: онъ былъ баптизмомъ, сектою крещенія или погруженія въ воду, то-есть религіею повторительныхъ омовеній, которая служила корнемъ существующей еще донынѣ на востокѣ секты, называющей себя „христіанами Св. Іоанна“ или „Мендаитами“, и которыхъ арабы называютъ *Эль-могтазила* (el-Mogtasilā) или баптистами. Весьма трудно разпознать весь смыслъ этихъ сбивчивыхъ аналогій. Встрѣчающіяся въ заіорданской странѣ, въ первые вѣка нашей эры, секты, колеблющіяся между іудаизмомъ, христіанствомъ, баптизмомъ и сабизмомъ, очень озадачиваютъ критика смутностію дошедшихъ до насъ свѣдѣній о нихъ. Но во всякомъ случаѣ есть

основаніе думать, что многіе изъ наружныхъ обрядовъ у Іоанна, у Ессеевъ и вообще у еврейскихъ законоучителей того времени, обязаны своимъ происхожденіемъ свѣжему еще вліянію отдаленнаго востока. Фундаментальный обрядъ, которымъ характеризуется секта Іоанна, и отъ котораго она получила свое имя, имѣлъ всегда свой центръ въ Халдеѣ, гдѣ на него опиралась религія, сохранившаяся до нашихъ дней.

Этотъ обрядъ былъ крещеніе, или совершенное погруженіе въ воду. Іудаизму, какъ и всѣмъ религіямъ востока, омовеніе не было чуждо. Ессеи дали ему особенное распространеніе. Оно сдѣлалось обыкновенной церемоніей введенія новообращаемыхъ въ нѣдра іудаизма, нѣчто въ родѣ посвященія. Однакожъ никто до нашего Крестителя не соединялъ съ нимъ ни такой важности, ни такой формы. Обыкновеннымъ театромъ дѣятельности Іоанна была примыкающая къ Мертвому Морю часть Іудейской пустыни. На тѣ періоды времени, въ которые онъ совершалъ крещеніе новообращаемыхъ, онъ переходилъ обыкновенно къ берегамъ Іордака, то въ Бетанію или Бетабару, лежавшую на восточномъ берегу (вѣроятно, насупротивъ Іерихона), то въ мѣстечко, именуемое *Энонъ* или „источники“, близъ Салима, изобило-

вавшее водою. Тамъ стекались къ нему значительныя толпы народа, особливо изъ колѣна Іуды и подвергали себя крещенію. Такимъ образомъ въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ лицъ въ Іудеѣ и всякій имѣлъ до него дѣло.

Народъ считалъ его за пророка, и многіе воображали, что это самъ шедшій съ неба Ілія. Вѣра въ подобныя явленія была въ большомъ ходу. Господствовало ожиданіе, что Богъ, для руководства Израиля въ его окончательныхъ судьбахъ, подниметъ изъ гроба нѣкоторыхъ древнихъ пророковъ. Другіе принимали Іоанна за самаго Мессію, хотя онъ никакого притязанія на эту роль не изъявлялъ. Всегдашніе враги энтузіастовъ — священники и книжники, которымъ весьма не нравилось такое возрожденіе пророческаго духа, смотрѣли на него съ презрѣніемъ. Но Креститель пользовался въ народѣ страшной популярностью, и говорить противъ него они не смѣли. Это была побѣда сочувствія толпы надъ священнической аристократіей. Когда обстоятельства вынуждали священниковъ выразиться яснѣе объ этомъ предметѣ, то они всегда приходили въ большое замѣшательство.

Впрочемъ, крещеніе было въ глазахъ Іоанна

не болѣе, какъ наружнымъ знакомъ для произведенія впечатлѣнія и приготовленія умовъ къ великому движенію. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ въ высшей степени былъ проникнутъ чаяніемъ Мессіи, и что въ этомъ состоялъ собственно главный смыслъ всей его дѣятельности. „Творите покаяніе“, говорилъ онъ, „ибо приближается царствіе Божіе.“ Онъ возвѣщалъ „великій гнѣвъ“, то-есть приближеніе страшныхъ бѣдствій, провозглашалъ, что сѣкира уже лежитъ при корнѣ дерева, и что оно скоро будетъ посѣчено и брошено въ огонь. Онъ представлялъ Мессію съ вѣяломъ въ рукѣ, какъ хозяина, собирающаго добрую пшеницу въ житницу и сожигающаго мякину. Покаяніе, символомъ котораго и служило крещеніе, милостыня, исправленіе нравовъ, были въ глазахъ Іоанна великими средствами приготовленія къ будущимъ событіямъ. Неизвѣстно въ точности, въ какомъ свѣтѣ представлялъ онъ себѣ эти будущія событія. Но положительно извѣстно, что онъ весьма энергически проповѣдывалъ противъ тѣхъ же супостатовъ, какъ Іисусъ: противъ богатыхъ священниковъ, противъ Фарисеевъ, Книжниковъ, словомъ, противъ всего оффиціального іудаизма, и что подобно Іисусу, онъ былъ принятъ преимущественно классами уничиженными. Онъ имя сына

Авраамова обратилъ въ ничто, и говорилъ, что Богъ, изъ камней на дорогѣ можетъ воздвигнуть чадъ Авраамовыхъ. Составившей славу высокой идеи Иисуса, — идеи о религіи чистой, — онъ по-видимому не имѣлъ даже и въ малѣйшемъ зародышѣ, но превосходно служилъ ей, пролагалъ ей дорогу, замѣняя установленныя церемоніи (для которыхъ были необходимы священники) частнымъ богослуженіемъ, почти также, какъ средневѣковая секта бичевателей проложила путь реформаціи, отнимая у оффиціального духовенства монополію совершенія таинствъ и отпущенія грѣховъ. Общій тонъ его рѣчей былъ суровъ и строгъ. Противниковъ своихъ онъ разилъ нещадно въ сильныхъ выраженіяхъ, исполненныхъ брани и поношенія. Не чуждъ онъ былъ, какъ кажется, и политикѣ. Иосифъ, почти касавшійся его чрезъ своего учителя Бану, проводить эту мысль въ тонкихъ намекахъ; въ пользу этого предположенія свидѣтельствуется нѣкоторымъ образомъ и то дѣло, которое стоило ему жизни. Ученики его вели жизнь весьма строгую, аскетическую, постились безпрестанно, имѣли видъ мрачный и прискорбный. Въ его ученіи просвѣчиваетъ мѣстами идея общности имуществъ и та мысль, что богатый долженъ своимъ достаткомъ подѣлиться съ міромъ, а бѣдный уже является

на первомъ планѣ, для принятія участія въ царствіи Божіемъ.

Хотя центромъ дѣйствій Іоанна была Іудея, однакоже молва о немъ проникла быстро въ Галилею и достигла Іисуса, около котораго, подъ обаяніемъ первыхъ его рѣчей, тѣснился уже небольшой кружокъ последователей. Не пользуясь еще большою извѣстностію, и, безъ сомнѣнія, желая взглянуть на проповѣдника, ученіе котораго представляло такъ много сходства съ его собственнымъ, Іисусъ оставилъ Галилею и отправился со своей маленькой школою къ Іоанну. Новопришельцы подвергли себя крещенію, какъ и всѣ прочіе. Іоаннъ принялъ ихъ весьма хорошо, и не воспротивился тому, чтобъ этотъ галилейскій кружокъ сохранялъ свою отдѣльность отъ собственныхъ учениковъ его. Оба учителя были люди молодые; имѣя въ мысляхъ много общаго, они сблизились между собою, и видимо старались превзойти другъ друга взаимной предупредительностію. Такого рода явленіе кажется съ перваго взгляда страннымъ въ челоѣкѣ, какъ Іоаннъ Креститель, и невольно приводитъ въ недоумѣніе. Смиреніе никогда не было отличительной чертою сильныхъ натуръ между евреями. Въ челоѣкѣ столь крутаго характера, въ родѣ вѣчнораздраженнаго Ламенне, и весьма

гибнѣномъ, трудно допустить, чтобъ онъ потерпѣлъ соперничество или полусогласіе. Но этотъ взглядъ основанъ на не совсѣмъ вѣрномъ пониманіи личности Іоанна. Его привыкли представлять себѣ старикомъ: напротивъ того, онъ былъ сверстникъ Іисуса, и съ тогдашней точки зрѣнія могъ назваться почти юношей. Да и въ духовномъ отношеніи, въ порядкѣ идей, онъ отнюдь не былъ отцомъ Іисуса, а скорѣе его собратомъ. Два молодыхъ энтузіаста, движимые общимъ предметомъ упованій, общимъ предметомъ вражды, очень могли сойтись и подать другъ другу руку помощи въ общемъ дѣлѣ. Конечно, ни за что не потерпѣлъ бы этого какой нибудь старикъ-доктринеръ, снискавшій своимъ вліяніемъ большую знаменитость, когда бы къ нему пришелъ новичекъ, не успѣвшій еще составить себѣ громкаго имени, а съ притязаніемъ держать себя предъ нимъ самостоятельно: это возмутило бы его; еще не было примѣровъ, чтобъ старый предводитель школы или секты встрѣчалъ предупредительностію своего будущаго преемника. Но восторженная юность способна ко всѣмъ самоотверженіямъ; и безъ всякой несообразности можно допустить, что Іоаннъ, замѣтивъ въ Іисусѣ духъ однородный съ своимъ собственнымъ, принялъ его безъ всякихъ личныхъ опасеній. Эти добрыя отношенія

сдѣлались потомъ исходной точкою цѣлой системы, развитой евангелистами и состоявшей въ приведеніи засвидѣтельствованія Іоанна первымъ доказательствомъ посланничества Іисуса. Креститель пользовался столь огромнымъ авторитетомъ, что лучшаго ручательства, чѣмъ его свидѣтельства, не знали въ цѣломъ свѣтѣ. Однакожъ, онъ не только не оставилъ предъ Іисусомъ своего ученія, а напротивъ того, самъ Іисусъ, во все время своего пребыванія у Іоанна, признавалъ его превосходство надъ собою, и лишь съ робостію давалъ развитіе своему собственному генію.

Въ самомъ дѣлѣ кажется, что Іисусъ, не смотря на свою большую оригинальность, былъ въ теченіи, по крайней мѣрѣ, нѣсколькихъ недѣль подражателемъ Іоанна. Своя дорога лежала передъ нимъ еще во мракѣ: онъ ее не успѣлъ еще выяснитъ себѣ. Впрочемъ, Іисусъ вообще дѣлалъ всегда большія уступки господствовавшему мнѣнію, принимая ради популярности въ свое ученіе много такого, что собственно не входило въ его виды, или о чемъ онъ мало беспокоился: лишь бы только эти принадлежности не вредили главной его мысли, а были ей подчинены. Іоаннъ поставилъ крещеніе на такую ногу, что толпа чрезвычайно чтила эту церемонію. Іисусъ счелъ за нужное дѣлать тоже

самое; онъ сталъ крестить, и его ученики также. Безъ сомнѣнiя они сопровождали крещенiе рѣчами, въ родѣ рѣчей Иоанна. Иорданъ покрылся, такимъ образомъ, со всѣхъ сторонъ крестителями, рѣчи которыхъ были болѣе или менѣе успѣшны. Ученикъ сравнялся вскорѣ съ учителемъ, и народъ сталъ стекаться толпами къ нему также на крещенiе.

Возникло по этому предмету между обѣими школами нѣкоторое соперничество; ученики Иоанна жаловались своему учителю на возрастающiй успѣхъ молодаго Галилеянина, крещенiе котораго — по ихъ мнѣнiю — привлекало болѣе народу, нежели ихъ собственное. Но сами раввины держали себя выше этихъ мелочей. Превосходство Иоанна было впрочемъ слишкомъ безспорно, чтобъ Иисусъ, еще столь мало извѣстный, могъ подумать о возвеличенiи себя надъ нимъ. Онъ хотѣлъ только самъ укрѣпиться подъ тѣнiю его славы, и считалъ необходимымъ, для привлеченiя толпы, употреблять тѣже внѣшнiя средства, которымъ Иоаннъ обязанъ былъ своими изумительными успѣхами.) Когда, послѣ ареста Иоанна, онъ сталъ опять преподавать свое ученiе самостоятельно, то самыя первыя слова, которыми открывается его рѣчь, представляютъ лишь повторенiе привычныхъ фразъ Крестителя. Многiя другiя изреченiя Иоанна встрѣчаются по-

томъ въ его проповѣдяхъ, также слово въ слово. Обѣ школы повидимому жили довольно долго въ добромъ согласіи; а послѣ смерти Іоанна, Іисусъ, какъ близкій ему собратъ, получилъ одинъ изъ первыхъ извѣстіе объ этомъ событіи.

Въ самомъ дѣлѣ, Іоанна вскорѣ пріостановили въ его пророческой карьерѣ. Какъ всѣ іудейскіе пророки, онъ былъ самымъ дерзкимъ порицателемъ властей предрержащихъ. Слишкомъ сильныя выраженія, которыя онъ позволялъ себѣ на ихъ счетъ, не могли обойтись ему безъ хлопотъ. Въ Іудеѣ Пилатъ повидимому его не беспокоилъ; но въ заіорданской странѣ Перееи онъ стоялъ уже на землѣ Антипаса: этотъ тиранъ хмурился отъ политической закваски, столь явно обнаруживавшейся въ проповѣдяхъ Іоанна. Большія къ нему стеченія народа, пламенѣвшаго религіознымъ и патриотическимъ энтузіазмомъ, имѣли въ себѣ что-то подозрительное. Между тѣмъ, къ этимъ религіознымъ опасеніямъ присоединилась еще чисто личная обида, и рѣшила неминуемую гибель этого строгаго судіи.

Въ семьѣ Иродовъ, столь трагической, одною изъ самыхъ рѣзкихъ личностей была Иродіада, внучка Ирода Великаго. Наглая, честолюбивая, страстная, она ненавидѣла іудаизмъ и презирала его законы. Выданная замужъ, повидимому про-

тивъ воли, за своего дядю Ирода, сына Маріамны, оставленнаго Иродомъ безъ наслѣдства, и потому не пользовавшагося никакимъ значеніемъ, она очень тяготилась зависимымъ положеніемъ своего мужа въ отношеніи другихъ членовъ семейства, и хотѣла сдѣлаться Государыней во что бы то ни стало. Орудіе къ тому она нашла въ Антипасѣ. Человѣкъ слабый, онъ безъ памяти влюбился въ нее, обѣщавъ на ней жениться и развестись съ первой своей женой, дочерью Гарета, царя Петры, который былъ эмиромъ сосѣднихъ колѣнъ Перейскихъ. Аравійская принцесса, замѣтивъ его планъ, рѣшилась бѣжать. Скрывая свое намѣреніе, она притворилась, будто желаетъ побывать въ Махеро, въ области ея отца, и отправилась туда въ сопровожденіи свиты Антипаса.

Макауръ или Махеро называлась колоссальная крѣпость, воздвигнутая Александромъ Іоаннеемъ, потомъ еще усиленная Иродомъ, на одномъ изъ самыхъ крутыхъ обрывовъ скалъ, къ востоку отъ Мертваго моря. Эта страна дикая, неприютная, о которой носились въ народѣ страшные рассказы, считалась обиталищемъ злыхъ духовъ. Крѣпость стояла на самомъ рубежѣ владѣній Гарета и Антипаса. Въ то время она была во владѣніи Гарета. Сей послѣдній, получивъ вѣсть, тотчасъ велѣлъ все

приготовить для бѣгства дочери, и изъ колѣна въ колѣно перевезли ее въ Петру.

Тогда задуманный Антипасомъ, почти кровосмѣсительный, союзъ его съ Иродіадой совершился. Иудейскіе законы о супружествѣ безпрестанно были камнемъ соблазна между безрелигіознымъ семействомъ Ирода и строгими іудеями. Члены этой многочисленной и довольно изолированной династїи не хотѣли вступать въ бракъ иначе, какъ между собою, чрезъ что происходило часто нарушеніе уставовъ Закона. Іоаннъ былъ отголоскомъ общаго чувства, энергически порицая Антипаса. Этого уже слишкомъ довольно было Тетрарху для того, чтобы дать ходъ своимъ подозрѣніямъ на этого человѣка. Онъ велѣлъ схватить его и заключить въ крѣпость Махеро, которая, какъ видно, перешла въ его владѣніе, послѣ отъѣзда дочери Гарета.

Антипасъ былъ болѣе трусъ, нежели тиранъ, и смерти Іоанна не хотѣлъ. Преданіе гласитъ, что онъ боялся раздражать чрезъ то народъ. Другіе утверждаютъ, что онъ даже любилъ бесѣдовать съ своимъ узникомъ, и что эти бесѣды весьма сильно подѣйствовали на него. Какъ бы то ни было, извѣстно, что Іоаннъ остался въ заключеніи и что даже въ глубинѣ темницы сохранилъ обширное вліяніе. Онъ продолжалъ сношенія съ уче-

никами, и мы увидимъ его далѣе опять въ сообщеніи съ Иисусомъ. Его вѣра въ будущее пришествіе Мессіи тамъ укрѣпилась еще болѣе; онъ внимательно слѣдилъ за всѣми виѣшними движеніями, и дожидался знаменій исполненія своихъ задушевныхъ упованій.

ГЛАВА VI.

Развитіе идей Іисуса о царствіи Божіемъ.

До самаго ареста Іоанна, который мы относимъ приблизительно къ лѣту 29 года нашей эры, Іисусъ не оставлялъ окрестностей Мертваго моря и Іордана. Удаленіе на время въ іудейскую пустыню всегда считалось приготовленіемъ къ великимъ дѣламъ; это значило какъ бы углубиться въ себя, собраться съ мыслями, приступая къ важному общественному подвигу. Іисусъ послѣдовалъ примѣру другихъ и прожилъ тамъ, безъ всякаго общества, кромѣ дикихъ звѣрей, въ строгомъ постѣ, сорокъ дней. Въ этомъ событіи представилась богатая тема для фантазіи его учениковъ. — Пустыня слыла въ народѣ обителью злыхъ духовъ. Немного на свѣтѣ мѣстностей столь угрюмыхъ, непріютныхъ для жизни и будто забытыхъ

Богомъ, какъ скалистая покатость западнаго берега Мертваго моря. Образовалось сказаніе, что во время пребыванія своего въ этой дикой странѣ, онъ перенесъ ужасныя испытанія, что тамъ Сатана старался ввести его въ заблужденіе, и то смущалъ его страшнымъ призракомъ, то ласкалъ соблазнительной надеждой, — что, наконецъ, въ награду за его побѣду надъ искушеніемъ, спустились къ нему на служеніе ангелы.

О взятіи подъ стражу Іоанна Крестителя узналъ Іисусъ, какъ кажется, уже по выходѣ изъ пустыни. За тѣмъ не оставалось ему никакого повода продолжать пребываніе въ получужой для него странѣ. Быть можетъ, онъ опасался быть замѣшаннымъ въ дѣло Іоанна и раздѣлить его участь; а подвергать себя ей онъ не хотѣлъ въ такое время, когда, не пользуясь еще большою извѣстностію, онъ не могъ послужить смертію успѣху своихъ идей. Онъ возвратился въ Галилею, свое подлинное отечество, съ значительнымъ запасомъ опытности, и почерпавъ въ сближеніи съ человѣкомъ, весьма отъ него различнымъ, убѣжденіе въ собственной оригинальности.

Въ сущности вліяніе Іоанна было Іисусу болѣе вредно, чѣмъ полезно. Оно приостановило его развитіе; по всему видно, что спускаясь къ Іор-

дану, онъ имѣлъ высшія идеи, чѣмъ Іоаннъ, и что почти изъ одного лишь угожденія сему послѣднему онъ склонился на минуту къ крещенію. Быть можетъ, еслибы Креститель, предъ авторитетомъ котораго устоять было нелегко, остался на свободѣ, то Іисусъ и не счумѣлъ бы сбросить съ себя иго наружныхъ обрядовъ и церемоній; въ такомъ случаѣ онъ остался бы темнымъ іудейскимъ сектаторомъ, потому что міръ не захотѣлъ бы мѣнять однихъ церемоній на другія. Христіанство именно и плѣнило высокія души прелестью религіи, нестѣсненной никакими наружными формами. Съ отведеніемъ Крестителя въ темницу, значительно уменьшилась его школа, и для Іисуса открылось вновь поле самостоятельнаго развитія. Единственная вещь, которою онъ нѣсколько обязанъ Іоанну, это — манера проповѣди и способъ вліянія на народъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ этого времени онъ преподаетъ свои идеи гораздо настойчивѣе и выступаетъ предъ толпою съ большею самоувѣренностію.

Мы готовы допустить также, что въ теченіи его пребыванія у Іоанна, не столько вліяніемъ на него Крестителя, сколько по естественному ходу собственной его мысли, значительно созрѣли его идеи о „царствіи небесномъ“. Съ тѣхъ поръ

его лозунгомъ становится „благовѣстіе“, или возвѣщеніе близости царствія Божія. Съ тѣхъ поръ Іисусъ уже не ограничивается сладкорѣчивою моралью, умѣющею преподавать самыя высокія уроки нравственности въ короткихъ, живыхъ афоризмахъ. Нѣтъ, онъ является теперь трансцендентальнымъ революціонеромъ, задумавшимъ обновить міръ въ самыхъ коренныхъ его основахъ и осуществить на землѣ созданный имъ идеалъ. „Ожидать царствія Божія“ отнынѣ значитъ тоже, что быть ученикомъ Іисуса. Это слово „царствіе Божіе“ или „царствіе небесное“, какъ мы уже выше замѣтили, давно было знакомо евреямъ. Но Іисусъ далъ ему нравственный смыслъ, соціальное значеніе такой высоты, до которой едва ли когда либо осмѣливался воспарять и самъ авторъ Книги Даніила, при всемъ своемъ апокалиптическомъ энтузіазмѣ.

Въ мірѣ, какъ онъ есть, преобладаетъ зло. Сатана есть царь міра сего, и все ему покоряется. Цари громятъ пророковъ. Священники и доктринеры не дѣлаютъ сами того, что велятъ другимъ. Праведники терпятъ гоненіе, и добрымъ остается только одинъ удѣлъ — плачь и воздыханіе. Такимъ образомъ, міръ есть супостатъ Бога и его святыхъ; но придетъ день, когда Богъ возстанетъ

и отмститъ за своихъ святыхъ. День этотъ уже близокъ, ибо мѣра нечестія исполнилась. Тогда наступитъ очередь царства добрыхъ.

Это царство добра нагрянетъ внезапно, въ видѣ великаго, ужаснаго переворота. Міръ какъ будто перевернется вверхъ дномъ; такъ какъ настоящее состояніе его душно, то, чтобъ представить себѣ будущее, достаточно вообразить нѣчто въ родѣ прямо - противоположнаго нынѣ существующему. Первые будутъ послѣдними. Человѣчество устроится въ новомъ порядкѣ. Нынѣ зло съ добромъ перемѣшано, какъ плевелы съ пшеницей доброй въ полѣ. Хозяинъ предоставляетъ имъ расти вмѣстѣ, но придетъ время великолѣпной разчистки. Царствіе Божіе уподобится большой, закинутой въ рѣку, тонѣ, забирающей вмѣстѣ и хорошую и худую рыбу: хорошую складываютъ въ кувшины, а остальное выбрасываютъ вонъ. Первый зародышъ этого великаго переворота будетъ незамѣтенъ. Оно будетъ какъ зерно горчичное, которое, хотя мелчайшее изъ сѣмянъ, но брошенное въ землю становится деревомъ, на вѣтвяхъ котораго садятся птицы, или же какъ спущенная въ тѣсто закваска, которая приводитъ всю квашню въ броженіе. Цѣлый рядъ притчей, иногда нѣсколько темныхъ, примѣненъ къ выраженію нео-

жиданности этого внезапнаго переворота, его кажущейся несправедливости, его неминуемости и рѣшительности.

Кто жь водворить это царствіе Божіе? Вспомнимъ, что первая мысль Іисуса, — мысль столь глубоко въ немъ закоренѣлая, что едва ли даже когда либо имѣла начало, мысль, составлявшая такъ сказать самую основу всего существа его, — заключалась въ томъ, что онъ сынъ Божій, повѣренный своего отца, исполнитель его воли. Іисусъ не могъ ни на минуту колебаться въ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Убѣжденіе, что онъ воздвигнетъ державу Бога, овладѣло имъ рѣшительно и безусловно. Онъ смотрѣлъ на себя, какъ на всемірнаго преобразователя. Небо, земля, вся природа, безуміе, болѣзнь, смерть, — были въ глазахъ его не болѣе, какъ орудія. Въ припадкѣ своего геройскаго настроенія, онъ представляетъ себя всемогущимъ. Если на такое преобразование земля не подается, то онъ обратитъ землю въ прахъ, очистивъ ее пламенемъ и дуновеніемъ Божіимъ. Тогда возникнетъ новое небо и населится цѣлый міръ Божіими ангелами.

Произвести радикальную революцію, которая обнимала бы даже и самую природу, — вотъ въ чемъ состояла основная мысль Іисуса. Поэтому,

конечно, онъ и не думалъ о политикѣ; примѣръ Иуды Голопита довольно показалъ ему, какъ безполезны народные мятежи. Ему никогда и въ мысль не приходило возмущаться противъ римлянъ и тетрарховъ. Онъ нисколько не раздѣлялъ необузданности и анархическаго духа, отличавшихъ Голопита. Его покорность установленнымъ властямъ, въ сущности насмѣшливая, была формально полная. Онъ платилъ Кесарю подать, чтобъ не дѣлать шуму. Свобода и право не принадлежать міру сему; для чего же возмущать свою жизнь пустою щекотливостію? Презирая все земное, исполненный убѣжденія, что настоящій міръ не стоитъ никакой заботы, онъ находилъ убѣжище лишь въ своемъ идеальномъ царствѣ, и создалъ свою бессмертную теорію трансцендентальнаго величія и истинное ученіе о духовной свободѣ, которая одна только даетъ душѣ миръ. Но онъ еще не произнесъ опредѣленія: „царство мое не отъ міра сего“. Много было неяснаго въ самыхъ прямыхъ его воззрѣніяхъ. Порою его мысль помрачалась удивительными искушеніями. Въ іудейской пустынѣ Сатана предлагалъ ему земныя царства. Не имѣя никакого понятія о силѣ римской имперіи, юный мечтатель, конечно, могъ надѣяться, — съ помощію господствовавшаго тогда въ Іудеѣ мятежнаго

настроения, незамедлившаго потомъ разразиться столь ужаснымъ вооруженнымъ возстаніемъ, — могъ надѣяться, говорю, основать земное царство, при нѣкоторой отвагѣ и многочисленности своихъ приверженцевъ. Не разъ, быть можетъ, задавалъ онъ себѣ этотъ роковой вопросъ: насиліемъ ли или кротостію должно осуществиться царствіе Божіе? Рассказываютъ, что однажды толпа галилеянъ хотѣла его увлечь насильно и провозгласить царемъ. Но Иисусъ ушелъ отъ нихъ въ горы и тамъ остался нѣкоторое время одинъ. Его прекрасная натура спасла его отъ заблужденія, которое въ противномъ случаѣ могло бы обратить его въ ничтожнаго возмутителя, атамана инсургентовъ, въ родѣ Теудаса или Баркокебы.

Револуція, которой онъ желалъ, была собственно револуція нравственная; но онъ не дошелъ еще до того, чтобы въ ея исполненіи положить только на однихъ ангеловъ, да на послѣднюю трубу. На людей и чрезъ людей самихъ онъ хотѣлъ дѣйствовать. Какойнибудь мечтатель, преданный исключительно одной идеѣ приближенія послѣдняго суда, не позаботился бы объ улучшеніи человѣка, да ему и не удалось бы основать самаго чистаго правоученія, какое когда либо успѣло склонить къ себѣ человѣчество. Много

неяснаго было, конечно, въ его мысли; и скорѣе благородное чувство, нежели какое либо определенное намѣреніе, влекло его къ высокому дѣлу, которое онъ наконецъ осуществилъ, хотя совсѣмъ не такъ, какъ предполагалъ.

Онъ стремился именно къ тому, чтобъ основать царство Божіе или, другими словами, царство духа; и если теперь, на лонѣ Отчемъ, Иисусъ увидѣлъ бы, какъ плодотворно его дѣло въ исторіи, то по истинѣ могъ бы сказать: „вотъ именно то, чего я хотѣлъ“. Если что дѣйствительно основалъ Иисусъ, если что на-всегда останется его безсмертнымъ произведеніемъ, не смотря на несовершенство, составляющія удѣлъ всякаго человѣческаго исполненія,—то это ученіе о духовной свободѣ. Уже Греція имѣла на эту тему мысли, заслуживающія уваженія. Многіе стоики находили средство быть свободными даже подъ игомъ тирана. Но вообще древній міръ представлялъ себѣ свободу въ зависимости отъ извѣстныхъ политическихъ формъ; либералами назывались Гармодій и Аристокитонъ, Брутъ и Кассій. Истинный христіанинъ несравненно свободнѣе отъ всякихъ оковъ. Онъ въ этомъ долнемъ мірѣ изгнанникъ. Какое ему дѣло до преходящаго владыки земли, которой онъ и отечествомъ своимъ не считаетъ? Свобода для него

значить истина. Иисусъ не на столько зналъ исторію, чтобы понять, сколь кстати явилось это ученіе въ тотъ именно моментъ, когда кончалась республиканская свобода и когда мелкія муниципальныя учрежденія древности слились въ одно цѣлое римской имперіи. Но могучая сила его здраваго смысла, его истинно пророческій инстинктъ руководили имъ въ этомъ случаѣ съ поразительной вѣрностію. Въ одномъ короткомъ изреченіи: „отдайте Кесарево Кесарю и Божіе Богу“, создалъ онъ нѣчто выходящее изъ круга политики и представляющее тихій пріютъ для души, посреди владычества грубой силы. Конечно, такое ученіе имѣло свои опасности. Установить принципомъ, что законная власть узнается по изображенію на монетѣ, поставить за правило, что совершенный человѣкъ платитъ подать, не сопротивляясь, изъ одного пренебреженія, это значитъ обратить въ ничто республику въ смыслѣ древнихъ, и дать открытое поле всѣмъ тираніямъ. Христіанство въ этомъ смыслѣ много содѣйствовало ослабленію чувства гражданскаго долга и закабаленію міра подъ абсолютную власть исполнившихся фактовъ. Однакоже, съ другой стороны, поставивъ на ноги свободную общину огромнаго размѣра, которая въ теченіи трехъ сотъ лѣтъ умѣла обойтись безъ по-

лтики, оно съ лихвою заплатило за причиненный гражданскимъ добродѣтелямъ ущербъ. Государственная власть ограничилась своею сферою дѣлъ земныхъ; духъ человѣка освободился изъ-подъ кабалы, и по крайней мѣрѣ страшное всемогущество Рима поколебалось въ самомъ основаніи своемъ; оно сокрушилось на всегда.

Человѣкъ, ближе всего принимающій къ сердцу обязанности государственныя, политическія, не прощаетъ тѣмъ, которые что нибудь на свѣтѣ ставятъ выше интересовъ его партіи. Онъ въ особенности осуждаетъ того, кто подчиняетъ вопросы политическіе вопросамъ социальнымъ, и смотритъ на первые съ какимъ-то равнодушіемъ. Онъ въ нѣкоторомъ отношеніи и правъ, потому что всякое такого рода исключительное направленіе обращается въ ущербъ исправному веденію человѣческихъ дѣлъ. Впрочемъ, какую же пользу принесли политическія партіи успѣху общей правственности человѣческаго рода? Если бы Иисусъ, вмѣсто созиданія царства небеснаго, пошелъ въ Римъ и истощилъ себя на заговоры противъ Тиверіа или на оплакиваніе Германика, то какая была бы оттого польза міру? Въ качествѣ строгаго республиканца, отчаяннаго патріота, онъ не остановилъ бы великаго потока событій своего вѣка, между тѣмъ какъ провозгла-

шеніемъ ничтожества политики, онъ открылъ міру великую истину, что отечество еще не значитъ все, и что идея общечеловѣческая старше и выше идеи гражданской.

Мечтательная часть программы Іисуса слишкомъ противна нашимъ началамъ положительной науки. Намъ извѣстна исторія земли; космическіе перевороты, въ родѣ того, который воображалъ Іисусъ, совершаются не иначе, какъ подѣ вліаніемъ геологическихъ причинъ, связь которыхъ съ явленіями нравственными никому еще не удавалось доказать. Но чтобы справедливо судить о великихъ творцахъ, не слѣдуетъ останавливаться на предразсудкахъ, которые они могли раздѣлять съ своей средою. Колумбъ открылъ Америку, обновавшись на весьма ошибочныхъ идеяхъ. Ньютонъ считалъ свое нелѣпое объясненіе Апокалипсиса столь же вѣрнымъ, какъ свою міровую систему. Неужели какого нибудь рядоваго, современнаго намъ человѣка надобно поставить выше Франциска Ассизскаго, Св. Бернарда, Іоанны д'Аркъ или Лютера, потому только, что онъ изъять отъ заблужденій, ослѣпившихъ сихъ послѣднихъ? Можно ли постановить мѣриломъ для людей степень правильности ихъ понятія о физикѣ, или степень точности ихъ свѣдѣній въ космографіи?

Постараемся глубже вникнуть въ положеніе Иисуса и въ источникъ его силы. Деизмъ XVIII вѣка и нѣкоторый духъ протестантизма, уже приучили насъ смотрѣть на Основателя христіанской вѣры, какъ на великаго моралиста и благодѣтеля человѣчества. Мы видимъ въ Евангеліи не болѣе, какъ сводъ прекрасныхъ нравоученій, и опускаемъ осторожно завѣсу на чуждое намъ умственное состояніе, изъ котораго оно произошло. Есть люди, сожалѣющіе также о томъ, что французская революція не разъ выходила изъ своихъ началъ, и что не досталось совершить ее людямъ благоразумнымъ и умѣреннымъ. Но пора оставить примѣненіе нашихъ мелкихъ программъ обыденной мудрости къ тѣмъ колоссальнымъ движеніямъ, которыя столь далеко превышаютъ обыкновенные размѣры нашей обыденной жизни. Сохранимъ благоговѣніе передъ „евангельской моралью“; отбросимъ изъ нашего религіознаго преподаванія химеру, служившую когда ей опорой; но не забудемъ того, что съ простыми идеями внутренняго счастья и индивидуальной нравственности не разшевелишь свѣта. Идея Иисуса была гораздо глубже; это была идея самая революціонная, какая когда либо пробилась изъ человѣческаго мозга; ее надобно представить себѣ во всей полнотѣ, а не съ тѣми осторожными про-

бѣлами, которые выпускаютъ изъ нея именно то, что составляло ея главную силу для перерожденія человѣчества.

Въ сущности идеаль всегда останется утопией, несбыточнымъ предположеніемъ. Еслибъ мы хотѣли представить Христа-Спасителя для современнаго намъ человѣческаго сознанія, какъ утѣшителя и судію временъ новыхъ, что сдѣлали бы мы? То самое, что сдѣлалъ Иисусъ тому назадъ 1830 лѣтъ. Предположивъ условія дѣйствительнаго міра совсѣмъ не въ томъ видѣ, въ какомъ онъ есть, мы представляемъ нравственнаго освободителя, сокрушающаго цѣпи негровъ безъ всякаго оружія, улучшающаго положеніе пролетаріевъ, освобождающаго притѣсненные народы. Мы забываемъ, что это предполагаетъ свѣтъ на выворотъ, важныя измѣненія въ климатѣ Виргиніи и Конго, значительныя преобразованія въ крови и расѣ милліоновъ людей, приведеніе всѣхъ нашихъ соціальныхъ многосложностей къ несбыточной простотѣ, и совершенную переменъ въ порядкѣ цѣлаго наслоенія европейской политики. Нисколько не трудное вообразить себѣ и то „всеобщее преобразование“, которое хотѣлъ Иисусъ. Эта новая земля, это новое небо, этотъ новый, съ небесъ спускающійся, Иерусалимъ, этотъ гласъ: „се нова вся творю“, — все это черты,

общія веѣмъ реформаторамъ. Противуположность идеала съ печальной дѣйствительностію всегда будетъ вызывать человѣчество къ тѣмъ возмущеніямъ противъ холоднаго разсудка, которыя посредственные умы до тѣхъ поръ клеймятъ именованіемъ безумія, пока эти возмущенія восторжествуютъ; и тогда тѣ самые, которые вооружались противъ нихъ, прежде всѣхъ готовы признать ихъ высокій смыслъ.

Никто не станетъ отвергать противорѣчія между вѣрою въ близкую кончину міра и проникающей ученіе Іисуса моралью, сознавшею въ видахъ совершенно твердаго состоянія человѣчества, весьма похожаго на существующее въ самомъ дѣлѣ. Но именно этому противурѣчію и обязанъ онъ успѣхомъ своего дѣла. Провозвѣстникъ тысячелѣтняго царства, одинъ самъ по себѣ, не могъ бы произвести ничего прочнаго; моралистъ, одинъ самъ по себѣ, не могъ бы произвести ничего могучаго. Идея тысячелѣтняго царства двинуло дѣло; мораль обезпечила его будущность. Такимъ образомъ, христіанство соединило въ себѣ оба условія гражданскихъ успѣховъ въ семъ мірѣ: революціонную основу и способность самостоятельной жизни. Все сотворенное для преуспѣянія должно соответствовать этимъ двумъ потребностямъ, ибо міръ разомъ

хочетъ и обновленій въ своей жизни и ея продолженія. Иисусъ, возвѣщая безпримѣрное разрушеніе человѣческихъ дѣлъ, въ тоже время провозгласилъ начала, на которыхъ зиждется общество уже тысячу восемь сотъ лѣтъ.

Особенно отличаетъ Иисуса отъ возмутителей его времени и всѣхъ другихъ вѣковъ, его совершенный идеализмъ. Иисусъ въ нѣкоторомъ отношеніи — анархистъ, ибо онъ и понятія не имѣетъ о гражданскомъ правительствѣ. Это правительство кажется ему просто злоупотребленіемъ. Онъ отзывается о немъ въ смутныхъ выраженіяхъ и какъ простолюдинъ, вовсе незнакомый съ политикой. Всякій судья или чиновникъ правительственный, кажется ему естественнымъ врагомъ людей Божіихъ; онъ возвѣщаетъ своимъ ученикамъ ссоры съ полиціей, ни на минуту не думая о томъ, что, при нормальномъ порядкѣ вещей, собственно слѣдуетъ стыдиться этого. Но никогда не видно въ немъ ни малѣйшаго поползновенія поставить самаго себя на мѣсто сильныхъ и богатыхъ. Онъ хочетъ уничтожить богатство и власть, но не завладѣть ими. Онъ предрекаетъ ученикамъ гоненія и казни, но ни разу не проводитъ мысли о вооруженномъ сопротивленіи. Идея о всемогуществѣ черезъ страданія и покорность, о торжествѣ чисто-

сердечія надъ силой, есть собственно идея, принадлежащая Иисусу. Иисусъ не спиритуалистъ, ибо все ведетъ у него къ самому осязательному осуществленію. Онъ не имѣетъ ни малѣйшаго представленія объ отдѣльномъ отъ тѣла существованіи души. Но онъ идеалистъ полный, законченный: вещество въ глазахъ его ничто иное, какъ знаменіе идеи, а дѣйствительность — живое ощутительное выраженіе незримаго.

Къ кому же обратиться для основанія царствія Божія? Кому оно всего доступнѣе? Мысль Иисуса по этому вопросу никогда не колебалась. Чтò въ людяхъ ставится высоко, то передъ Богомъ омерзеніе. Основателями царствія Божія будутъ простодушные. Никакъ не богачи, никакъ не доктринеры, не священники, а скорѣе женщины, простолюдины, люди ничтожные и малые. Великое знаменіе Мессіи есть „благовѣствованіе убогимъ“. Кроткая, идиллическая натура Иисуса здѣсь одержала верхъ. Соціальная революція огромнѣйшаго размѣра, съ перемѣщеніемъ общественныхъ слоевъ въ противоположный порядокъ, при которомъ все сановное и казистое міра сего будетъ унижено, — составляетъ предметъ его мечты. Міръ не повѣритъ ему, міръ его убьетъ. Но ученики его будутъ не отъ міра сего. Это будетъ кружокъ лю-

дей смиренныхъ, простодушныхъ, кроткихъ, кото-
рые именно своею кротостію-то и одержать надъ
міромъ побѣду. Такимъ образомъ общее чувство,
поставившее слово „мірской“ въ синонимъ съ сло-
вомъ „противу - христіанскій“, находитъ полное
оправданіе въ мысляхъ учителя.

ГЛАВА VII.

Иисусъ въ Капернаумъ.

Время отъ времени, сильнѣе и исключительнѣе предаваясь овладѣвшей имъ идеѣ, Иисусъ идетъ безстрашно далѣе той стезею, которую ему предначертали его дивный геній и необыкновенная обстановка. Доселѣ онъ дѣлился мыслію лишь съ немногими особо-довѣренными друзьями; теперь его ученіе становится публичнымъ и послѣдовательнымъ. Ему отъ роду около тридцати лѣтъ. Сопровождавшая его къ Іоанну Крестителю небольшая группа послѣдователей, разумѣется, возрасла, и быть можетъ къ нему даже присоединились нѣкоторые изъ учениковъ Іоанна. Съ этимъ-то первымъ зерномъ церкви онъ, по возвращеніи изъ Галилеи, смѣло провозглашаетъ „благовѣстіе царствія Божія“. Это царствіе должно наступить скоро, а онъ, Иисусъ, и есть тотъ самый

„сынъ человѣческій“, котораго провидѣлъ Даніилъ, какъ божественнаго приуготовителя къ послѣднему и высочайшему откровенію.

Успѣхъ новаго пророка на этотъ разъ былъ рѣшительный. Толпа людей обоого пола, соединенныхъ общимъ чувствомъ юношескаго простосердечія и искренности, примкнула къ нему и сказала ему: „ты Мессія“. Такъ какъ Мессіей надлежало быть сыну Давидову, то разумѣется величали его также этимъ титуломъ, который при первомъ уже подразумѣвался. Іисусъ не перечилъ, хотя въ то же время это его нѣсколько затрудняло, по неловкости такого титула для простолюдина. Онъ предпочиталъ ему другой титулъ: „сына человѣческаго“, незнатный на видъ, но тѣсно связанный съ мессіянскими упованіями. Сямъ послѣднимъ титуломъ онъ всегда называлъ себя самъ, и даже такъ, что въ его устахъ „сынъ человѣческій“ значило тоже, что мѣстоименіе „я“, которое онъ употреблялъ рѣдко. Но другіе никогда такъ не называли его, должно быть потому, что это титло, въ смыслѣ книги Даніила, могло приличествовать ему совершенно только въ день будущаго его появленія въ облакахъ.

Центромъ дѣятельности Іисуса, въ эту эпоху его жизни, былъ городокъ Капернаумъ (или вѣр-

нѣ Каѳарнагумъ); на берегу Геннесаретскаго озера. Имя Каѳарнагумъ, происходящее отъ слова *каѳаръ*, „деревня“, знаменуетъ повидимому мѣстечко на старый образецъ, въ противоположность выстроеннымъ, по римскому образцу, большимъ городамъ, какъ на примѣръ Тиверіада. Это имя имѣло такъ мало извѣстности, что Іосифъ Флавій, въ одномъ мѣстѣ своихъ писаній, принимаетъ его за имя источника, такъ что источникъ былъ болѣе извѣстенъ, чѣмъ лежавшій при немъ городъ. Капернаумъ, точно также какъ Назаретъ, не имѣлъ ничего особо замѣчательнаго въ прошедшемъ, и не принималъ никакого участія въ проявлявшемся мѣстами, подъ покровительствомъ Иродовъ, антирелигіозномъ движеніи. Іисусъ весьма полюбилъ этотъ городъ, который сдѣлался для него какъ бы второю родиной. Побывавъ, недолго спустя по возвращеніи своемъ изъ Галилеи, въ Назаретѣ, онъ сдѣлалъ опытъ преподавать свое благовѣстіе и тамъ, но совершенно безуспѣшно. Онъ тамъ не могъ сотворить ни одного чуда,—наивно замѣчаетъ одинъ изъ его біографовъ. Слишкомъ много вредило его авторитету въ Назаретѣ то обстоятельство, что тамъ знали его семейниковъ, которые не пользовались большимъ уваженіемъ. Тѣмъ менѣе можно было ожидать, чтобъ люди, знавшіе его съизмала и

каждый день встрѣчавшіеся то съ братомъ его, то съ сестрой, то съ зятемъ, вдругъ приняли его за сына Давидова. Замѣчательно, впрочемъ, что его родня довольно живо возставала противъ него и начисто отказалась вѣрить въ его небесное посланничество. Населеніе Назарета, говорятъ, пришло въ ярость и хотѣло его сбросить съ вершины крутаго обрыва. Иисусъ остроумно замѣтилъ, что эту участь онъ раздѣляетъ со всѣми великими людьми, и примѣнилъ къ себѣ пословицу: не бывать никому пророкомъ въ своемъ отечествѣ.

Эта неудача, однакожъ, далеко не охладила его ревности. Онъ возвратился въ Капернаумъ, гдѣ встрѣтилъ несравненно лучшее расположеніе, и откуда совершилъ нѣсколько походовъ въ маленькіе окрестные городки. Населеніе этого прекраснаго, плодопоснаго края сходилось вмѣстѣ по субботамъ, а потому этотъ день онъ и назначалъ для своего преподаванія. Каждый городъ имѣлъ свою синагогу, или мѣсто сходки. Это была небольшая прямоугольная зала, съ портикомъ одного изъ греческихъ ордеровъ. Не имѣя собственной архитектуры, евреи никогда не заботились о сообщеніи своимъ публичнымъ зданіямъ особеннаго, оригинальнаго стиля. Еще донинѣ существуютъ въ Галилеѣ развалины многихъ древ-

нихъ синагогъ. Всѣ онѣ состоятъ изъ массивныхъ, прочныхъ матеріаловъ, но стиль ихъ довольно плохъ по расточительности на растительныя украшенія, вѣтви съ листьями и завитки, обиліемъ которыхъ вообще отличаются еврейскіе памятники. Внутри стояли скамьи, каеэдра для публичныхъ чтеній, и шкафъ для храненія священныхъ свитковъ. Эти зданія, нисколько не походившія на храмы, были центромъ всей еврейской жизни. Въ нихъ собирались по субботамъ для молитвы, чтенія Закона и Пророковъ. Такъ какъ іудаизмъ внѣ Іерусалима не имѣлъ священства въ собственномъ смыслѣ, то любой изъ присутствующихъ вставалъ съ мѣста и принимался за чтеніе назначеннаго на тотъ день текста (*парши* и *гаотары*), прилагая къ нему какой нибудь *мидрашъ* или толкованіе свое, въ которомъ излагалъ уже свои собственныя идеи. Это было началомъ религіозныхъ бесѣдъ (*сμιλάи*), превосходный образецъ которыхъ мы находимъ въ мелкихъ трактатахъ Филона. Всякій имѣлъ право дѣлать чтецу возраженія, вопросы; и такимъ образомъ засѣданіе вскорѣ обращалось въ свободное совѣщаніе. Въ немъ всегда былъ предсѣдатель, „старѣйшина“, *хазанъ* или обязанный чтець, „посыльные“, въ родѣ секретарей или вѣстниковъ, служившіе къ сообщенію одной синагоги съ дру-

гою, и наконецъ *шамашъ* или ключарь. Такимъ образомъ синагоги были по истинѣ маленькими независимыми республиками и имѣли весьма обширный кругъ предметовъ для обсуждения. Какъ всё вообще муниципальныя корпораціи до позднѣйшей эпохи римской имперіи, онѣ издавали почетныя положенія, утверждали большинствомъ голосовъ рѣшенія, имѣвшія силу закона для общины, и опредѣляли тѣлесныя наказанія, исполнителемъ которыхъ обыкновенно былъ *хазанъ*.

При чрезмѣрной живости духа, которою всегда отличались евреи, такое учрежденіе, не смотря на совмѣстимые съ нимъ произволь и жестокость, не исключало возможности частаго повода къ самымъ одушевленнымъ преніямъ. Благодаря синагогамъ, іудаизмъ успѣлъ пройти невредимо чрезъ восемнадцать вѣковъ гоненія. Каждая изъ нихъ, представляя въ себѣ какъ бы маленькій отдѣльный міръ, была оплотомъ національнаго духа и всегда готовымъ полемъ для внутренней борьбы. Въ нихъ издерживалась огромная сумма страсти. Много было шуму въ спорахъ о мѣстахъ. Имѣть почетный стулъ въ первомъ ряду было наградою высокаго благочестія или же привиллегіей богатства, которое потому всего болѣе и становилось завиднымъ. Съ другой стороны, предоставляемая вся-

кому свобода выходить предъ публикой для чтенія и объяснять по своему разумѣнiю, священный текстъ, необыкновенно облегчала распространене новыхъ мыслей. Это имѣло для Иисуса большую важность, и этимъ средствомъ онъ всего чаще пользовался при основанiи своего религiознаго преподаванiя. Войдя въ синагогу, онъ выступалъ для чтенiя; *хазанъ* предлагалъ ему книгу; и раскрывъ ее онъ читалъ назначенную на тотъ день *паршу* или *гавтару*, послѣ чего продолжалъ развивать тему уже по собственнымъ своимъ идеямъ. Такъ какъ Фарисеевъ въ Галилеѣ было не много, то пренiя съ нимъ не доходили до той степени живости, до того язвительнаго тона, которые въ Иерусалимѣ остановили бы его на первыхъ же шагахъ. Простодушные галилеяне никогда не слыхали рѣчей столь увлекательныхъ, столь ловко примѣненныхъ къ ихъ игривому воображенiю. Ему дивились, его ласкали, его хвалили за краснорѣчiе и убѣдительность доводовъ. Труднѣйшiя возраженiя онъ разрѣшалъ не запинаясь; прелесть слова и его личности плѣняли этотъ народъ, еще свѣжiй юностию, неизсушенный педантизмомъ доктринеровъ.

Такимъ образомъ, авторитетъ молодаго раввина день ото дня возрасталъ, и разумѣется чѣмъ болѣе въ него вѣрили, тѣмъ болѣе онъ самъ вѣрилъ въ

себя. Театръ его дѣйствій былъ довольно тѣсенъ. Онъ ограничивался бассейномъ Тиверіадскаго озера; да и въ этомъ бассейнѣ преимущественно однимъ только краемъ. Озеро имѣетъ отъ двадцати пяти до тридцати верстъ въ длину, и отъ пятнадцати до двадцати въ ширину; хотя оно представляетъ видъ довольно правильнаго овала, однакожъ, отъ Тиверіады до впаденія въ него Іордана, оно образуетъ нѣчто похожее на заливъ, дуга котораго описываетъ разстояніе около пятнадцати верстъ. Вотъ поле, на которомъ сѣмя Іисуса нашло, наконецъ, хорошо подготовленную почву. Прослѣдимъ его шагъ за шагомъ и попробуемъ поднять завѣсу опустѣнія и траура, наброшенную на него мрачнымъ демономъ Ислама.

Идя отъ Тиверіады, мы встрѣчаемъ напередъ горныя стремнины и большой, обрывистый, почти опрокидывающійся въ море, утесъ. Потомъ горы, раздвигаясь, открываютъ низменную равнину (*El Ghoueir*), почти одного уровня съ озеромъ. Она представляетъ прелестную рощу высокой, пышной зелени, изрѣзанную обильными водами, частію вытекающими изъ большаго круглаго водоема весьма древняго устройства (*Динъ-Медавара*). У самаго входа въ равнину, которая и есть собственно такъ называемая страна Геннесаретская, стоитъ пре-

дранная деревушка *Меджелъ*. На противоположномъ краю равнины (все по берегу моря) встрѣчаются слѣды древняго города (*Ханъ-Минегъ*), очаровательныя воды (*Аинъ-эль-Тинъ*), весьма красивая, узкая и глубоко высѣченная въ скалѣ дорожка, по которой, конечно, не разъ ходилъ Иисусъ, и служащая къ сообщенію между Геннесаретскою равниной и сѣвернымъ откосомъ озера. Въ какойнибудь верстѣ отсюда находится переправа черезъ рѣчку солоноватой воды (*Аинъ-Табига*), пробивающуюся изъ земли множествомъ широкихъ ручьевъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ озера, и впадающую потомъ въ тоже озеро, посреди густой чащи зелени. Наконецъ, еще версты черезъ три далѣе, на пустынномъ склонѣ, простирающемся отъ Аинъ-Табига до устья Иордана, стоитъ нѣсколько хижинъ и множество руинъ, довольно монументальныхъ, называющихся *Тель-Гумъ*.

Пять городковъ, которые всегда будутъ столь же памятны человѣчеству, какъ Римъ и Аѳины, разбросаны были, во времена Иисуса, на пространствѣ отъ деревни Меджеля до Тель-Гума. Изъ этихъ пяти городковъ: Магдалы, Далмануты, Капернаума, Бетсаиды и Хоразина, можно нынѣ указать съ нѣкоторою достовѣрностію мѣсто одного только перваго города. Отвратительная деревушка

Меджелъ, безъ сомнѣнія, сохранила имя и положеніе той бургады, которая дала Иисусу вѣрнѣйшую подругу. Далманута стоялъ, должно быть, не далеко оттуда. Нѣтъ невѣроятности и въ томъ, что Хоразинъ былъ нѣсколько подальше отъ берега, по направленію къ Сѣверу. Что касается до Бетсаиды и Капернаума, то подлинно почти наугадъ ставятъ ихъ и въ Тель-Гумъ, и въ Аинъ-Тинъ, и въ Хапъ-Мишиегъ и въ Аинъ-Медаварау. Можно подумать, что въ географіи, какъ и въ исторіи, нарочно и съ глубокой цѣлію утаены слѣды великаго Основателя. Едва ли когда удастся на этой, въ конецъ опустошенной почвѣ опредѣлить означенныя мѣста, на которыхъ человѣчество весьма желало бы почитать слѣды его стопъ.

И такъ, озеро, горизонтъ, кустарники, цвѣты, — вотъ все, что остается нынѣ на лицо отъ не-большаго околотка въ полтора или два десятка верстъ, на которомъ основалъ Иисусъ свое божественное дѣло! Деревья выродились совершенно. Въ этой странѣ, когда-то блиставшей столь роскошною растительностію, что Юсифъ Флавій не могъ ей надивиться, гдѣ причудливая природа — какъ онъ пишетъ — затѣяла свести и поставить рядомъ растенія холодныхъ странъ съ произведеніями тропиковъ и деревьями умѣреннаго климата, сыпая

все это круглый годъ цвѣтомъ и плодами, — въ этой странѣ, говорю я, нынѣ путникъ за сутки напередъ долженъ расчитать мѣсто, гдѣ могъ бы отобѣдать подъ тѣнью. Озеро опустѣло. Единственная барка — да и та въ самомъ жалкомъ состояніи — бороздитъ теперь эти волны, на которыхъ нѣкогда кипѣли жизнь и веселіе. Но вода все также течетъ, также прозрачна, какъ и прежде. Уставленный утесами, покрытый валунами песчаный берегъ, все еще сохраняетъ характеръ, свойственный берегу небольшого моря, а не прудовому, какъ на примѣръ берегъ озера Гулехъ. Онъ чистъ отъ илу и картиненъ; и бьетъ въ него слегка, то тутъ, то тамъ, волна все по однимъ и тѣмъ же мѣстамъ. Онъ кое-гдѣ вдается въ море небольшими мысами, на которыхъ растутъ олеандры, тамаринды и каперсы; особенно въ двухъ мѣстахъ, при истокѣ изъ него Иордана, близъ Тарихей, и по берегамъ равнины Геннесаретской, есть восхитительныя лужайки, гдѣ теченіе водъ затихаетъ въ чащѣ дерна и цвѣтовъ. Ручей Аинъ-Табига образуетъ небольшой лиманъ, изобилующій превосходными раковинами. Цѣлыя стаи водяныхъ птицъ покрываютъ озеро. Горизонтъ облитъ ослѣпительнымъ свѣтомъ. Взирая съ горной высоты Сафеда на эту лазурь водъ, синѣющую въ далекой глу-

бинѣ, между рдяными отъ солнца скалами, вы видите ее, какъ будто въ золотой оправѣ. Къ сѣверу высятся въ бѣлыхъ саванахъ снѣжныя вершины Гермона; а на западѣ волнистыя плоскогорія Голонитиды и Переи, совсѣмъ голыя, и лишь одѣтыя знойной атмосферою, какъ будто бархатомъ, образуютъ одну сплошную массу, или лучше сказать длинную и очень высокую террасу, которая стелется на югъ и тамъ пропадаетъ изъ виду.

Лѣтній зной на этихъ берегахъ томителенъ. Поверхность озера на двѣсти метровъ ниже уровня Средиземнаго моря, и слѣдовательно въ этомъ отношеніи оно раздѣляетъ климатическія условія Мертваго моря. Нѣкогда эти жары умѣрялись богатою растительностію; иначе трудно было бы понять, какимъ образомъ могла раскаленная печь (съ которой дѣйствительно можетъ сравниться озерной бассейнъ каждое лѣто, съ мая мѣсяца) когда либо служить театромъ такой изумительной дѣятельности. Иосифъ Флавій находитъ тамошній климатъ весьма умѣреннымъ. А потому должно быть и здѣсь, также какъ въ римской провинціи Кампаніи, произошла въ климатѣ какая либо перемѣна отъ историческихъ причинъ. Исламизмъ и въ особенности мусульманская реакція противъ крестовыхъ походовъ, какъ смертоносный вѣтеръ, изсушили

любимый округъ Иисуса. Не думала прекрасная земля Геннесарета, что подъ челою этого мирнаго гостя вращалась ея будущая судьба. Опасный соотечественникъ, Иисусъ дорого обошелся той почвѣ, на долю которой выпала роковая честь носить его. Сдѣлавшись для всѣхъ или слишкомъ привлекательною, или слишкомъ ненавистною, равно приманивая алчность двухъ соперническихъ фанатизмовъ, Галилея должна была поплатиться за свою славу превращеніемъ въ пустыню. Но кто же возмется увѣрять, что Иисусъ былъ бы счастливѣе, если бы дожилъ до преклонныхъ лѣтъ въ своей деревнѣ, безъ всякой извѣстности? и кто вспомнилъ бы теперь объ этихъ неблагодарныхъ Назарейцахъ, если бы одинъ изъ нихъ не рискнулъ будущностию своей бургады, чтобъ найти общечеловѣческаго Отца и провозгласить себя сыномъ Божиимъ?

И такъ, четыре или пять большихъ посадовъ, на разстояніи двухъ-трехъ верстъ между собою, — вотъ маленькій міръ Иисуса въ занимающую насъ эпоху. Онъ, повидимому, никогда не бывалъ въ Тиверіадѣ, городѣ суеты мірской, населенномъ большею частію язычниками, и обыкновенной резиденціи Антипаса. Иногда, однакожъ, онъ совершалъ походы и внѣ своей любимой области. Онъ ѣздилъ на баркѣ на восточный берегъ озера, на-

примѣръ въ Гергезу. Гораздо сѣвернѣе видали его въ Панеѣ или Кесареѣ Филиппской, у подошвы Гермона. Однажды, говорятъ, онъ ходилъ даже въ страну Тира и Сидона, которая въ то время должна была находиться въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Во всѣхъ этихъ странахъ онъ уже былъ среди полной декораціи язычества. Въ Кесареѣ онъ видѣлъ знаменитую пещеру *Паниума*, гдѣ предполагались тогда источники Иордана, и которую народное повѣріе окружало удивительными легендами; онъ могъ вдоволь насмотрѣться на мраморный храмъ, построенный Иродомъ, въ честь Августа, не далеко оттуда, и конечно стоялъ не разъ предъ многочисленными статуями, посвященными Пану, нимфамъ, эху пещеры, и которыми народное благоговѣніе, въ то время, обставляло эту живописную мѣстность. Еврей, благополучно выросшій въ своей іудейской средѣ, и привыкшій видѣть въ иноземныхъ богахъ или обоготворенныхъ людей, или же демоновъ, долженъ былъ смотрѣть на эти формы, чисто аллегорическія, какъ на идоловъ. Предъ всѣми прелестями натуробожательныхъ служеній, отъ которыхъ приходятъ въ восторгъ расы болѣе чувственныя, Іисусъ оставался хладнокровнымъ. Онъ, безъ сомнѣнія, не имѣлъ никакого свѣдѣнія о томъ, что древнее святилище Мелькарта въ Тирѣ

могло заключать въ себѣ слѣды первобытнаго богослуженія семитовъ, болѣе или менѣе сходнаго съ еврейскимъ. Язычество, воздвигавшее въ Финикіи на каждомъ холмѣ то храмъ, то священную рощу, и весь этотъ видъ широко развитой промышленности и суетнаго богатства не могли ему нравиться. Строгій монотеизмъ отнимаетъ всякую способность сочувствовать языческимъ религіямъ. Мусульманинъ, заброшенный въ страну политеизма, остается апатичнымъ ко всему окружающему его, и кажется какъ будто ничего не видитъ. Безспорно Иисусъ, въ этихъ странствіяхъ, не получилъ никакой новой идеи. Его всегда влекло къ милому берегу Геннесарета. — Тамъ сосредоточивались всѣ его мысли; тамъ онъ находилъ вѣру и любовь.

ГЛАВА VIII.

Ученики Иисуса.

Въ этомъ земномъ раю, котораго касались до-толѣ весьма мало великіе историческіе перевороты, жилъ народъ въ полной гармоніи съ окружающею его природою, — дѣятельный, прямодушный, веселый и впечатлительный. Тиверіадское озеро было однимъ изъ самыхъ обильныхъ рыбою водоемовъ. Жители занимались рыбною ловлею и весьма успѣшно, особенно въ Бетсаидѣ и Капернаумѣ, что значительно содѣйствовало ихъ благосостоянію. Всѣ эти рыбацкія семейства составляли одно общество, отличавшееся мирнымъ и кроткимъ духомъ; они имѣли родственныя связи въ разныхъ мѣстахъ описанной нами части озернаго берега. Ихъ необременительный промыслъ оставлялъ полную волю ихъ воображенію. Идеи царствія Божія нигдѣ не находили себѣ такой преданности, какъ между

этими простодушными дѣтьми природы. Ничто похожее на цивилизацію, въ смыслѣ греческомъ и мірскомъ, къ нимъ еще не проникло. Въ нихъ не было, конечно, нашей германской или кельтской основательности, и доброта ихъ, часто поверхностная, не могла имѣть глубокаго значенія; однако это былъ народъ весьма миролюбивый, и притомъ не лишенный нѣкоторой смышлености и тонкости чувства. Ихъ можно было бы нѣкоторымъ образомъ сравнить съ лучшими изъ населеній страны Ливана, съ тою только разницею, что сіи послѣднія никогда не обладали даромъ производить великихъ людей. Въ нихъ Іисусъ нашелъ свою подлинную семью. Онъ между ними пріютился, какъ родной. Капернаумъ сталъ „его городомъ“; здѣсь, въ небольшомъ кругу преданныхъ друзей, онъ забылъ своихъ братьевъ-скептиковъ и неблагодарный Назаретъ, съ его циническимъ невѣріемъ.

Особенно въ одномъ Капернаумскомъ домѣ онъ нашелъ вмѣстѣ и гостепріимный кровъ, и усердныхъ учениковъ. Это былъ домъ двухъ братьевъ, сыновей нѣкоего Іоны, который повидимому уже не былъ въ живыхъ во время появленія Іисуса на берегахъ озера. Одинъ изъ нихъ былъ Симонъ, прозванный потомъ *Кефасомъ* или *Петромъ*, а другой Андрей. Родомъ они были изъ

Бетсаиды и поселились въ Капернаумѣ около того же времени, когда Іисусъ началъ свое общественное поприще. Петръ былъ женатъ, имѣлъ дѣтей и содержалъ у себя тещу. Іисусъ любилъ этотъ домъ, и обыкновенно проживалъ тамъ. Андрей повидимому былъ прежде того ученикомъ Іоанна Крестителя; можетъ быть, Іисусъ знавалъ его еще на берегахъ Іордана. Братья не оставляли между тѣмъ своего промысла, и даже во время самыхъ горячихъ своихъ занятій съ учителемъ, продолжали заниматься ловлей рыбы. Порою, расположенный къ игрѣ словъ, учитель замѣчалъ, что сдѣлаеть ихъ ловцами людей. Въ самомъ дѣлѣ, усердиѣе и преданнѣе ихъ не было никого между всѣми его учениками.

Другой домъ *Забдіи* или *Зеведея*, зажиточнаго рыбака, владѣльца многихъ барокъ, также предложилъ Іисусу самое обязательное гостепрїимство. У Зеведея были два сына, старшій Іаковъ и меньшій Іоаннъ — тотъ самый, которому въ послѣдствіи суждено было играть такую рѣшительную роль въ исторіи первыхъ началъ христіанства. Оба были его ревностными послѣдователями. Жена Зеведея, Салома, также была весьма предана Іисусу и сопровождала его до самой его смерти.

Вообще женщины льнули къ нему чрезвычай-но. Онъ держалъ себя съ ними на томъ благо-родномъ разстояніи, которое доставляетъ возмож-ность весьма благотворнаго общенія идей между двумя полами. Черта разъединенія женщинъ отъ мужчинъ, нарушающая у семитическихъ народовъ всякое развитіе тонкихъ и нѣжныхъ чувствъ, от-мѣчалась конечно тогда, какъ и теперь, слабѣе въ деревняхъ и мѣстечкахъ, нежели въ большихъ го-родахъ. Три или четыре обожательницы изъ гали-леянокъ всегда сопровождали молодого учителя и оспаривали другъ у друга преимущество слушать его и служить ему поочередно. Онѣ вносили въ новую секту особый элементъ энтузіазма и чудеснаго, вліяніе котораго уже и тогда стано-вилось ощутительнымъ. Одна изъ нихъ, Марія Магдалина (то-есть изъ города Магдалы), обез-смертившая въ лѣтописяхъ міра имя своего ни-чтожнаго городка, была, какъ видно, весьма пла-менная особа. По народному выраженію того времени, она одержима была семью бѣсами, то-есть была подвержена припадкамъ нервическихъ бо-лѣзней, въ то время необъяснимыхъ. Іисусъ, своимъ чистымъ и кроткимъ вліяніемъ, успѣлъ успокоить эту встревоженную организацію. Маг-далина осталась ему вѣрною до самой Голгоѣы,

и на третій день послѣ его смерти исполнила весьма значительную, для возвеличенія его, роль: ибо она была главнымъ органомъ, черезъ который произошла вѣра въ воскресеніе, какъ это мы увидимъ далѣе. Иоанна, жена Кузы, — одного изъ дворецкихъ Антипаса, — какая-то Су-санна и другія, оставшіяся въ неизвѣстности, сопровождали его непрерывно и служили ему. Нѣкоторые изъ нихъ были богаты, и состояніемъ своимъ давали молодому пророку средства существовать безъ помощи отправляемаго имъ ремесла.

Равнымъ образомъ его сопровождали и признавали своимъ учителемъ много другихъ: нѣкто Филиппъ изъ Тетсиды, Наѳанаилъ, сынъ Томая или Птоломея изъ Каны, — быть можетъ, ученикъ первой еще эпохи, — Матвей, вѣроятно тотъ самый, который потомъ сдѣлался Ксенофономъ возникающаго христіанства. Онъ былъ мытаремъ (сборщикомъ податей), и, какъ человѣкъ должностной, безъ сомнѣнія былъ знакомѣе другихъ съ каламомъ или писчей тростію. Быть можетъ, уже тогда сложились въ его головѣ безсмертныя *логіи*, составляющія нынѣ основаніе всѣхъ нашихъ свѣдѣній объ ученіи Иисуса. Еще названы въ преданіи, между его учениками: Ѳома или Дидимъ,

который хотя иногда и клонился къ сомнѣнію, но былъ повидимому человѣкъ искренній и съ благородными влеченіями; нѣкто Леббей или Таддей; какой-то Симонъ Зелотъ, быть можетъ, ученикъ Іуды Голонита, принадлежавшій къ партіи *Кенаимовъ*, существовавшей уже въ то время и которая вскорѣ за тѣмъ должна была принять весьма важное участіе въ движеніяхъ іудейскаго народа; наконецъ, Іуда сынъ Симона изъ города Керіота, составившій печальное исключеніе въ этомъ союзѣ вѣрныхъ, и такъ ужасно обезславившій свое имя. Онъ одинъ изъ всѣхъ не былъ галилеянинъ. Городъ Керіотъ, расположенный въ самомъ южномъ концѣ колѣна Іуды, отстоялъ на одинъ день пути отъ Геброна.

Мы видѣли уже, что вообще семья Іисуса была къ нему холодна. Однако Іаковъ и Іуда, его двоюродные по Маріи Клеофасовой братья, уже въ то время считались его учениками, и сама Марія Клеофасова была въ числѣ женщинъ, сопровождавшихъ его даже на Голгоѳу. Матери же его при немъ, въ эту эпоху, совсѣмъ не видно. Не прежде, какъ по смерти Іисуса, Марія начинаетъ пользоваться большимъ уваженіемъ, и ученики стараются привлечь ее къ себѣ. Тогда лишь и прочіе семейники основателя христіанства, подѣ

именемъ „братьевъ господнихъ“, образуютъ особую группу, получившую значительное вліяніе и долгое время бывшую во главѣ Іерусалимской церкви, а по разореніи этого города нашедшую убѣжище въ Батанеѣ. Если кто состоялъ въ какой либо личной связи съ Іисусомъ, то одинъ уже этотъ фактъ обращался въ рѣшительное его преимущество, такъ точно какъ по смерти Магомета получили силу великаго авторитета жены и дочери пророка, не имѣвшія при его жизни никакого значенія.

Въ этой толпѣ приверженцевъ Іисусъ, очевидно, имѣлъ избранныхъ любимцевъ, которые нѣкоторымъ образомъ составляли его ближайшій кругъ. Оба сына Зеведея, Іаковъ и Іоаннъ, стояли въ немъ, повидимому, на первомъ планѣ. Это были молодые люди, полные огня и страсти. Іисусъ далъ имъ прозвище „сыновей громовыхъ“, за ихъ чрезмѣрно пылкое усердіе, которое, еслибъ располагало молніею, то могло бы ее употреблять — пожалуй — слишкомъ часто. Особенно Іоаннъ, какъ кажется, жилъ съ нимъ на довольно дружеской ногѣ. — Конечно, этотъ ученикъ, написавшій потомъ свои воспоминанія не совсѣмъ безпристрастнымъ, со стороны личнаго интереса, образомъ, могъ нѣсколько преувеличить сердечную къ

себѣ привязанность учителя. Но въ этомъ случаѣ для насъ важнѣе свидѣтельство евангелій синоптическихъ, что Симонъ Баріона или Петръ, Іаковъ сынъ Зеведея и Іоаннъ, братъ его, составляли родъ особо-довѣреннаго комитета, къ которому Іисусъ обращается по временамъ съ жалобою на недостатокъ вѣры и разумѣнія въ другихъ. Впрочемъ, они всѣ трое, какъ кажется, составляли одну компанію по рыболовству. Глубокую привязанность Іисусъ имѣлъ къ Петру. Онъ любилъ его прямой, открытый, готовый слѣдовать первому побужденію характеръ и иногда подсмѣивался надъ его необдуманной рѣшительностью. Петръ, мало склонный къ мистицизму, прямо выражалъ учителю свои наивныя сомнѣнія, свои печали, свои чисто-человѣческія слабости, съ тѣмъ неподдѣльнымъ прямодушіемъ, которое напоминаетъ Жуанвиля передъ Людовикомъ Святымъ. Іисусъ разумлялъ его словомъ дружбы, въ которомъ видны и довѣренность, и уваженіе. Что касается до Іоанна, то его юность, нѣжная чувствительность его сердца, его живое воображеніе, конечно, имѣли много прелести. Личность этого необыкновеннаго человѣка, столь сильно сбившая съ пути христіанство въ самомъ его началѣ, развилась окончательно уже позднѣе.

Въ возникавшей сектѣ не существовало собственно никакой іерархіи. Всѣ должны были взаимно называть другъ друга „братьями“; ибо Иисусъ рѣшительно изгналъ всё титла чиновничества, какъ на примѣръ: *рабби*, „учитель, отецъ“, такъ какъ учителемъ былъ только онъ, а отцомъ былъ одинъ Богъ. Быть самымъ большимъ, значило быть слугою прочихъ. Однакожъ, Симонъ Баріона замѣтно отличается между собратіями, нѣкоторой степенью особеннаго значенія. Иисусъ проживалъ у него и поучалъ на его баркѣ; его домъ былъ средоточіемъ евангельской проповѣди. Со стороны смотрѣли на него, какъ на старѣйшину этой группы и къ нему обыкновенно обращались установленные сборщики за податями, слѣдовавшими со всей общины. Означенный Симонъ, прежде всѣхъ другихъ, призналъ Иисуса за Мессію. Когда Иисусъ однажды, въ минуту неудовольствія на него толпы, видя, что часть ея отъ него отступилась, спросилъ учениковъ своихъ: „не хотите ли вы и идти прочь?“ — то Симонъ отвѣчалъ: „Учитель нашъ! къ кому пойдёмъ? глаголы жизни вѣчной у тебя“. Иисусъ, при разныхъ случаяхъ, не разъ предоставлялъ ему въ своей церкви нѣкоторое первенство, и называлъ его по-арамейски „*Кефа*“ (камень, по лат. *Petrus*), въ знаменіе того, что на-

значаетъ его краеугольнымъ камнемъ своего зданія. При одномъ случаѣ кажется даже, какъ будто онъ обѣщаетъ именно Петру „ключи отъ царствія небеснаго“ и облакаетъ его правомъ проносить на землѣ рѣшенія, долженствующія имѣть силу въ вѣчности.

Безъ сомнѣнія, такое предпочтеніе Петра возбуждало между другими учениками маленькую ревность. Эта ревность особенно разгаралась при мысли о будущемъ, о томъ царствіи небесномъ, гдѣ всѣ они надѣялись сидѣть на тронахъ, по обѣ стороны учителя, и судить двѣнадцать колѣнъ израилевыхъ. Одинъ другаго спрашивалъ: кто же будетъ сидѣть ближе всѣхъ къ Сыну Человѣческому, въ родѣ — такъ сказать — его перваго министра, или помощника? Обоимъ сыновьямъ Зеведея очень хотѣлось этого мѣстечка. Неугомонно занятые этой заботою, они подослали къ нему свою мать Салому, которая отвела Иисуса въ сторону и просила приберечь эти два почетныхъ мѣста для ея сыновей. Иисусъ отклонилъ ходатайство обыкновеннымъ изреченіемъ своимъ, что возносящіе себя смирятся, и что царствіе небесное есть достояніе меньшихъ братій. Это разнеслось въ общинѣ и возбудило большое неудовольствіе противъ Іакова и Іоанна. Тоже самое соперничество

замѣчается и въ евангеліи отъ Іоанна: разскащикъ, безпрестанно называя себя „любимымъ ученикомъ“, — которому будто бы учитель, умирая, поручилъ свою мать, — систематически старается вездѣ поставить себя рядомъ съ Петромъ, и даже стать выше его въ нѣкоторыхъ весьма важныхъ случаяхъ, при описаніи которыхъ предшествующіе евангелисты какъ будто забыли упомянуть о немъ.

Изъ вышеисчисленныхъ нами личностей всѣхъ, о которыхъ что нибудь извѣстно, были вначалѣ рыбаками. Во всякомъ случаѣ никто изъ нихъ не принадлежалъ къ высшимъ слоямъ общества. Одинъ только Матвей или Леви, сынъ Алфея, былъ публиканомъ, — такъ назывались въ Іудеѣ люди, не имѣвшіе ничего общаго съ оптовыми откупщиками податныхъ сборовъ въ Римѣ, людьми знатными (обыкновенно изъ благороднаго сословія эквитовъ или всадниковъ), которые также назывались *publicani*. Здѣсь публиканы были нечто иное, какъ агенты тѣхъ оптовыхъ откупщиковъ, чиновники очень мелкіе и просто мытари или сборщики податей. Большая дорога, проходившая изъ Акры въ Дамаскъ, чрезъ Галилею, мимо самаго озера, — одна изъ древнѣйшихъ въ мірѣ, — требовала тамъ большаго комплекта чиновниковъ этого

рода. Въ Капернаумѣ, стоявшемъ можетъ быть на самой дорогѣ, ихъ было много. Званіе сборщика, которое вообще никогда не пользуется популярностію, считалось у евреевъ совершенно преступнымъ. Подать, явленіе для нихъ новое, безпрестанно напоминала имъ порабощеніе ихъ; была школа, именно Іуды Голонита, утверждавшая, что платить подать значитъ служить идоламъ. Итакъ, ревнители Закона рѣшительно гнушались сборщиками. Ихъ ставили въ одну категорію съ разбойниками, ворами, мошенниками и отъявленными негодяями. Евреи, принимавшіе на себя эту обязанность, подвергались проклятію, извергались изъ общества благовѣрныхъ, лишались права быть свидѣтелями; казуисты или истолкователи закона запрещали даже размѣнивать у нихъ деньги, ибо и самая касса ихъ считалась омерзительною. Эти отчужденные и отверженные обществомъ знали только между собою. Іисусъ однажды согласился раздѣлить со сборщикомъ Леви трапезу, за которою сидѣли, по выраженію того времени, „множество мытарей и грѣшниковъ“. Злословію не было конца. Господствовало мнѣніе, что въ этихъ домахъ, имѣвшихъ весьма дурную славу, всего вѣрнѣе можно было попасть въ худое общество. Далѣе мы не разъ еще увидимъ,

какъ мало вниманія Иисусъ обращалъ на предразсудки такъ называемыхъ благомыслящихъ людей, и сколько онъ старался возвысить классы уничтоженные, подвергая себя чрезъ то живѣйшему негодованію благовѣрныхъ ортодоксовъ.

Своими быстрыми успѣхами Иисусъ обязанъ былъ безконечной прелести своего характера и своей рѣчи. Счастливо брошенное слово, пронизательный взглядъ въ неразвращенную еще свѣтомъ душу, которая нуждалась лишь въ возбужденіи, пріобрѣтали ему часто самаго пламеннаго послѣдователя. Иногда онъ прибѣгалъ къ невинной стратагемѣ, маленькой хитрости (того же рода, какая замѣчалась въ Іоаниѣ д'Аркѣ), принимая видъ предъ тѣмъ, кого желалъ къ себѣ склонить, какъ будто знаетъ что нибудь, до него весьма близко касающееся, или же напоминая ему о какомъ нибудь живо интересующемъ его обстоятельстве. Такимъ-то образомъ онъ подѣйствовалъ на Наѳанаила, на Петра, на Самаритянку. Скрывая истинный источникъ своей силы, свое истинное превосходство надъ окружавшею его средою, и уступая идеямъ времени, которыя впрочемъ вполнѣ раздѣлялъ и самъ, онъ давалъ волю обращающемуся въ народѣ повѣрію, что откровеніе свыше разоблачаетъ предъ нами тайны и открываетъ ему

сердца. Всѣ думали, что онъ живетъ въ сферѣ
превышающей обыкновенную человѣческую. Шелъ
слухъ, что онъ на горахъ бесѣдуетъ съ Моисеемъ
и Иліей; и вѣрили, что будто въ минуты его уеди-
ненія, ангелы являются къ нему на служеніе и
устраиваютъ сверхъестественное сообщеніе между
нимъ и небомъ.

ГЛАВА IX.

Поученія на озерѣ.

Такова была группа, собравшаяся, на берегахъ Тиверіадскаго озера, вокругъ Иисуса. Въ ней представителями аристократіи были сборщикъ податей и жена дворецкаго. Остальное состояло изъ рыбаковъ и черни. Невѣжество ихъ было крайнее; слабые разсудкомъ, они вѣрили въ привидѣнія и духовъ. Ни малѣйшимъ элементомъ греческаго образованія не обладала эта колыбель христіанства; іудейское образованіе въ ней также было весьма не полно; но теплотою сердца и доброй волей она была переполнена черезъ край. Прекрасный климатъ Галилеи обращалъ жизнь этихъ мирныхъ рыбаковъ въ непрерывное очарованіе. Простодушные, доброхотные, счастливые, они дѣйствительно предвкушали царствіе Божіе, качаясь въ тишинѣ на зыби своего маленькаго моря и засы-

ная сладко вечернею порою на бережку. Мы не можемъ себѣ представить всей прелести этой жизни, вѣчно текущей подъ открытымъ небомъ, того тихаго и обаятельнаго восторга, который льется въ душу отъ безпрестаннаго общенія съ природой, и роскоши мечтаній въ звѣздныя ночи, подъ темнолазуревымъ сводомъ неисповѣдимой глубины. Въ одну изъ такихъ ночей Іаковъ, покоясь головой на камнѣ, прочелъ въ звѣздахъ обѣтованіе неизсеченаго потомства, и видѣлъ таинственную лѣстницу, по которой и подымались и нисходили между землей и небомъ элогимы. Въ эпоху Іисуса врата небесныя еще не были заперты, и земля еще не успѣла остыть. Облако по временамъ еще вскрывалось, и изъ-за него парили надъ главою сына человѣческаго ангелы; видѣнія царствія Божія встрѣчались повсюду, ибо человѣкъ носилъ ихъ въ своемъ сердцѣ. Свѣтлый и кроткій взглядъ этихъ простодушныхъ существъ созерцалъ вселенную въ ея идеальномъ источникѣ; быть можетъ, вселенная и дѣйствительно разоблачала свою тайну передъ божественнымъ спокойствіемъ души блаженныхъ чадъ природы, заслужившихъ своимъ чистосердечіемъ счастье увидѣть наконецъ Бога.

Іисусъ проводилъ время съ учениками почти всегда подъ открытымъ небомъ. То, ставъ на

барку, онъ поучалъ слушателей, тѣснившихся на берегу. То садился на одну изъ прибрежныхъ горъ, гдѣ воздухъ дышетъ такимъ благораствореніемъ, гдѣ горизонтъ такъ свѣтелъ. Вѣрная толпа, беззаботно странствуя съ нимъ, собирала такимъ образомъ первые цвѣты его воодушевленія. Подчасъ въ ней шевелилось наивное сомнѣніе и выходило наружу вопросомъ, нѣсколько скептическимъ; тогда одной улыбки, одного взгляда Иисуса было достаточно, — и возраженіе умолкало. На каждомъ шагу, въ мимолетной тучѣ, въ прозябающемъ зернѣ, въ желтѣющемъ колосѣ видѣли знаменіе грядущаго царствія; уже считали себя накануне того дня, когда увидятъ Бога, и будутъ владыками міра, когда плачи превратятся въ веселіе, и земля огласится всеобщимъ ликова-ніемъ :

„Блаженны“, говорилъ учитель, „смиренные духомъ, ибо ихъ есть царство небесное!

„Блаженны плачущіе, ибо они будутъ утѣшены!

„Блаженны кроткіе, ибо имъ принадлежать будетъ земля!

„Блаженны алчущіе и жаждущіе правды, ибо они насытятся!

„Блаженны милостивые, ибо они получают милость!

„Блаженны чистые сердцемъ, ибо они увидятъ Бога!

„Блаженны миротворцы, ибо они сынами Божиими нарекутся!

„Блаженны гонимые за правду, ибо ихъ есть царство небесное!“

Мила, пріятна была рѣчь его; она дышала природою и благоуханіемъ полей. Иисусъ любилъ цвѣты и извлекалъ изъ нихъ самыя лучшія свои поученія. Птицы небесныя, море, горы, игры дѣтскія, — все это снабжало его богатыми метафорами. Его стиль не имѣлъ ничего общаго съ греческимъ витійствомъ, а скорѣе приближался къ оборотамъ еврейской аллегоріи, въ особенности же къ изреченіямъ современныхъ ему еврейскихъ раввиновъ въ томъ видѣ, какъ мы ихъ читаемъ еще нынѣ въ *Pirké Aboth*. Его изложеніе, довольно сжатое, представляло родъ суратъ на манеръ Корана, которыя въ послѣдствіи, вмѣстѣ собранныя, образовали длинныя, записанныя Матвеемъ, рѣчи. Хотя и не было никакой наружной связи между этими короткими суратами, однакожь, такъ какъ онѣ всё проникнуты были однимъ духомъ, онѣ составляли вмѣстѣ какъ бы одно цѣлое. Осо-

бенно учитель владѣлъ превосходно притчею. Въ Иудаизмѣ онъ не могъ найти образца для этого прекраснаго рода произведеній. Онъ самъ создалъ его. Конечно, въ буддистскихъ книгахъ встрѣчаются притчи на тотъ же тонъ, на тотъ же складъ, какъ и въ евангеліи. Но трудно допустить здѣсь слѣдъ буддистскаго вліянія. Духъ кротости и глубина чувства, равно одушевлявшіе и колыбель христіанства и буддизмъ, могутъ быть достаточны сами по себѣ, для объясненія этого сходства.

Совершенное равнодушіе къ внѣшнимъ благамъ и бесполезному убранству комфорта, безъ котораго въ нашихъ суровыхъ странахъ нельзя обойтись, проистекало изъ свойственнаго Галилеѣ простаго, привольнаго образа жизни. Холодные климаты, принуждая человѣка къ безпрестанной борьбѣ съ внѣшностію, заставляютъ его много заботиться объ улучшеніи жизненныхъ удобствъ, объ роскоши. Въ тѣхъ странахъ, напротивъ того, которыя мало возбуждаютъ потребностей, преобладаетъ идеализмъ и поэзія. Мелкія красоты жизни тамъ слишкомъ ничтожны, въ сравненіи съ наслажденіемъ самой жизнью. Излишнимъ считается тамъ щегольство въ домѣ, гдѣ мало и живутъ. Сочная и регулярная пища нашихъ скупыхъ климатовъ тамъ показалась бы тяжелою и

непріятною. А что касается до роскоши въ одеждѣ, то что можетъ сравниться съ тѣмъ великолѣпіемъ, въ которое облекъ Богъ землю и небесныхъ птицъ? Посреди такой природы трудъ кажется бесполезнымъ; онъ менѣе приноситъ, нежели чего самъ стоитъ. Полевые животныя одѣты изящнѣе самаго богатаго и утопающаго въ изобиліи человѣка; а между тѣмъ они ни о чемъ не беспокоятся. Это пренебреженіе къ мірскимъ заботамъ, которое, конечно, если только не основано на лѣности, весьма содѣйствуетъ возвышенности духа, — внушало Іисусу превосходные апологи: „не скрывайте, говорилъ онъ, сокровищъ на землѣ, гдѣ червь и ржавчина ихъ точатъ, гдѣ воры могутъ ихъ открыть и похитить; а уберите свои клады на небеси, гдѣ ни червей, ни ржавчины, ни воровъ нѣтъ. Гдѣ твое сокровище, тамъ и твое сердце. Нельзя служить въ одно и тоже время двумъ господамъ: или совсѣмъ оставишь одного, полюбивъ другаго, или же по крайней мѣрѣ будешь держаться одного, а о другомъ нерадѣть. Нельзя служить вмѣстѣ и Богу и Мамону. А потому говорю вамъ: не беспокойтесь ни о пищѣ для поддержанія жизни, ни объ одеждѣ для облеченія вашего тѣла. Не больше ли душа значить, нежели пища, не изящнѣе ли тѣло, нежели одежда? Взгляните на птицъ

небесныхъ: онѣ не сѣютъ и не жнутъ, ни амбара, ни житницы не имѣютъ, и однакожъ Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ. Не вы ли гораздо выше ихъ? Кто изъ васъ со всѣми заботами прибавить можетъ хотя одинъ локоть къ своему росту? Также и объ одеждѣ, къ чему заботиться? взгляните на полевые лиліи: не трудятся, не прядутъ. А между тѣмъ, право, Соломонъ во всей славѣ своей не былъ такъ великолѣпенъ, какъ каждая изъ нихъ. Если Богъ столь радѣетъ объ одеждѣ даже травки полевой, которая сегодня существуетъ, а завтра будетъ брошена въ огонь, то чего не сдѣлаетъ онъ для васъ, о народъ маловѣрный? Не вы ли терзаетесь, восклицая: что будемъ ѣсть? что будемъ пить? во что одѣнемся? О всемъ этомъ беспокоятся только язычники. Отецъ вашъ небесный знаетъ, что вы въ этомъ нуждаетесь. Ищите же прежде всего правды и царствія Божія, а все остальное вамъ приложится. Не заботьтесь о завтрашнемъ; завтрашній день позаботится объ себѣ самъ. Каждому дню достаточна своя доля заботы“.

Этотъ существенно галилейскій взглядъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на судьбу возникавшей секты. Счастливая компанія, полагаясь, въ удовлетвореніи нуждъ, на Отца небеснаго, поставила себѣ пер-

вымъ правиломъ, смотрѣть на житейскія заботы, какъ на зло, заглушающее въ человѣкѣ всякій зародышъ добраго. Ежедневно испрашивала она у Бога хлѣбъ на день грядущій. Къ чему запасы? — придетъ царствіе Божіе. „Продайте имѣнія ваши и раздайте ихъ въ милостыни, говорилъ учитель. Создайте себѣ мѣшки такіе, которые не вѣтшаютъ, и сокровища такіа, которыя не оскудѣваютъ.“ Что можетъ быть нелѣпѣе, какъ копить сбереженія для наслѣдниковъ, которыхъ никогда не придется и увидѣть? Въ примѣръ человѣческаго безумства Іисусъ любилъ приводить притчу о человѣкѣ, который, разширивъ свои житницы, и нагромодивъ въ нихъ имущества на многіе годы, тотчасъ же умеръ, не успѣвъ ничѣмъ воспользоваться. Весьма обыкновенные, въ то время, въ Галилеѣ грабежи много содѣйствовали такому взгляду на вещи. Бѣднякъ, отъ нихъ ни мало не страдавшій, могъ дѣйствительно считать себя привилегированнымъ чадомъ и наслѣдникомъ Божіимъ, тогда какъ зажиточный, въ безпрестанномъ страхѣ за свое состояніе, столь плохо обезпеченное, казался именно обиженнымъ, обдѣленнымъ. Въ нашихъ благоустроенныхъ обществахъ, съ весьма строгимъ понятіемъ о собственности, положеніе неимущаго ужасно; ему въ буквальномъ смыслѣ нѣтъ мѣста подъ солн-

цемъ. Есть у насъ и цвѣты, и мурава, и свѣжая прохлада тѣни, но только для имѣющихъ на землѣ собственность. На востокъ все это дары Божіи, никому непринадлежащія. Тамъ преимущество собственника весьма незначительно; природа есть достояніе всѣхъ и cadaго.

Впрочемъ, возникающее христіанство шло въ этомъ случаѣ по слѣдамъ Ессеевъ или Терапевтовъ и другихъ сектъ, основанныхъ въ началѣ монастырской братіи. Коммунистическій элементъ входилъ во всѣ эти секты, и ко всѣмъ имъ Фарисеи и Саддукеи питали одинаковую вражду. Чаяніе Мессіи, имѣвшее для евреевъ-ортодоксовъ совершенно политическій смыслъ, принимало у нихъ смыслъ соціальный. Тихимъ, безмятежнымъ, созерцательнымъ образомъ жизни, предоставляющимъ всякому отдѣльному лицу свободу, они думали осуществить на землѣ царствіе небесное. Основанныя на братствѣ людей и на поклоненіи истинному Богу мечты блаженства сильно занимали умы высокаго полета и вызывали со всѣхъ сторонъ смѣлыя, искреннія, но безнадежныя попытки для успѣха въ будущемъ.

Иисусъ, связь котораго съ Ессеями опредѣлить въ точности очень трудно (сходство, въ Исторіи, не всегда знаменуетъ необходимую связь) былъ,

въ этомъ отношеніи, ихъ прямымъ собратомъ. Общность имущества служила нѣкоторое время правиломъ въ новомъ обществѣ. Корыстолюбіе считалось смертнымъ грѣхомъ; а надобно замѣтить, что подъ „корыстолюбіемъ“, къ которому христіанское ученіе относится такъ строго, разумѣлось не болѣе, какъ простая привязанность къ собственности. Отъ желавшаго быть ученикомъ Иисуса прежде всего требовалось обращенія всего своего состоянія въ деньги и раздачи ихъ бѣднымъ. Кто не рѣшался на эту крайнюю мѣру, того не принимали въ общину. Иисусъ часто повторялъ, что нашедшій царствіе Божіе долженъ купить его цѣною всехъ своихъ земныхъ благъ, и что за всеѣмъ тѣмъ онъ еще останется въ барышахъ. „Человѣкъ, нашедшій скрываетъ въ полѣ сокровище, говоритъ онъ, продаетъ безотлагательно свое имущество и покупаетъ это поле. Торгующій жемчугомъ, нашедшій многоцѣнный перлъ, обращаетъ все въ деньги и покупаетъ перлъ.“ Но увы! ненадежность такого правила вскорѣ стала обнаруживаться. Понадобился для общины кассиръ. Избрали въ эту должность Іуду изъ Керіота, а потомъ, спустя нѣкоторое время, стали замѣчать, что онъ поживляется общественной казною. Не знаемъ, въ какой степени это обвиненіе было

справедливо; но все же известно, что кассиръ кончилъ свое дѣло дурно.

Несравненно болѣе свѣдущій, конечно, въ дѣлахъ небесныхъ, нежели земныхъ, провозвѣстникъ царствія Божія иногда преподавалъ преудивительную политическую экономію. Въ одной весьма оригинальной притчѣ, онъ восхваляетъ управителя, который, прикормивъ на счетъ своего хозяина нищихъ, нажилъ себѣ въ нихъ друзей, дабы нищіе въ свою очередь ввели его въ царствіе небесное. Такъ какъ въ самомъ дѣлѣ нищіе въ томъ царствѣ сдѣлаются распорядителями, то безъ сомнѣнія будутъ принимать туда только тѣхъ, кто самъ ихъ здѣсь не забывалъ. Слѣдовательно, всякій здраво-мыслящій человѣкъ, сообразивъ это и подумавъ о будущемъ, долженъ стараться позадобрить ихъ здѣсь. „Фарисеи, отъявленные корыстолюбцы, — говоритъ евангелистъ, — слушая это, ухмылялись“. А слышали ли они еще вотъ какую страшную притчу? „Былъ нѣкто человѣкъ богатый, одѣвавшійся въ порфиру и виссонъ; онъ тѣшился каждый день въ — волю и свѣтло жить. Распростертый предъ его порогомъ лежалъ нищій, по имени Лазарь, весь въ язвахъ и голодный, ожидая — чтобъ насытиться — хоть крохъ отъ стола богатаго. Даже псы, сострадая ему, прибѣгали ли-

зять гной съ его язвъ. Случилось наконецъ, что этотъ нищій умеръ, и ангелы перенесли его на лоно Авраама. Скончался также богатый и былъ погребенъ. Изъ глубины ада въ страшныхъ мукахъ, возведя очи къ небу, узрѣлъ онъ въ неприступной дали Авраама, съ Лазаремъ на его лонѣ. „Отець Авраамъ!“ возопилъ онъ, „сжался надо мною и пошли Лазаря, чтобъ омочилъ въ водѣ конецъ перста своего и освѣжилъ мой языкъ, ибо я ужасно въ этомъ пламени страдаю.“ Авраамъ же отвѣтствовалъ: „пріятель, вспомни, вѣдь ты уже въ жизни получилъ свою долю блага, а Лазарь свою долю зла. Теперь пришла пора ему тѣшиться, а тебѣ страдать.“ Чего же справедливіе? Впослѣдствіи назвали это притчею „о богачѣ нечестивомъ“, но совсѣмъ неправильно. Это просто притча „о богачѣ“. Дѣло ясно: онъ въ аду за то, что богатъ, что не отдаетъ своего имѣнія нищимъ, что завтракаетъ сытно, вкусно, тогда какъ, можетъ быть, другому у него же въ сосѣдствѣ приходится глотать черствый хлѣбъ. Наконецъ, въ другой моментъ Іисусъ, выражаясь нѣсколько умѣреннѣе, предлагаетъ правило о продажѣ имѣній и раздачѣ ихъ бѣднымъ, только какъ совѣтъ на пути къ усовершенствованію, но все же съ слѣдующимъ грознымъ замѣчаніемъ: „подлинно, говорю вамъ, легче пройти

верблюду сквозь игольное ушко, нежели богатому войти въ царствіе Божіе.“

Всѣ эти мысли были проникнуты въ Іисусѣ и благодушной толпѣ Божіихъ чадъ, его сопровождавшихъ, дивной глубиною чувства, которое и сдѣлало его на вѣки истиннымъ создателемъ душевнаго мира, великимъ утѣшителемъ въ жизни. Очищая человѣка отъ дрязгу такъ называемой „суеты мірской“, Іисусъ, можетъ быть, и перешелъ въ крайность, задѣлъ существенныя условія человѣческаго общежитія; но зато основанная имъ высокая жизнь духа сдѣлалась на многіе вѣка лучшимъ утѣшеніемъ для людей въ этой юдоли плача. Онъ понялъ совершенно вѣрно, что невниманіе человѣка къ духовнымъ благамъ, его недостатокъ благодушія и нравственности происходятъ чаще всего отъ тѣхъ ужъ слишкомъ поглощающихъ его суетствій, отъ тѣхъ одолѣвающихъ его заботъ, которыя цивилизація чрезвычайно плодитъ. Такимъ образомъ, Евангеліе было превосходнымъ цѣлебнымъ бальзамомъ противъ язвъ обыденной жизни, могучимъ отводомъ отъ иссушающихъ человѣка земныхъ хлопотъ, кроткимъ воззваніемъ любви и дружбы, въ родѣ того, какъ Іисусъ шепнулъ однажды Мартѣ: „Марта, Марта, ты слишкомъ много беспокоишься, а собственно одно только нужно“.

Благодаря Іисусу, жизнь самая мрачная, и самая обремененная трудными обязанностями или въ глазахъ свѣта униженными, получила уголокъ неба, гдѣ всегда могла отдохнуть. Среди нашей цивилизаціи, загроможденной работою, воспоминаніе о галилейскомъ привольи прилетало къ намъ, какъ будто свѣжій ароматъ изъ другаго міра, или какъ животворная „роса Гермона“, не позволяя житейской засухѣ и черствой тривіальности заглушить конецъ въ Божію ниву.

ГЛАВА X.

Представленіе царствія Божія, какъ достоянія убогихъ.

Эти правила, превосходныя для страны, гдѣ человѣкъ живетъ воздухомъ и свѣтомъ, этотъ сентиментальный коммунизмъ семьи Божіихъ дѣтей, довѣрчиво поникшихъ головою на лоно своего Отца, — могли казаться удовлетворительными для простодушной секты, ежеминутно ждавшей осуществленія своей утопіи. Но очень ясно, что связію всего человѣческаго общества они служить не могли. Дѣйствительно, Иисусъ скоро самъ понялъ, что современный ему офиціальный міръ далеко не довольствуется его царствіемъ. Тогда онъ принялъ свои мѣры отважно и рѣшительно. Совсѣмъ оставя въ сторонѣ этотъ міръ съ его черствымъ сердцемъ, съ его узкими предразсудками, онъ обратился прямо къ противоположной

партіи. Человѣческій родъ обнови́тся совершенно. Царствіе Божіе уготовано: 1) для дѣтей и уподобляющихся имъ, 2) для отверженныхъ міра сего, несчастныхъ жертвъ соціальной спѣси, гонящей человѣка добраго, но смиреннаго, 3) для еретиковъ и раскольниковъ, мытарей, Самарянъ, язычниковъ Тира и Сидона. Энергическая притча объясняла это воззваніе къ народу и оправдывала его: какой-то царь приготовилъ однажды пиръ, и посылаетъ повѣстить прежде званыхъ уже имъ гостей. Гости нейдутъ, отговариваясь каждый своими дѣлами, а нѣкоторые даже оскорбляютъ вѣстниковъ. Тогда разгнѣвался царь и перемѣнилъ мысли. Люди порядочные, почетные, не хотѣли уважить его приглашенія; такъ пусть же идетъ къ нему всякій встрѣчной, съ улицъ, съ площадей, бѣдные, нищіе, хромые, кто хочетъ; и когда зала наполнилась, царь говоритъ: „вотъ вамъ мое слово, что никому изъ прежде званыхъ не доведется вкусить моей трапезы“.

Итакъ, чистый эбионизмъ, то-есть ученіе о спасеніи однихъ только убогихъ (по еврейски эбионъ), о наступленіи царства неимущихъ, стало ученіемъ Иисуса. „Горе вамъ, насыщенные нынѣ, говорилъ онъ: ибо взалчете. Горе вамъ, смѣющимся нынѣ: ибо восплачете“. — „Когда за-

даешь большой обѣдъ или ужинъ, также говорилъ онъ, то не зови къ нему ни друзей, ни сродниковъ твоихъ, ни богатыхъ сосѣдовъ; ибо они тебя взаимно позовутъ и черезъ то получишь воздаяніе. Но если готовишь пиръ, то зови нищихъ, немощныхъ, хромыхъ, слѣпыхъ; и тѣмъ лучше для тебя, что они ничѣмъ тебѣ воздать не могутъ, ибо въ такомъ случаѣ все это тебѣ воздастся въ воскресеніе праведныхъ“. Безъ сомнѣнія, въ этомъ же смыслѣ онъ часто повторялъ: „будьте мудрыми кредиторами“, то есть вносите добрые вклады въ царствіе Божіе, раздавая имущества нищимъ, согласно древней библейской поговоркѣ: „милующій нищаго въ заемъ даетъ Богу“.

Впрочемъ, это былъ фактъ не новый. Самое пламенное изъ демократическихъ движеній, о какихъ когда либо человѣчество сохранило воспоминаніе, (и которое одно только успѣло принести плоды, удержавшись въ области чистой идеи) волновало съ давнихъ временъ іудейскую расу. Мысль, что Богъ заступникъ бѣднаго и слабого противъ богатаго и сильнаго, встрѣчается на каждой страницѣ писаній Вѣтхаго Завѣта. Исторія Израиля изъ всѣхъ исторій есть именно та, въ которой всего постояннѣе преобладалъ народный духъ. Пророки, прямые трибуны, и въ нѣкоторомъ смы-

слѣ трибуны самыя смѣлыя, гремѣли безпрестанно противъ сильныхъ міра и водворили тѣсную связь съ одной стороны между словами „богатый, нечестивый, буйный, злой“ и съ другой — между словами „бѣдный, кроткій, смиренный, благочестивый“. Подъ владычествомъ Селевкидовъ, когда почти вся знать отступилась отъ Закона и перешла къ гелленизму, эти сближенія идей еще болѣе укрѣпились. Книга Еноха содержитъ въ себѣ еще сильнѣйшія, нежели Евангеліе, проклятія противъ міра, богатыхъ и сильныхъ. Въ ней роскошь имѣетъ значеніе преступленія. „Сынъ Человѣческій“ въ этомъ оригинальномъ апокалипсисѣ отрѣшаетъ царей, изторгаетъ ихъ изъ нѣги сладострастія и мѣчетъ въ адъ. Проникшая въ Іудею зараза мірской суеты и начавшееся распространеніе въ ней совершенно свѣтскаго элемента роскоши и внѣшняго благосостоянія, возбуждали свирѣпую реакцію въ пользу патріархальной простоты. „Горе вамъ, презирающимъ убогій кровъ и наслѣдіе отцевъ вашихъ! Горе вамъ, созидающимъ себѣ дворцы цѣною чужаго пота! каждый кирпичъ, въ эти зданія положенный, есть грѣхъ“. Слово „убогій“ (*эбионъ*) становится однозначущимъ съ словами „святой“, „другъ Божій“. Галилейскіе ученики Іисуса любили называть себя эбионами или убогими.

Этимъ именемъ называлась также долгое время іудейская община христіанъ въ Батанеѣ и Хоранѣ (Газарейскихъ евреевъ), остававшаяся вѣрно первоначальному ученію Іисуса, даже самому языку его, и славившаяся тѣмъ, что къ ней принадлежали самыя потомки родни Іисуса. Въ концѣ втораго вѣка эти добрые сектаторы, не участвовавшіе въ великомъ потокѣ, увлекшемъ другія церкви, уже заклеены названіемъ еретиковъ (*Эбіонитская ересь*); и къ объясненію ихъ имени выдумали небывалаго ересіарха *Эбіона*.

Такое чрезмѣрно сильное пристрастіе къ бѣдности, разумѣется, не могло быть прочнымъ. Оно было одною изъ тѣхъ мечтательныхъ стихій, которыя проникаютъ въ основаніе всѣхъ почти великихъ твореній, и уступаютъ лишь времени. Перенесенное потомъ въ болѣе широкую среду чело-вѣческаго общества, христіанство наконецъ безъ труда согласилось имѣть и богатыхъ въ своихъ нѣдрахъ, такъ точно какъ буддизмъ, — въ своемъ началѣ исключительно монашескій, — весьма скоро, съ увеличеніемъ числа обращенныхъ, допустилъ и свѣтское состояніе. Но печать происхожденія никогда не изглаживается совершенно. Хотя эбіонизмъ скоро миновалъ и былъ забытъ, но онъ оставилъ во всей исторіи христіанскихъ учрежденій

неистребимую закваску. Коллекція *логій*, или рѣчей Иисуса, составила въ эбонитской средѣ Батаней. Убожество осталось идеаломъ, котораго прямая семья Иисуса никогда не оставляла. Ничего не имѣть, — считалось состояніемъ истинно евангельскимъ. Нищенство сдѣлалось добродѣтелью, удѣломъ святости. Великое умбрійское движеніе XIII вѣка, которое, между всѣми доселѣ извѣстными попытками религіозныхъ учрежденій, всего болѣе походить на движеніе галилейское, всецѣло совершилось во имя убожества. Францискъ Ассизскій, человекъ ближе всѣхъ подходящий къ Иисусу по необыкновенной теплотѣ сердца, по своему мягкому, тонкому, нѣжному обращенію со свѣтомъ, былъ добровольно неимущимъ.

Нищенствующіе ордена монаховъ, безчисленные средневѣковыя секты (Лионскихъ Нищихъ, Беггардовъ, Братьевъ-Келейниковъ, Смиренниковъ, Евангельскихъ-нищихъ и проч.), держась за знамя евангелія вѣчной жизни, провозглашали себя, и были въ самомъ дѣлѣ, истинными учениками Иисуса. Но въ этомъ случаѣ опять самыя неосуществимыя мечты новой религіи оказались плодотворными. Набожное нищенство, которое въ нашихъ, основанныхъ на промышленности и администраціи, обществахъ столь докучно, было въ свое

время, подъ своимъ роднымъ небомъ, исполнено прелести. Оно представляло множеству созерцательныхъ и кроткихъ душъ единственное, для нихъ вполне удовлетворительное состояніе. Сдѣлать бѣдность предметомъ любви и желанія, вознести нищаго на алтарь и освятить рубище простолюдина,— это была мысль дѣйствительно гениальная, которая, быть можетъ, для политика-эконома и не очень восхитительна, но предъ которою истинный моралистъ не останется равнодушнымъ. Чтобъ нести бодро бремя жизни, человѣчеству нужно вѣрить, что его тягости не вполне вознаграждаются заработной его платою. Ничѣмъ нельзя оказать ему большей услуги, какъ непрестаннымъ повтореніемъ той истины, что человѣкъ живетъ не однимъ хлѣбомъ.

Какъ всѣ великіе люди, Иисусъ имѣлъ склонность къ народу, и охотно входилъ съ нимъ въ общеніе. Евангеліе, въ его понятіи, есть утѣшительное слово бѣднымъ; именно имъ несетъ онъ благовѣстіе спасенія. Всѣ отверженные исключительнаго іудаизма были его любимцами. Любовь къ народу, состраданіе къ его немощамъ, чувство симпатизирующаго массѣ демократическаго вождя, признающаго себя естественнымъ представителемъ

ея духа, выступаютъ на каждомъ шагу въ его дѣлахъ, въ его словахъ.

Кругъ избранныхъ его, конечно, представлялъ смѣсь не очень благовидную, которая не могла не поражать вниманія строгихъ хранителей наружнаго приличія въ то время. Въ немъ собрались такіе люди, съ которыми ни одинъ порядочный еврей, изъ уваженія къ себѣ же самому, не захотѣлъ бы знаться. Быть можетъ, Иисусъ находилъ въ этомъ обществѣ, столь неприличномъ на видѣ, и столь выходявшемъ изъ круга общепринятыхъ правилъ, болѣе достоинствъ души, болѣе чистосердечія, нежели въ такъ называемыхъ порядочныхъ гражданахъ, — изувѣрахъ и ханжахъ, — спѣсиво занятыхъ своей парадной нравственностію. Фарисеи, въ слѣпомъ слѣдованіи уставамъ Моисея, дошли до преувеличенія въ такой степени, что стали вѣрить, будто самое даже прикосновеніе къ людямъ, менѣе ихъ строгимъ, можетъ ихъ осквернить; и такимъ образомъ разборчивость ихъ въ трапезѣ доходила почти до той же ребяческой мелочности, которою отличаются въ этомъ отношеніи индейскія касты. Пренебрегая столь жалкими заблужденіями религіознаго чувства, Иисусъ охотно дѣлилъ трапезу съ тѣми, которые были ихъ жертвою; его часто видали за столомъ съ такими ли-

цами, о которыхъ шла весьма дурная слава, конечно можетъ быть именно потому, что они не раздѣляли смѣшныхъ обычаевъ святошей. Фарисеи и доктринеры кричали: „какой стыдъ! смотрите, говорили они, съ какою сволочью онъ знается!“ Иисусъ умѣлъ на это отвѣчать довольно мѣтко и раздражалъ лицемѣровъ до крайности: „не требуютъ здоровые врача, а больные“, или: „кто потерялъ одну овцу изъ ста, тотъ оставляетъ девяносто девять и идетъ искать потерянной, а найдши, подымаетъ ее на плеча и несетъ съ радостію“, или же „Сынъ Человѣческій пришелъ для спасенія погибшаго“, „я пришелъ призвать не праведниковъ, а грѣшниковъ на покаяніе“. Наконецъ, прелестная притча о блудномъ сынѣ, въ которой провинившійся представленъ съ нѣкоторымъ даже преимуществомъ, въ правѣ на любовь предъ тѣмъ, кто всегда оставался праведнымъ. Слабыя, грѣшныя женщины приходили въ восторгъ отъ такой прелести, и, впервые ощущая всю привлекательность истинной добродѣтели, стремились къ нему наперерывъ. Между тѣмъ, со стороны дивились, что онъ не отгоняетъ ихъ прочь. „Какой же онъ пророкъ!“ говорили между собою законники, „еслибъ онъ былъ пророкомъ, то вѣрно зналъ бы, что къ нему прикасается грѣшница“. Иисусъ от-

вѣчалъ имъ на это притчею объ одномъ заимодавцѣ, простившемъ должникамъ своимъ долги неравнаго размѣра, — и не колеблясь давалъ предпочтеніе судьбѣ того должника, которому прощенъ долгъ большій. Онъ цѣнилъ душевныя состоянія лишь соразмѣрно проникавшей ихъ степени любви. Грѣшницы въ слезахъ, съ сердцемъ полнымъ искренняго раскаянія, были ближе къ его царствію, нежели посредственныя натуры, непогрѣшимость которыхъ часто имѣетъ очень мало заслуги. Съ другой стороны понятно, съ какою страстію привязывались къ нему эти нѣжныя души, находя въ присоединеніи къ его сектѣ путь къ возвращенію потеряннаго достоинства.

Что касается до неудовольствій, возбужденныхъ въ обществѣ такимъ невниманіемъ къ щекотливости господствовавшихъ предрасудковъ, то онъ не только не старался смягчить ихъ, но на противъ того, казалось какъ будто ему правилось шевелить ихъ безпрестанно. Никто смѣлѣе его не выражалъ пренебреженія къ „міру“, этого общаго условія великихъ дѣлъ, великой оригинальности. Онъ только въ томъ случаѣ прощалъ богатому его богатство, если тотъ богачъ состоялъ въ немилости у общества по какому нибудь общественному предрасудку. Онъ оказывалъ явное предпочтеніе

людямъ самымъ незначительнымъ и даже весьма сомнительнаго поведенія предъ особами именитыми, важными и общеизвѣстными строгимъ храненіемъ Закона. „Мытари и блудницы“, говорилъ онъ, прежде васъ войдутъ въ царствіе Божіе. Явился къ вамъ Іоаннъ Креститель; мытари и блудницы въ него увѣровали, и не смотря на то, вы къ покаянію не обратились“. Можно себѣ представить, каково было людямъ чиннымъ и гордившимся своею нравственностію слышать упрекъ, что они не послѣдовали благому примѣру публичныхъ женщинъ!

Никакихъ наружныхъ веригъ набожности Іисусъ на себя не налагалъ, и никакимъ знакомъ суровой жизни не отличался. Напротивъ того, онъ не избѣгалъ увеселеній и охотно участвовалъ въ свадебныхъ пирахъ. Даже одно изъ приводимыхъ евангелистами чудесъ его совершено для оживленія свадебной пирушки въ маленькомъ городкѣ. Свадьбы на востокѣ бываютъ вечеромъ. Каждый изъ поѣзжанныхъ держитъ свѣтильникъ; вращающіеся взадъ и впередъ огни производятъ весьма пріятный эффектъ. Іисусъ любилъ эту живую, одушевленную картину и пользовался ею для своихъ метафоръ. Такое разгулье, въ сравненіи съ аскетизмомъ Іоанна Крестителя, подавало по-

водъ къ злымъ нападкамъ. Однажды, когда ученики Иоанна и Фарисеи соблюдали постъ, къ нему обращаются съ вопросомъ: „отчего твои ѣдятъ и пьютъ въ то время, какъ ученики Иоанна и Фарисеи постятся и молятся?“ „Пускай ихъ пьютъ, пускай ѣдятъ, отвѣчалъ Иисусъ; ужели свадебные кружки будутъ плакать, когда женихъ съ ними? придетъ время, когда жениха не будетъ, и тогда могутъ поститься“. Его пріятная веселость изобиловала живыми замѣчаніями, милыми шутками. „На что похожи, говорилъ онъ, люди этого поколѣнія и съ чѣмъ сравнить ихъ? Они точно дѣти, сидящія на торжищахъ и пеняющіе товарищамъ: мы вамъ гудимъ, а вы и не пляшете, мы вамъ плачемъ, а вы и не рыдаете. Пришелъ къ нимъ Иоаннъ: не ѣстъ, не пьетъ; они говорятъ: это сумасшедшій. Пришелъ Сынъ Человѣческій: живетъ какъ всѣ; они величаютъ его прожорой и пьяницей, пріателемъ мытарей и грѣшниковъ. Но повѣрьте, разумность жизни высказывается лишь въ произведеніяхъ ея“.

Такимъ образомъ онъ разѣзжалъ по Галилеѣ, среди непрерывнаго празднества. Садился на мула, столь удобное и безопасное на востокѣ для верховой ѣзды животное, котораго большіе черные глаза и длинныя рѣсницы даютъ ему особенный

видъ кротости. Желая иногда украсить шествіе учителя праздничнымъ парадомъ въ сельскомъ вкусѣ, ученики употребляли при этомъ случаѣ свою одежду вмѣсто ковровъ, покрывали ею мула его, или же разстилали ее передъ нимъ по дорогѣ. Какъ скоро онъ заѣзжалъ въ чей либо домъ, домъ этотъ оглашался кликами радости и привѣтствій. Онъ останавливался въ селеніяхъ и большихъ отдѣльныхъ хозяйствахъ, гдѣ встрѣчалъ усердное гостепрѣимство. На востокѣ домъ, гдѣ остановился странникъ, тотчасъ становится центромъ сборища. Вся деревня собирается туда; толпою лѣзутъ ребятишки, и слуги напрасно отгоняютъ ихъ прочь: дѣти тотчасъ пробираются снова. Иисусъ не терпѣлъ грубаго обращенія съ этими наивными слушателями; онъ допускалъ ихъ къ себѣ и цѣловалъ. Матери, ободренныя такимъ пріемомъ, несли къ нему своихъ грудныхъ младенцевъ, дабы онъ ихъ хоть коснулся. Другія приходили пролить елею на главу его и умаститъ ему ароматами ноги. Иногда, находя ихъ докучными, ученики отсымали ихъ прочь; но Иисусъ, любя старинные обычаи и все, что знаменуетъ простоту сердца, спѣшилъ поправить неловкость усердія своихъ друзей и тотчасъ принималъ наив-

ныхъ почитательницъ подъ свою защиту. За то и любили его дѣти и женщины безъ памяти. Упрекъ за отчужденіе отъ семейства столь нѣжныхъ и всегда готовыхъ увлечься существъ — былъ однимъ изъ самыхъ обыкновенныхъ упрековъ со стороны его враговъ.

Итакъ, новая религія во многихъ отношеніяхъ имѣла видъ движенія женщинъ и дѣтей. Сіи послѣднія составляли вокругъ Іисуса родъ молодой гвардіи, возвѣщавшей его невинное царствіе, и отдавали ему, по своему, нѣкоторые знаки почести, которые онъ принималъ съ удовольствіемъ: они величали его „сыномъ Давидовымъ“, восклицали *Осанна*, и махали пальмами вокругъ него. Іисусъ, быть можетъ, также какъ Савонаролла, употреблялъ ихъ, какъ орудіе своихъ благочестивыхъ цѣлей и съ улыбкою смотрѣлъ, какъ эти маленькіе апостолы забѣгали передъ нимъ впередъ и превозносили его такими титулами, которыхъ онъ самъ себѣ никогда не осмѣливался приписывать. Онъ ихъ однакоже не останавливалъ; а когда его спрашивали, слышалъ ли онъ ихъ возгласы, — то онъ отвѣчалъ уклончиво, что исходящая изъ дѣтскихъ устъ хвала есть самая пріятная Богу.

Онъ пользовался всякимъ случаемъ замѣтить,

что малые суть священные существа, что царство Божіе принадлежитъ дѣтямъ, что надобно сдѣлаться младенцемъ, чтобъ войти въ него, что принимать его должно какъ младенцу, что Отецъ небесный, скрывая иногда свои тайны отъ премудрыхъ и разумныхъ, открываетъ ихъ младенцамъ. Идея объ ученикахъ почти сливается у него съ идеею о младенцахъ. Однажды при спорѣ о старшинствѣ, который между ними возникалъ не рѣдко, Иисусъ взялъ на руки какого-то ребенка, и, поставивъ его посреди ихъ, сказалъ: „Вотъ вамъ самый старшій; кто сравнится смиреніемъ съ этимъ малюткою, тотъ самый старшій въ царствіи Божіемъ“.

Въ самомъ дѣлѣ дѣтство, съ его божественнымъ простодушіемъ, съ его наивными обольщеніями радости, вступало во владѣніе землею. Всѣ вѣрили ежеминутно, что солнце царствія Божія уже на восходѣ. Каждый провидѣлъ себя уже сидящимъ на престолѣ, подлѣ своего учителя. Уже распредѣляли между собою мѣста, рассчитывали дни. Это называлось „благовѣстіемъ“; инаго имени ученіе и не имѣло. „Парадизъ“ или рай (старинное слово, заимствованное еврейскимъ — какъ и всѣми языками востока — отъ персидскаго, и означавшее вначалѣ парки царей Ахеменидской

династїи) сосредоточивалъ въ себѣ мечты всѣхъ: его воображали восхитительнымъ садомъ, гдѣ будетъ продолжаться нескончаемо та самая прелестная жизнь, которую вели здѣсь на землѣ. Какъ долговѣчно было это упоеніе, неизвѣстно. Прелестный призракъ поглащалъ все вниманіе, и подъ обаяніемъ его не замѣчали теченія времени, какъ не замѣчаютъ его во снѣ; или лучше сказать, обыкновенное измѣреніе времени въ такихъ случаяхъ непримѣнимо: недѣля можетъ сравняться съ вѣкомъ. Какъ бы то ни было, сколько лѣтъ или мѣсяцевъ ни продолжалось бы это очарованіе, оно было такъ восхитительно, что человѣчество съ тѣхъ поръ живетъ воспоминаніемъ о немъ по сіе время, и что даже нынѣ наше величайшее утѣшеніе состоитъ въ томъ, чтобъ подышать, хоть на одинъ мигъ, его выдохшимся уже ароматомъ. До такой степени восторга еще никогда не возвышалось человеческое сердце. Въ этомъ, самомъ могучемъ изъ всѣхъ доселѣ испытанныхъ человѣкомъ, усилїи подняться выше своей планеты была минута, когда человѣчество совсѣмъ забыло свинцовую тяжесть, гнетущую его къ землѣ, и всѣ печали, всѣ скорби этой дольней жизни. Блаженъ, кто могъ видѣть своими глазами это дивное явленіе и испытать на себѣ вліяніе несравненнаго обольщенія! Но еще бла-

женнѣе, — сказалъ бы намъ Иисусъ, — тотъ, кто, освободясь отъ всякаго обольщенія, умѣетъ произвести въ самомъ себѣ это небесное явленіе, и, не нуждаясь ни въ тысячелѣтнемъ царствѣ, ни въ химерномъ раѣ, ни въ небесныхъ знаменіяхъ, умѣетъ возсоздать одною прямою воли и поэзіею своей души истинное царствіе Божіе въ своемъ сердцѣ.

ГЛАВА XI.

Посланіе узника Іоанна къ Іисусу. — Смерть Іоанна. — Отношеніе его школы къ школѣ Іисуса.

Между тѣмъ, какъ веселая Галилея торжествовала празднествами пришествіе своего возлюбленнаго Спасителя, угрюмый Іоаннъ томился ожиданіемъ и тоскою въ мрачной темницѣ Махеро. Молва объ успѣхахъ молодого раввина, котораго онъ видѣлъ, за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ, въ своей школѣ, достигла до него. Въ народѣ говорили, будто предсказанный пророками Мессія, имѣющій возстановить царство Израиля, уже пришелъ и заявлялъ свое посланничество въ Галилеѣ чудесами. Іоаннъ хотѣлъ знать на сколько справедлива эта молва, и, пользуясь свободнымъ съ учениками сообщеніемъ, избралъ двухъ изъ нихъ для отпращиванія въ Галилею къ Іисусу.

Посланные нашли Иисуса во всей полнотѣ тогдашней его славы. Духъ празднества, вокругъ него преобладавшій, очень изумилъ ихъ. Привыкшіе къ посту, къ непрерывной молитвѣ, къ жизни, поглощенной стремленіями и упованіями, они крайне удивились, замѣтивъ, что попали вдругъ на веселый пиръ. Передавъ Иисусу предметъ своего посольства, они спросили: „ты ли тотъ, который долженъ придти въ міръ, или должны мы ожидать другаго?“ Иисусъ, внутренно тогда уже не сомнѣвавшійся ни мало, что роль Мессіи дѣйствительно принадлежитъ ему, изчислилъ имъ дѣла, которыми должно было ознаменоваться приближеніе царствія Божія, — исцѣленіе больныхъ, благовѣствованіе спасенія убогимъ. Всѣ эти дѣла совершалъ онъ. „Блаженъ“, присовокупилъ онъ, „кто во мнѣ не усумнится!“ Неизвѣстно, засталъ ли этотъ отвѣтъ Іоанна еще въ живыхъ, и какъ его принялъ строгій аскетъ. Успокоился ли онъ предъ смертію убѣжденіемъ, что тотъ, прішествіе котораго онъ возвѣщалъ, уже пришелъ, или же напротивъ того онъ не повѣрилъ въ посланничество Иисуса? Хотя вопросъ этотъ ничѣмъ положительно не разъясняется, однакожъ, такъ какъ мы знаемъ, что школа Іоанна продолжала существовать еще довольно долгое время, въ параллели съ церквами

христіанскими, то скорѣе можно подумать, что — при всемъ своемъ уваженіи къ Іисусу — Іоаннъ не смотрѣлъ на него, какъ на лицо, назначенное къ осуществленію божественныхъ обѣтованій. Впрочемъ, смерть прервала его размышленія. Неукротимой отвагѣ этого отшельника суждено было увѣнчать его тревожную, страдальческую дѣятельность достойной кончиною.

Оказанная Антипасомъ Іоанну, въ началѣ его заключенія, снисходительность не могла быть долговѣчною. Въ своихъ бесѣдахъ съ Тетрархомъ, о которыхъ гласитъ христіанское преданіе, Іоаннъ безпрестанно замѣчалъ ему преступность его союза и требовалъ отсылки Иродіады. Легко представить себѣ, какую ненависть должна была получить, наконецъ, внучка Ирода къ этому докучному совѣтнику. Она ждала лишь случая погубить его.

Дочь ея отъ перваго брака, Салома, столь же честолюбивая и развратная, какъ она сама, вошла въ ея виды. Въ тотъ годъ (приблизительно 30 й нашей эры) Антипасъ праздновалъ день своего рожденія въ Махеро. Внутри крѣпости высялся великолѣпный дворецъ, построенный еще Иродомъ Реликимъ, и часто служившій резиденціей Тетрарху. Онъ тамъ далъ блистательный пиръ, во

время котораго Салома исполнила одинъ изъ тѣхъ характерныхъ танцевъ, которые въ Сирии не считаются неприличными для знатной особы. Антипась, въ восхищеніи, далъ танцовщицѣ слово исполнить любое ея желаніе; и на вопросъ о его предметѣ, Салома, по наущенію матери, потребовала: „голову Иоанна вотъ на этомъ подносѣ“. Антипасу это не понравилось, однакожъ отказать онъ не хотѣлъ. Служитель взялъ подносъ, пошелъ за головою узника и, отрубивъ, принесъ ее.

Ученики Крестителя испросили себѣ его трупъ и положили въ гробницу. Народъ былъ очень недоволенъ. Шесть лѣтъ спустя, когда Гаретъ, учинивъ нападеніе на Антипаса для возвращенія Махеро въ отплату за безчестіе дочери, разбилъ его на голову, — всѣ сказали, что это пораженіе было явнымъ наказаніемъ Божиимъ за смерть Иоанна.

Извѣстіе объ этой смерти принесли Иисусу сами ученики Крестителя. Последнее посланіе Иоанна довершило тѣсную связь между этими двумя школами. Иисусъ, опасаясь новой свирѣпости со стороны Антипаса, принялъ нѣкоторыя мѣры предосторожности и удалился въ пустыню. Толпа народу послѣдовала за нимъ. Благодаря большой умѣренности, святая братія тамъ не по-

гибла отъ недостатка, и кое-какъ жила, что приписали разумѣется чуду. Съ той поры, Иисусъ сталъ говорить объ Иоаннѣ еще съ болѣе глубокимъ уваженіемъ. Онъ безъ околичностей объявилъ, что Иоаннъ болѣе нежели пророкъ, что Законъ и древніе пророки имѣли силу только до Иоанна, что Иоаннъ ихъ замѣнилъ, но и самъ замѣнитъ въ свою очередь царствіемъ небеснымъ. Однимъ словомъ, Иисусъ давалъ Иоанну, въ системѣ христіанской мистеріи, особенное мѣсто, дѣлая его соединительнымъ звеномъ между Вѣтхимъ Заветомъ и наступленіемъ царствія Божія.

Пророкъ Малахія, на котораго всегда ссылались, при обсужденіи этого предмета, возвѣстилъ въ сильныхъ, впечатлительныхъ выраженіяхъ, Предтечу Мессіи, имѣющаго приготовить міръ къ окончательному обновленію, какъ вѣстника пролагающаго пути передъ избранникомъ Божиимъ. Этимъ вѣстникомъ могъ быть никто другой, какъ пророкъ Илія, вознесенный нѣкогда живымъ на небо и который — по господствовавшему тогда въ народѣ повѣрію — долженъ былъ въ непродолжительномъ времени сойти обратно съ неба, именно для того, чтобъ приготовить людей покаяніемъ къ великому пришествію, и примирить Бога съ его народомъ. Иногда давали еще на этотъ случай

Иліѣ въ товарищи то патріарха Еноха, которому уже за вѣкъ или два предъ тѣмъ стали приписывать великую святость, то Іеремію, на котораго смотрѣли, какъ на народнаго генія-хранителя и неутомимаго предстателя Израиля передъ престоломъ Божиимъ. Эта идея возстановленія двухъ древнихъ пророковъ для проложенія пути Мессіѣ представляетъ столь поразительное сходство съ ученіемъ персовъ, что съ большимъ вѣроятіемъ можно было бы искать ея источника въ семъ послѣднемъ. Какъ бы то ни было, она въ эпоху Іисуса составляла существенную часть іудейскихъ теорій о Мессіи. Полагали, что появленіе „двухъ вѣрныхъ свидѣтелей“, облеченныхъ во вретище, будетъ служить прологомъ къ великой драмѣ, которая разыграется въ весьма широкомъ размѣрѣ, на удивленіе всей вселенной.

Понятно, что съ такими идеями Іисусъ и ученики его не могли сомнѣваться въ назначеніи Іоанна Крестителя. На возраженіе книжниковъ, что о Мессіи не можетъ быть и рѣчи, покамѣстъ не явился Ілія, они отвѣчали, что Ілія уже явился, что Іоаннъ и былъ никто иной, какъ сошедшій съ неба Ілія. Своимъ образомъ жизни, своимъ сопротивленіемъ сильнымъ міра, Іоаннъ напоминалъ въ самомъ дѣлѣ эту колоссальную фигуру древней

исторіи Израиля. Іисусъ не жалѣлъ краснорѣчія на тему о заслугахъ и совершенствахъ своего предтечи. Онъ говорилъ, что между рожденными отъ женъ человѣческихъ еще никто не былъ больше его. Онъ сильно порицалъ фарисеевъ и книжниковъ за то, что они не приняли его крещенія, и не обратились на путь истины, по его внушенію.

Ученики Іисуса были вѣрны этимъ началамъ своего учителя. Уваженіе къ Іоанну сохранялось какъ твердое преданіе въ первомъ христіанскомъ поколѣніи. Его предполагали родственникомъ Іисуса. Чтобъ лучше утвердить посланничество сего послѣдняго на общепризнанномъ авторитетѣ, рассказывали, будто Іоаннъ, при первомъ же на Іисуса взглядѣ, провозгласилъ его Мессією, будто онъ призналъ себя младшимъ его, недостойнымъ развязать ремень его сапога, и что сначала отказывался даже крестить его, утверждая, что самъ долженъ креститься у Іисуса. Всѣ эти преувеличенія достаточно опровергаются уже той неувѣренностію, которая выразилась въ послѣднемъ посланіи къ нему Іоанна. Но, въ смыслѣ болѣе общемъ, Іоаннъ тѣмъ и остался въ христіанской легендѣ, чѣмъ былъ въ дѣйствительности, — строгимъ пріуготовителемъ, суровымъ проповѣдникомъ покаянія предъ свѣтлой радостію о пришествіи же-

ниха, пророкомъ, который возвѣщаетъ царствіе Божіе и умираетъ, не увидѣвъ его. Этотъ исполинъ первыхъ зачатковъ христіанства, этотъ ёдокъ саранчи и дикаго меду, этотъ жесткій каратель неправды былъ горькимъ зельемъ, расположившимъ уста къ принятію сладостей царствія Божія. Усѣкновенная Иродіадою глава открыла эру христіанскихъ мучениковъ. Онъ первый заявилъ новое самосознаніе. Чада суетнаго свѣта, узнавъ въ немъ своего смертельнаго врага, не могли позволить ему жить; простертый на порогѣ христіанства, обезображенный его трупъ провелъ кровавую дорогу, по которой потомъ за нимъ послѣдовала тьма другихъ.

Школа Іоанна не погибла съ своимъ основателемъ. Она жила еще нѣкоторое время въ отдѣльности отъ школы Іисуса, и сначала въ добромъ съ нею согласіи. Много лѣтъ спустя послѣ кончины обоихъ раввиновъ, были еще люди, которые крестились крещеніемъ Іоанна. Были, впрочемъ, и такія личности, которыя принадлежали къ обѣимъ школамъ, какъ напримѣръ знаменитый соперникъ Св. Павла, Апполосъ (около 50-го года) и множество христіанъ эфескихъ. Іосифъ Флавій вступилъ (въ 53 году) въ школу какого-то аскита по имени Бану, представляющаго чрезвычайное

сходство съ Іоанномъ Крестителемъ, и можетъ быть принадлежавшаго къ его школѣ. Этотъ Бану проводилъ жизнь въ пустынѣ, одѣваясь древесными листьями, питался дико-растущими травами и плодами, и безпрестанно, днемъ и ночью, погружался въ холодную воду для очищенія себя. Іаковъ, котораго называли „братомъ господнимъ“ (быть можетъ, по смѣшенію именъ), отличался подобнымъ же аскетизмомъ. Позднѣе, около 80 года, баптизмъ (т. е. школа крестителей) былъ въ борьбѣ съ христіанствомъ, особенно въ Малой Азіи. Іоаннъ-евангелистъ, повидимому, оспариваетъ этотъ обрядъ косвеннымъ образомъ. Одна изъ сибиллинскихъ поэмъ происходитъ, какъ кажется, изъ этой школы. Что касается до сектъ Самокрещенцевъ, Баптистовъ, Ельхазантовъ (*Сабиты* или *Могтазила* аравійскихъ писателей), наполнявшихъ во второмъ вѣкѣ Сирію, Палестину и Вавилонію, и остатки которыхъ существуютъ еще до нынѣ, подъ названіемъ Мендаитовъ, или „христіанъ Святаго Іоанна“, — то всѣ эти секты скорѣе имѣютъ одно происхожденіе съ движеніемъ Іоанна-Крестителя, нежели представляютъ подлинное порожденіе его школы. Сія послѣдняя, полуслившись съ христіанствомъ, перешла въ состояніе мелкой ереси и мало-по-малу, въ тишинѣ, потухла. Іоаннъ, конечно, видѣлъ,

на чьей сторонѣ будущность. Еслибъ онъ вдался въ мелочное съ Иисусомъ соперничество, то онъ былъ бы теперь забытъ въ толпѣ сектаторовъ своего времени. Самоотверженіемъ онъ приобрѣлъ славу и мѣсто, ему одному принадлежащее въ религіозномъ пантеонѣ человѣчества.

ГЛАВА XII.

Первыя попытки въ Иерусалимѣ.

Исусъ бывалъ почти ежегодно въ Иерусалимѣ, на праздникъ Пасхи. Подробности этихъ путешествій мало извѣстны: ибо синоптики о нихъ не распространяются, а замѣтки четвертаго евангелія объ этомъ предметѣ сбивчивы. Важнѣйшая изъ его побывокъ въ главномъ городѣ Иудеи относится, повидимому, къ 31 году, и во всякомъ случаѣ къ тому времени, когда Иоанна уже не было въ живыхъ. Съ нимъ были также нѣкоторые его ученики. Хотя въ глазахъ Исуса такое поклоненіе мѣстамъ, само по себѣ, не имѣло никакого значенія, но онъ не хотѣлъ явно нарушать обычаевъ іудаизма, пока мѣстъ не дошелъ еще до открытой вражды съ нимъ. Впрочемъ, эти путешествія входили въ его планъ и составляли существенное

условіе предпринятаго имъ дѣла; ибо онъ чувствовалъ уже необходимымъ, для выполненія великаго своего призванія, оставить Галилею и учинить на іудаизмъ нападеніе въ главномъ его логовищѣ — Іерусалимѣ.

Маленькая галилейская община была здѣсь совсѣмъ не на своемъ мѣстѣ. Іерусалимъ, въ то время, былъ почти тѣмъ же, чѣмъ онъ теперь: городомъ педантства, вздорныхъ споровъ, озлобленія и суемудрія. Фанатизмъ былъ тамъ крайній, и религіозныя возмущенія весьма часты; изученіе Закона, доведенное до самыхъ ничтожныхъ мелочей, и ограничивавшееся однимъ вопросомъ казуистики (толкованія текста) — составляло тамъ все умственное занятіе. Это исключительно богословское и каноническое суемудріе нисколько не содѣйствовало образованію ума. Въ немъ было нѣчто похожее на бесплодную декламацию какого нибудь мусульманскаго факира, на ту вращающуюся около мечетей пустую болтовню, которая представляетъ лишь совершенно напрасную трату времени и диалектики, безъ малѣйшей пользы истинному духовному воспитанію. Какъ ни сухо богословское обученіе нашего католическаго духовенства, однако оно не можетъ еще дать и малѣйшаго понятія объ этой іудейской дрессировкѣ; ибо духъ возрожденія

успѣлъ уже до того проникнуть наше общество, что всѣ наши преподаванія, даже самыя отсталыя, воспользовались выгодами хорошаго метода и общенія съ изящной литературою, такъ что самая схоластика нѣсколько оцивилизовалась. Ученость Софери (іудейскаго доктринара) была безобразно-дикая, отвратительно-нелѣпая и не проникнутая никакимъ нравственнымъ элементомъ. Къ довершенію несчастія, она еще прививала какую-то смѣшную спѣсь бѣдному труженнику, которому такъ дорого стоила. Чванясь мнимой своей ученостію и воображая ее совершенствомъ, іудейскій книжникъ питалъ такое же презрѣніе къ греческому образованію, какое питаетъ въ наше время мусульманскій факиръ къ европейской наукѣ, или съ какимъ католическіе богословы, въ старину, смотрѣли вообще на всякое свѣтское образованіе. Важная особенность этого схоластическаго обученія состоитъ въ томъ, что оно убиваетъ воспримчивость ко всему нѣжному и прекрасному, что не оставляетъ въ человѣкѣ уваженія ни къ чему, кромѣ къ пустымъ ребяческимъ мелочамъ, на которыя онъ истратилъ всю жизнь, и на которыя смотритъ, какъ на естественное занятіе человѣка, вполне серьезнаго и достойнаго служить образцомъ степенности.

Эта отвратительная среда производила, конечно, весьма тягостное впечатлѣніе на кроткихъ и чувствительныхъ чадъ палестинскаго сѣвера. Презрѣніе Іерусалимцевъ къ галилеянамъ еще болѣе расширяло разстояніе между тѣми и другими. Въ этомъ великолѣпномъ храмѣ, составлявшемъ предметъ всего ихъ странствія, встрѣчали они часто одни лишь оскорбленія. Извѣстный стихъ псалма пилигримовъ: „желаю лучше быть у порогъ въ домѣ Бога моего, нежели жить въ шатрахъ нечестія“, казалось, именно, для нихъ былъ сложенъ. Высокомѣрные священники подсмѣивались надъ ихъ простодушной набожностью, въ родѣ того, какъ нѣкогда католическое духовенство въ Римѣ, освоившееся съ святилищами, холодно и почти насмѣшливо смотрѣло на пламенное умиленіе богомольца, пришедшаго издалека. Нарѣчіе галилеянь было провинціальное, довольно искаженное, ихъ выговоръ нечистъ: они часто перемѣшивали разныя придыханія, отчего выходили невольныя двусмысленности, обращавшія ихъ самыя серьезныя рѣчи въ смѣхъ. Въ дѣлѣ заповѣднія они слыли за невѣжды; ихъ іудаизмъ считался не совсѣмъ правильнымъ; выраженіе „простакъ-галилеянинъ“ обратилось даже въ поговорку. Полагали (и не безъ основанія), что даже самое племя ихъ не чисто-сврейское, и

всѣ твердили, что не породить Галилеѣ пророка. Удаленные, такимъ образомъ, на самый задній планъ іудаизма, даже почти за предѣлы его, бѣдныя галилеяне ничѣмъ не могли защититься отъ такихъ нападковъ, ничего не знали къ ободренію своихъ надеждъ, кромѣ извѣстнаго мѣста въ Книгѣ Исаи, худо понятаго: „Земля Завулона и земля Нееталима, путь моря, Галилея язычниковъ! Ходившій во тьмѣ народъ увидѣлъ свѣтъ великій; возсіяло солнце для сидѣвшихъ во мракѣ“. Особенно дурную репутацію имѣлъ родной городъ Исуса. Народная пословица гласила: „можетъ ли выйти что либо путное изъ Назарета?“

Необыкновенная унылость природы въ окрестностяхъ Іерусалима довершала неблагосостояніе, которое долженъ былъ ощущать здѣсь Исусъ. Долины здѣсь безводны; почва суха и камениста. Когда вашъ взоръ направленъ къ котловинѣ Мертваго моря, то видъ до того безжизненъ, что невольно стѣсняетъ сердце; съ другихъ сторонъ онъ до крайности монотоненъ. Одинъ только пригорокъ Мизпа, обращая воспоминанія къ древнѣйшей эпохѣ исторіи Израиля, сколько нибудь выдерживаетъ взглядъ. Современное Исусу расположеніе города почти соотвѣтствовало нынѣшнему. Древнихъ памятниковъ въ немъ не было, ибо до воцаренія

Асмонеевъ іудеи оставались чуждыми всѣмъ искусствамъ; Іоаннъ Гирканъ положилъ первое начало его украшеніямъ; а Иродъ великій сдѣлалъ его однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ городовъ востока. Постройки Ирода, своею грандіозностію, превосходствомъ исполненія и красотою матеріаловъ, могутъ поспорить въ первенствѣ съ совершеннѣйшими произведеніями древней архитектуры. Въ окрестностяхъ Іерусалима возвышалось множество великолѣпныхъ гробницъ, отмѣченныхъ оригинальнымъ вкусомъ. Стилъ ихъ былъ собственно греческій, но съ примѣненіемъ къ еврейскимъ обычаямъ и значительными измѣненіями по еврейскимъ идеямъ. Изображенія людей и животныхъ, которыми, къ крайнему неудовольствію строгихъ законниковъ, позволяли себѣ украшать свои постройки Ироды, замѣнены въ нихъ украшеніями растительными. Высѣченные въ натуральныхъ скалахъ, эти необыкновенные памятники представляли странную смѣсь греческихъ ордеровъ съ архитектурой Троглодитовъ, и казались какъ бы возрожденіемъ вкуса древнихъ обитателей Финикіи и Палестины къ монолитнымъ монументамъ. Съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на нихъ Іисусъ, видѣвшій въ произведеніяхъ искусства лишь пустое чванство мірскаго тщеславія. Его безусловный спиритуализмъ и

твердая увѣренность въ предстоящемъ преобразованіи всего міра, не оставляли въ немъ мѣста для сочувствія тому, что сердцу чуждо.

Храмъ, въ эту эпоху, былъ еще совершенно новъ, и снаружи даже не совсѣмъ оконченъ. Продъ началъ перестройку въ 20 или 21 году до христіанской эры, чтобъ привести его въ гармонію съ своими другими зданіями. Капитальная часть была окончена въ полтора года, портики въ восемь лѣтъ; но разныя работы надъ принадлежностями продолжались весьма медленно и приведены къ концу лишь не задолго до взятія Іерусалима Титомъ. Іисусъ, безъ сомнѣнія, видѣлъ эти работы и смотрѣлъ на нихъ съ нѣкоторой досадою. Какъ приготовленія къ далекой будущности, онѣ казались ему какою-то насмѣшкою надъ предстоявшимъ его пришествіемъ. Будучи прозорливѣе скептиковъ и фанатиковъ, онъ угадалъ, что этимъ великолѣпнымъ сооруженіямъ не долго суждено было жить. Впрочемъ, наружный видъ храма представлялъ дивное величіе, о которомъ нынѣшній *Харамъ*, при всей своей красотѣ, едвали можетъ дать понятіе. Окружавшіе его дворы и портики служили ежедневно мѣстомъ сходимы для многолюдной толпы, такъ что обширное пространство храмовой ограды представляло въ тоже время и храмъ, и

площадь, и судилище, и университетъ. Тамъ происходили горячія пренія между представителями разныхъ іудейскихъ школъ, тамъ преподавалось каноническое обученіе всякаго рода, производились даже процессы и гражданскія тяжбы, словомъ тамъ сосредоточивалась вся дѣятельность націи. Безъ умолку шумѣли тамъ аргументаторы; софизмами и пустословіемъ безпрестанно оглашалась эта арена нескончаемаго диспута. Храмъ представлялъ много сходства въ этомъ отношеніи съ мусульманскою мечетью. Римляне оказывали въ эту эпоху полное вниманіе къ иностраннымъ религіямъ (лишь бы каждая изъ нихъ ограничивалась предѣлами своего роднаго края), и не дозволяли даже себѣ самимъ входа въ святилище. Греческія и латинскія афиши обозначали пунктъ, за который воспрещалось переступить не-евреямъ. Но невдалекѣ оттуда высилась Антоніевская башня, главная квартира римскаго гарнизона, откуда превосходно видно было все, что дѣлалось внутри ограды. Храмовая полиція предоставлена была самимъ евреямъ и относилась къ обязанности Смотрителя храма; по его распоряженію, каждый разъ врата отворялись и затворялись; онъ долженъ былъ наблюдать за тѣмъ, чтобы никто не ходилъ черезъ ограду съ палкою, въ запыленной обуви, или для одного лишь сокра-

щенія пути. Строже всего наблюдалось за тѣмъ, чтобъ никто въ нечистомъ состояніи, по смыслу Закона Моисея, не проникнулъ во внутренніе портики храма. Для женщинъ были отведены совершенно отдѣльныя мѣста.

Тамъ обыкновенно проводилъ Иисусъ дни своего пребыванія въ Іерусалимѣ. На праздники стекалось необыкновенное множество народу въ этотъ городъ. Толпа пилигримовъ, партіями отъ десяти до двадцати человѣкъ, наполняла все храмовое пространство, и представляла картину безпорядочнаго скопища въ восточномъ вкусѣ. Иисусъ въ ней совсѣмъ исчезалъ; нѣсколько бѣдныхъ галилеянъ, ходившихъ тутъ же съ нимъ, не обращали на себя ничьего вниманія. Онъ повидимому здѣсь чувствовалъ себя въ непріязненной средѣ, гдѣ со всѣхъ сторонъ встрѣчало его лишь одно пренебреженіе. Все, что онъ здѣсь видѣлъ, проводило его въ возмущеніе, въ неудовольствіе. Храмъ, какъ вообще всё центры слишкомъ большаго стеченія публики на богомолье, представлялъ зрѣлище, мало располагающее къ благоговѣнію. Съ наружнымъ богослуженіемъ евреевъ соединялось много довольно отвратительныхъ мелочей, и между прочимъ даже торговыхъ операцій; въ слѣдствіе чего устроились, наконецъ, въ священной оградѣ настоящія лавки.

Въ нихъ продавали скотъ и птицу для жертвоприношеній и стояли мѣняльные столы для размѣна монеты, что по временамъ принимало видъ совершеннаго базара. Низшіе служители храма отправляли, конечно, свою должность безъ всякаго благочестія, съ той небрежностію и равнодушіемъ, какими отличаются храмовые сторожа и пономари во всё времена. Этотъ видъ невнимательнаго и исполненнаго суеты мірской служенія святынѣ, оскорблялъ религиозное чувство Іисуса, доходившее иногда до чрезмѣрной щекотливости. Онъ говорилъ, что изъ дома молитвы сдѣлали вертепъ воровъ; и однажды даже — доворять — до того разгнѣвался, что отхлесталъ этихъ гнусныхъ торгашей плетью, опрокинувъ ихъ столы. Вообще онъ не любилъ храма. Образовавшаяся въ немъ идея служенія Небесному Отцу не имѣла ничего общаго со зрѣлищемъ скотобойни. Вся эта вѣтошь еврейскихъ учрежденій ему не нравилась; необходимость согласоваться съ ними была для него мучительна. А потому, ни храмъ, ни его мѣстность не внушали никому въ нѣдрахъ христіанства особаго благоговѣнія, кромѣ только тѣхъ христіанъ-іудеевъ, которые не въ силахъ были совершенно оторваться отъ своихъ старыхъ іудейскихъ понятій. Подлинные послѣдователи новаго ученія съ

отвращеніемъ смотрѣли на этотъ прежній предметъ святыни. Константинъ и первые христіанскіе императоры, нисколько не безпокоясь о возведенныхъ тамъ Адрианомъ языческихъ постройкахъ, представляли имъ стоять на храмовомъ мѣстѣ. Если кто объ немъ думалъ, то развѣ только ненавистники христіанства, какъ на примѣръ Юліанъ. При вступленіи Омара въ Іерусалимъ, это мѣсто нарочно, — изъ ненависти къ евреямъ, — подвергнуто было оскверненію. Только Исламъ, представлявшій какъ бы возрожденіе того же Іудаизма въ исключительно семитической его формѣ, возвратилъ ему потомъ прежнія почести. Мѣсто храма всегда было противухристіанскимъ.

Гордость іудеевъ довершала неудовольствіе Іисуса и тягость его ощущенія въ іерусалимской средѣ. По мѣрѣ того, какъ развивались и зрѣли великія идеи Израиля, священство теряло въ народномъ уваженіи. Съ учрежденіемъ синагогъ истолкователь закона, проповѣдникъ, получилъ важное преимущество предъ жрецомъ. Жрецовъ, или иначе священниковъ, еврей имѣли только въ Іерусалимѣ; да и тамъ обязанности ихъ, ограничиваясь однимъ лишь совершеніемъ внѣшнихъ обрядовъ, не простирались далѣе круга дѣйствія нѣкоторыхъ изъ нашихъ католическихъ священниковъ, непользу-

ющихся правомъ проповѣди. При такомъ положеніи весьма естественно, что ораторъ синагоги, казуистъ, какой нибудь *sopher* или книжникъ, хотя и мірянинъ, стоялъ выше ихъ. Знаменитые мужи талмуда были не священники, а свѣтскіе ученые по современнымъ понятіямъ. Правда, Іерусалимское первосвященство считалось въ народѣ весьма почетнымъ саномъ; только оно отнюдь не стояло во главѣ религіознаго движенія. Первосвященникъ, значеніе котораго значительно упало еще при Иродѣ, превращался постепенно все болѣе и болѣе въ римскаго чиновника, постъ котораго подвергался частой смѣнѣ, дабы чрезъ то сдѣлать должность выгодною для многихъ. Фарисеи, хотя міряне, были страшные изувѣры; противная имъ, въ этомъ отношеніи, партія священниковъ принадлежала почти вся къ сектѣ Саддукеевъ, то есть къ той аристократіи невѣровъ, которая образовалась вокругъ храма и кормилась отъ алтаря, понимая между тѣмъ всю его нелѣпость. Священническая каста настолько отчудилась отъ національнаго чувства и общаго народу религіознаго направленія, что самое имя „Саддукея“ (*Sadoki*), обозначавшее въ началѣ просто члена священнической семьи Садока, потомъ сдѣлалось однозначущимъ со словами: „материалистъ“, „эпикурецъ“.

Къ этому присоединилось, въ царствованіе Ирода Великаго, одно обстоятельство, еще болѣе неловкое для священническаго званія. Иродъ, влюбившись въ Маріамну, дочь нѣкоего Симона (сына Бозтуса Александрійскаго) и желая на ней жениться (около 28 года до нашей эры), не придумалъ инаго средства для облагороженія своего тестя и приближенія его къ своему сану, кромѣ производства его въ Первосвященники. Эта семья временщиковъ владѣла тридцать пять лѣтъ почти непрерывно первосвященническимъ жезломъ. Состоя въ близкомъ родствѣ съ царствующимъ домомъ, она не прежде лишилась своего мѣста, какъ по низложеніи Архелая, а потомъ получила его опять (въ 42 году нашей эры), когда Иродъ Агриппа успѣлъ возстановить на нѣкоторое время царство Ирода Великаго. Подъ именемъ *Бозтусимовъ* образовалась новая священническая аристократія, весьма суетная, тщеславная, двумысленной набожности, слившаяся потомъ мало-по-малу съ Садокитами. *Бозтусимы* въ талмудѣ и раввинскихъ писаніяхъ представлены невѣрами, бусурманами, какъ и Саддукеи. Такимъ образомъ возникъ около храма особый кружокъ избранныхъ, въ родѣ римскаго двора, который изворачивался политикой; религіозныхъ увлеченій онъ не только не желалъ, но даже стра-

шился, а о святыхъ личностяхъ и нововодителяхъ не хотѣлъ и слышать, получая отъ стараго порядка хорошую поживу. Эти священники-эпикурейцы вовсе не были такъ придирчивы и задорны, какъ Фарисеи; они ничего не хотѣли, кромѣ покоя. Итакъ, именно эта ихъ нравственная безпечность, эта холодная безрелигіозность и возмущала Іисуса. Несмотря на все ихъ различіе между собою, священники и Фарисеи возбуждали въ немъ одинакую антипатію. Но, какъ чуждый пришлецъ и безъ всякаго значенія въ Іерусалимѣ, онъ долгое время долженъ былъ таить неудовольствіе въ глубинѣ своего сердца, а если кому иногда и могъ повѣрить чувства, то развѣ только немногимъ, сопровождавшимъ его довѣреннымъ друзьямъ.

Однако, еще прежде послѣдней своей побывки въ Іерусалимѣ, самой продолжительной изъ всѣхъ и кончившейся его смертію, Іисусъ пытался тамъ дать ходъ своимъ идеямъ. Произнесенныя имъ поученія обратили на него вниманіе; прошла молва о нѣкоторыхъ его дѣянiяхъ, считавшихся чудесными. Но изо всего этого не вышло въ Іерусалимѣ ни церкви, ни школы. Плѣнительный правоучитель, простирающій прощеніе на всѣхъ, лишь подъ условіемъ любви къ нему, не могъ найти живаго отголоска въ святилищѣ пустословія и обвѣт-

шальныхъ жертвоприношеній. Весь результатъ этихъ первыхъ попытокъ ограничивался возникшимъ между нимъ и нѣкоторыми личностями добрымъ отношеніемъ, которое впоследствии было для него не безъ пользы. Не можемъ утверждать, чтобы при первомъ же посѣщеніи Иерусалима онъ познакомился съ семьей Виванской, оказавшей ему столько утѣшенія и сочувствія, среди постигшихъ его, въ послѣдніе мѣсяцы жизни, испытаній. Но весьма рано онъ снискалъ себѣ расположеніе нѣкоего Никодима, богатаго Фарисея, бывшего тогда членомъ Сангедрина и пользовавшагося большимъ уваженіемъ въ Иерусалимѣ. Этотъ честный и искренній, повидимому, человѣкъ получилъ невольное влеченіе къ молодому Галилеянину. Желая съ нимъ поговорить наединѣ, но не давая пищи злословію, онъ видѣлся съ Иисусомъ тайно, ночью, и имѣлъ съ нимъ продолжительную бесѣду. Безъ сомнѣнія, бесѣда оставила въ немъ благопріятное впечатлѣніе, ибо спустя нѣсколько времени онъ принимаетъ сторону Иисуса противъ нападокъ своихъ собратій; а по смерти Иисуса мы встрѣтимъ Никодима опять и увидимъ, съ какимъ благочестіемъ онъ является при трупѣ учителя и какъ онъ заботится объ отданіи его останкамъ послѣдняго долга. Никодимъ не сдѣлался христіаниномъ. Вступать въ рели-

гіозное движеніе, въ которомъ еще не видно было ни одного значительнаго лица, онъ находилъ несообразнымъ съ своимъ общественнымъ положеніемъ. Но очевидно онъ питалъ къ Іисусу искреннюю дружбу, и доказалъ ее нѣкоторыми услугами, хотя и не успѣлъ спасти его отъ смертнаго приговора, можно сказать висѣвшаго уже надъ молодымъ пророкомъ въ описываемую нами теперь эпоху его жизни.

Изъ современныхъ знаменитостей іудейскаго законоученія, Іисусъ, повидимому, ни съ кѣмъ не имѣлъ сношенія. Гиллель и Шаммай задолго до него сошли въ могилу. Первѣйшимъ авторитетомъ въ то время былъ Гамалииль, внукъ Гиллеля, — человѣкъ съ либеральнымъ направленіемъ, общительнымъ характеромъ и всесторонней любознательностію, пріученный частымъ обращеніемъ въ высшемъ кругу къ терпимости въ миѣніяхъ. Въ противоположность строгимъ Фарисеямъ, которые закрывали глаза передъ прекраснымъ поломъ или носили на лицѣ вуаль, онъ заглядывался на женщинъ, даже на язычницъ. Преданіе простило ему эту нескромность, также какъ и свѣдущность его въ греческомъ языкѣ, потому что онъ былъ близокъ ко двору. По смерти Іисуса, Гиллель написалъ о новой сектѣ свои замѣчанія въ весьма умѣренномъ

духѣ. Изъ его школы произошелъ Св. Павелъ. Но Иисусъ, повидимому, не вступалъ въ нее никогда.

Мысль, которую вынесъ Иисусъ во всякомъ случаѣ изъ Иерусалима, и которая отнынѣ кажется укоренившеюся въ немъ окончательно, состояла въ томъ, что со старымъ іудейскимъ богослуженіемъ нельзя раздѣляться добромъ. Отмѣнить совсѣмъ жертвоприношенія, столь для него омерзительныя, ссадить нечестивое и надменное священство, и вообще низпровергнуть Законъ, — вотъ мѣры, казавшіяся ему безусловно необходимыми. Съ этого момента онъ является уже не іудейскимъ реформаторомъ, а истребителемъ Іудаизма. Нѣкоторые изъ поборниковъ мессіанскихъ идей уже и прежде его допускали, что Мессія водворитъ новый, для всѣхъ земныхъ народовъ общій законъ. Ессеи, которыхъ по духу едва ли можно даже назвать евреями, также были, кажется, довольно равнодушны и къ храму, и къ обрядамъ Моисея. Но подобное вольнодумство появлялось рѣдко наружу, и признавать его открыто — никто не смѣлъ. Иисусъ первый осмѣлился произнести, что со времени появленія въ міръ его или еще Іоанна, Законъ не существуетъ. Если иногда и случалось ему говорить объ этомъ предметѣ въ выраженіяхъ болѣе

умѣренныхъ, то развѣ только для того, чтобы не слишкомъ ожесточать господствовавшіе предразсудки. Но какъ только ставили его въ необходимость выразиться яснѣе, то онъ тотчасъ же снималъ всѣ оболочки съ своей мысли и объявлялъ открыто, что старый Законъ не имѣетъ никакой силы. Онъ дѣлалъ по сему случаю энергическія сравненія: „не ставятъ — говорилъ онъ — новыхъ заплатъ на вѣтхой одеждѣ. Не вливаютъ новаго вина въ старый бурдюкъ.“ Съ практической стороны этотъ его пріемъ былъ рѣшительный и подлинно творческій шагъ для успѣха его дѣла. Храмъ надменными афишами воспрещалъ не-іудеямъ входъ въ свою ограду. Итакъ, не нужно ему храма: Іисусъ не хочетъ его знать. Пристрастный, жестокій, неумолимый законъ, написанъ для однихъ лишь чадъ Авраама; Іисусъ полагаетъ, что всякій благорасположенный человѣкъ, встрѣчающій его пріветомъ и любовью, есть чадо Авраама. Въ родовой спѣси онъ видитъ первѣйшаго врага, котораго надобно попать. Другими словами, Іисусъ перестаетъ отнынѣ быть іудеемъ. Онъ становится архи-революціонеромъ: онъ призываетъ всѣхъ людей къ новому богослуженію, основанному лишь на одномъ ихъ качествѣ чадъ Божіихъ. Онъ провозглашаетъ права человѣка, а не права іудея;

религію человѣческую, а не іудейскую; спасеніе
человѣка, а не спасеніе іудея. Измѣрьте же те-
перь всю бездну разстоянія между нимъ и какимъ
нибудь Іудой Голонитомъ или Матвеемъ Маргало-
томъ, проповѣдывавшими революцію во имя Торы!
Онъ вывелъ въ свѣтъ религію человѣчества, осно-
ванную не на племенныхъ преимуществахъ, а на
чувствахъ сердца. Моисей остался назади. Храмъ
потерялъ всякую разумную основу своего суще-
ствованія и низпровергнутъ окончательно, невозста-
новимо.

ГЛАВА XIII.

Отношенія Иисуса къ язычникамъ и Самарянамъ.

Согласно этимъ основнымъ началамъ, онъ смотрѣлъ съ пренебреженіемъ на все чуждое религiи сердца. Смертельный врагъ пустосвятныхъ обрядовъ и бесполезныхъ веригъ ханжества, полагающаго душеспасеніе въ условныхъ знакахъ и продѣлкахъ на показъ, онъ очень мало обращалъ вниманія на постъ. Забвеніе обиды онъ ставилъ выше жертвоприношенія. Любовь къ Богу, челоуѣколюбіе, всепрощеніе, — вотъ въ чемъ весь его законъ. Что можетъ быть далѣе отъ всякаго священства? Священникъ, уже по самому долгу своего званія, всегда зоветъ къ публичному жертвоприношенію, официальнымъ служителемъ котораго онъ состоитъ; онъ отводитъ отъ чисто-внутренней, келейной молитвы, какъ отъ средства обходиться безъ его по-

мощи. Напрасно стали бѣ мы искать въ Евангеліи хоть одного религіознаго обряда, который былъ бы установленъ Иисусомъ. Крещеніе въ глазахъ его имѣетъ весьма второстепенное значеніе; а въ отношеніи молитвы онъ не устанавливаетъ ничего, кромѣ того, чтобы она была сердечна, искренна. Многіе думали, какъ нерѣдко случается, замѣнить прямую преданность добру на дѣлѣ однимъ словеснымъ выраженіемъ доброжелательства слабыхъ душъ, и воображали снискать царствіе небесное повторительными восклицаніями: „*Рабби, рабби*“; но отъ такихъ онъ отвращался, объявляя, что его религія велитъ творить добро. Онъ часто вспоминалъ извѣстное мѣсто изъ Исаи: „чититъ меня народъ сей устами своими, но сердце его далеко отъ меня.“

Суббота была главнымъ пунктомъ, около котораго вращались фарисейскія ухищренія и нападки противъ него. Это превосходное учрежденіе древности сдѣлалось поводомъ пренелѣзныхъ споровъ между казуистами, и источникомъ жалкихъ предразсудковъ. Воображали, будто бы сама природа слѣдуетъ ему: всѣ перемежающіеся источники назывались „субботными“. Это былъ также любимый конекъ Иисуса, на которомъ ему особенно нравилось встрѣчать своихъ противниковъ. Онъ

явно нарушалъ субботу, а на упреки отвѣчалъ сарказмомъ. Еще безцеремоннѣе обращался онъ со множествомъ позднѣйшихъ установленій, прибавленныхъ къ Закону преданіемъ, но тѣмъ болѣе милыхъ для ханжей. Омовенія тѣла, тонкую разборчивость между вещами чистыми и нечистыми, онъ преслѣдовалъ безпощадно. „Нельзя ли вамъ, говорилъ онъ, омыть также душу свою? Вѣдь не то оскверняетъ человѣка, что въ уста входитъ, а что изъ устъ исходитъ“. На Фарисеевъ, какъ главныхъ проповѣдниковъ этого маскарада, направлялись всѣ его остроты. Онъ обвинялъ ихъ въ томъ, что они ужъ слишкомъ много набавляютъ на Законъ, и нарочно выдумываютъ невозможныя правила, чтобъ создать людямъ новые случаи грѣшить: „Слѣпцы, вожатаи слѣпыхъ, — восклицалъ онъ, — берегитесь, попадете въ ровъ“. — „О, порожденіе ехидново! продолжалъ онъ про себя, витѣствуетъ о добрѣ, а въ мысляхъ зла преисполненно, какъ будто на перекоръ пословицъ, которая гласитъ, что отъ избытка сердца уста глаголятъ.“

Онъ не довольно зналъ язычниковъ, чтобы, надѣясь на ихъ обращеніе, основать что нибудь прочное. Въ Галилеѣ проживало тогда очень много язычниковъ, но тамъ повидимому не было между ними публичнаго и организованнаго служенія бо-

гамъ. Развитие этого богослуженія въ полномъ блескѣ Иисусъ могъ видѣть съ странѣ Тира и Сидона, въ Кесареѣ Филиппской и въ Декаполисѣ. Однакоже, онъ мало обратилъ на него вниманія. Никогда не замѣчалось въ немъ скучнаго педантизма, столь обыкновеннаго современнымъ ему іудеямъ, и тѣхъ пустыхъ возгласовъ противу идолопоклонства, которыми особенно отличались, со временъ Александра, его единоплеменники, и какими наполнена на примѣръ „Книга Премудрости“. Если что поражаетъ его въ язычникахъ, то совсѣмъ не идолопоклонство, а подобострастіе ихъ. По своему демократическому духу, этотъ молодой еврей былъ прямымъ собратомъ Іуды Голонита, и, не признавая ничьего господства, кромѣ Божія, возмущался до глубины души воздаваемыми царскимъ особамъ почестями и возвеличивающими ихъ титулами, часто самыми лживыми. За исключеніемъ одного только этого порока, онъ оказывалъ язычникамъ, въ большей части случаевъ, когда съ ними встрѣчался, большое снисхожденіе и по временамъ обнаруживалъ даже болѣе надежды на нихъ, нежели на іудеевъ. „Имъ передано будетъ царствіе Божіе, говорилъ онъ. Что дѣлаетъ хозяинъ, недовольный нанимающими у него виноградникъ? онъ передаетъ его въ наемъ другимъ, отъ которыхъ можетъ ожи-

дать плодовъ добрыхъ“. Иисусъ тѣмъ тверже долженъ былъ держаться этой идеи, что обращеніе язычниковъ считалось однимъ изъ вѣрныхъ знаменій пришествія Мессіи. Въ своемъ царствіи Божіемъ онъ садитъ на пиру за столъ, рядомъ съ Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ, людей собравшихся со всѣхъ концовъ свѣта, между тѣмъ какъ законные наслѣдники на пиръ не допускаются. Иногда, правда, изъ его наставленій ученикамъ можно заключить, будто онъ выражаетъ направленіе прямо противоположное, будто онъ велитъ имъ проповѣдывать спасеніе однимъ лишь вѣрнымъ Закону іудеямъ, а объ язычникахъ выражается въ духѣ, соответствующемъ іудейскимъ предрасудкамъ. Но здѣсь надобно помнить, что его ученики, ограниченному понятію которыхъ недоступно было великое его равнодушіе къ имени чадъ Авраама, очень могли исказать по своимъ собственнымъ идеямъ наставленія учителя. Впрочемъ, очень возможно, что и самъ Иисусъ на эту тему говорилъ различно, также точно, какъ Магометъ въ Коранѣ отзывается объ іудеяхъ то съ уваженіемъ, то съ крайнимъ ожесточеніемъ, смотря потому въ какой степени надѣется привлечь ихъ къ себѣ. Въ самомъ дѣлѣ, преданіе приписываетъ Иисусу два правила прозелитизма, въ сущности противу-

положныя, которыхъ однакоже онъ могъ попеременно держаться обоихъ. То говорилъ онъ: „кто не противъ васъ, тотъ за васъ“, то на оборотъ: „кто не со мной, тотъ противъ меня“. Борьба, проникнутая страстію, всегда влечетъ за собою подобныя противорѣчія.

Извѣстно, что между его учениками было много такихъ, которые у іудеевъ назывались „Гелленами“. Въ Палестинѣ это имя употреблялось въ весьма различномъ смыслѣ. То оно означало язычниковъ, то — іудеевъ, живущихъ между язычниками и говорящихъ по гречески, то, наконецъ, людей языческаго происхожденія, обратившихся впослѣдствіи къ Іудаизму. Іисусъ безъ сомнѣнія встрѣтилъ сочувствіе въ послѣдней категоріи гелленовъ. Приобщеніе къ іудаизму имѣло много степеней; но новообращенный всегда оставался въ нѣкоторомъ пренебреженіи сравнительно съ природнымъ іудеемъ. Тѣ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, назывались „прозелитами придверія“ или „богобоязненными“, и подчинены были уставу Ноеву, а не Моисееву. Именно это уничиженіе и было, безъ сомнѣнія, первой причиной сближенія съ ними Іисуса и особаго его вниманія къ нимъ.

Таковы же были отношенія его и къ Самарянамъ. Сжатая со всѣхъ сторонъ между двумя об-

ширными провинціями Іудаизма (Іудеей и Галилеей), Самарянская земля представляла посреди Палестины какъ бы чуждый островъ, гдѣ сохранялось старое богослуженіе Гаризимское, однородное, но враждебное Іерусалимскому. Іерусалимцы ненавидѣли эту жалкую секту, неимѣвшую ни генія, ни стройной организаціи, составлявшихъ собственно силу такъ называемаго іудаизма. Они смотрѣли на Самарянъ, какъ на язычниковъ, только съ большимъ еще озлобленіемъ. Іисусъ, не слѣдуя, въ этомъ, примѣру другихъ, имѣлъ къ нимъ, напротивъ того, большое расположеніе. Часто онъ ставитъ самарянъ выше іудеевъ-ортодоксовъ. Если же въ иныхъ случаяхъ и кажется, какъ будто онъ запрещаетъ своимъ ученикамъ идти къ нимъ для поученія, обращая свое Евангеліе въ исключительное достояніе прямыхъ сыновъ Израиля, то здѣсь опять, безъ сомнѣнія, дѣло идетъ о какомъ нибудь частномъ совѣтѣ, чисто условномъ и на минуту вызванномъ извѣстными обстоятельствами, которому апостолы дали потомъ безусловное и общее значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, самаряне были иногда къ нему непривѣтливы, считая его раздѣляющимъ предразсудки своихъ единоземцевъ, подобно тому, какъ даже въ наше время на самага либеральнаго мыслителя-европейца мусульманинъ еще смотритъ, какъ

на своего врага, предполагая въ немъ христiанина-изувѣра. Иисусъ умѣлъ однако стать выше этихъ недоразумѣній. У него было много учениковъ въ Сихемѣ; онъ даже самъ былъ въ этомъ городѣ и провелъ тамъ не менѣе двухъ дней. По случаю оказанной однажды нѣсколькимъ лицамъ услуги, онъ встрѣтилъ благодарность и истинное благочестіе въ одномъ только изъ нихъ, и этотъ одинъ былъ самарянинъ. Въ прелестнѣйшей притчѣ о брошенномъ на іерихонской дорогѣ раненомъ, онъ приводитъ шедшаго тою дорогою священника, который взглянулъ на раненаго и прошелъ мимо; потомъ левита, который даже и не остановился; наконецъ самарянина, который, проходя тою же дорогою послѣ нихъ и увидѣвъ несчастнаго, подходитъ къ нему съ участіемъ, умащаетъ елеемъ и перевязываетъ его раны. Изъ чего Иисусъ заключаетъ, что истинное братство утверждается между людьми не предметами вѣрованій, а человѣколюбіемъ. „Ближній“ (въ понятіяхъ Іудаизма — преимущественно единавѣрецъ) для него значитъ тотъ, кто можетъ сострадать себѣ подобнымъ, безъ различія секты и націи. Общечеловѣческое братство въ самомъ широкомъ смыслѣ бьетъ живымъ ключемъ изъ всѣхъ его поученій.

Эти мысли, — которыхъ Иисусъ былъ полонъ,

оставляя Иерусалимъ, — нашли живое выраженіе въ сохранившемся разсказѣ о его возвращеніи оттуда. Дорога изъ Иерусалима въ Галилею идетъ, въ полумилѣ отъ Сихема, мимо входа въ долину, образуемую горами Ебаломъ и Гаризимомъ. Иудейскіе пилигримы обыкновенно избѣгали этой дороги, соглашаясь охотнѣе на длинный окольный путь чрезъ Перею, нежели на встрѣчи съ самарянами и необходимость для чего нибудь обращаться къ нимъ. Запрещалось вести съ ними хлѣбъ-соль; нѣкоторые казуисты ставили за правило, что „принятый отъ самарянина кусокъ хлѣба — значитъ тоже, что кусокъ свинины“. Итакъ, пускаясь въ путь по этому направленію, запасались впередъ провизіей; но за всеѣмъ тѣмъ столкновенія и ссоры съ самарянами были весьма часты. Иисусъ не раздѣлялъ въ семъ случаѣ ни общаго преубѣжденія, ни общихъ опасеній. Дошедши до того мѣста, гдѣ открывается на лѣво Сихемская долина, онъ захотѣлъ отдохнуть и остановился у колодца. Самаряне обыкновенно называли, даже доселѣ называютъ, все свои мѣстности по патриархальнымъ воспоминаніямъ; этотъ колодезь считался даромъ Иакова Иосифу, и безъ сомнѣнія былъ тотъ самый источникъ, который нынѣ носитъ имя *Биръ-Иакубъ*. Ученики вошли въ долину и отправились въ городъ для за-

купки съѣстныхъ припасовъ, а Иисусъ сѣлъ у колодца, насупротивъ Гаризима.

Время было полуденное. Къ колодцу подходитъ какая-то женщина, изъ Сихема, черпнуть воды. Иисусъ попросилъ напиться, что очень изумило самарянку, такъ какъ іудеи обыкновенно остерегались всякаго сообщенія съ самарянами. Сихемка, ободренная его обходительностію и увлеченная очаровательнымъ его словомъ, признала его за пророка, и, ожидая отъ него, конечно, укоризны за различіе въ богослуженіи, рѣшилась сама начать съ нимъ рѣчь о томъ: „Господинъ честной, сказала она, отцы наши поклонялись Богу вотъ на этой горѣ, а вы утверждаете, будто должно поклониться Богу въ Іерусалимѣ“. — „Повѣрь, милая, отвѣчалъ Иисусъ, наступитъ пора, когда ни на эту гору, ни въ Іерусалимъ ходить за поклоненіемъ Богу не будутъ; истинные читатели Бога поклонятся Отцу своему въ духѣ и истинѣ“.

Въ тотъ день, когда онъ произнесъ это слово, онъ былъ подлинно сынъ Божій. Онъ впервые выразилъ здѣсь мысль, на которой покоится зданіе вѣчной религіи. Онъ положилъ въ немъ начала чистому богопочтенію, необусловленному никакой рамой времени, никакимъ отечествомъ, — богопочтенію, служителями котораго будутъ все высокіе

умы до скончанія вѣковъ. Религія, выраженная въ этомъ словѣ, была не на одинъ только тотъ день истинной религіей человѣчества, она была безусловно истинною религіей; и если на другихъ планетахъ есть также обитатели съ разумно-правственной жизнію, то безъ сомнѣнія и ихъ религіозная истина не можетъ разниться отъ произнесенной Іисусомъ у колодца Іаковлева. Какъ чловѣкъ, онъ не могъ держаться всегда на такой высотѣ: идеаль уловимъ лишь на одну минуту. Это слово Іисуса было молніей, блеснувшей вдругъ посреди черной ночи. Восемнадцать вѣковъ нужно было, чтобъ глаза человѣчества (даже безконечно малой доли человѣческаго рода) привыкли къ ея чистѣйшему свѣту. Но придетъ время — и эта молнія заблеститъ, какъ ясный день; и, пройдя черезъ всѣ фазисы заблужденія, человѣчество возвратится еще къ слову Іисуса, какъ къ безсмертному выраженію своей вѣры и своихъ упованій.

ГЛАВА XIV.

Первое начало легенды объ Иисусѣ. — Какое понятіе импль онъ самъ о своемъ сверхъ-естественномъ призваніи.

Иисусъ возвратился въ Галилею совершеннымъ отступникомъ отъ своей іудейской вѣры и самымъ пламеннымъ революціонеромъ. Его идеи начинаютъ теперь принимать выраженіе законченное, опредѣленное. Невинные афоризмы первой поры его пророчествъ, отчасти заимствованные у раввиновъ прежняго времени, и его превосходныя правоученія втораго періода, привели его наконецъ къ положительной системѣ дѣйствія. Тора отмѣнится; и отмѣнителемъ будетъ онъ. Обѣтованный Мессія уже явился, — этотъ Мессія есть онъ. Откровеніе Царствія Божія скоро совершится, и совершителемъ будетъ онъ. Онъ будетъ жертвою своей

отважности, — онъ это знаетъ. Но не иначе достижимо царствіе Божіе, какъ путемъ жертвъ; переломъ и страданія необходимы для его осуществленія. Сынъ Человѣческой по смерти своей явится со славою, окруженный сонмомъ ангеловъ, и сокрушатся враги его.

Смѣлость такого возрѣнія не должна изумлять насъ. Иисусъ давно уже смотрѣлъ на свои отношенія къ Богу, какъ на сыновнія къ отцу; и того, что въ другихъ смертныхъ дѣйствительно могло бы означать лишь неумѣренную гордость, нельзя вмѣнить ему въ самозабвеніе.

Имя „сына Давидова“ былъ первый титулъ, принятый имъ на себя безъ всякаго, конечно, участія въ невинныхъ поддѣлкахъ, которыми усердные ревнители старались упрочить за нимъ этотъ титулъ. Родъ Давида, повидимому, былъ уже давно изсякшимъ; династія Асмонеевъ, священническаго племени, не могла и думать о приписаніи себѣ столь именитаго происхожденія; ни Ироду, ни римлянамъ и въ мысль не приходило, чтобъ между ними еще жилъ какой нибудь представитель правъ древней династіи. Однакожь, подъ конецъ царствованія Асмонеевъ, умами овладѣла мечта о невѣдомомъ князѣ древняго царственнаго рода, который явится грознымъ мстителемъ Израиля пе-

редъ его врагами. Вообще въ народѣ господствовало повѣріе, что Мессія будетъ сынъ Давида и уроженецъ Виѳлеема, какъ Давидъ. Первоначально Иисусъ собственно не это имѣлъ въ виду. Между его небеснымъ царствіемъ и плѣнявшими массу народа воспоминаніями о Давидѣ, ничего не было общаго. Онъ считалъ себя сыномъ Божіимъ, а не Давидовымъ. Онъ готовилъ царство и освобожденіе совсѣмъ инаго рода. Но сила укоренившася въ народѣ мнѣнія, по этому пункту, была до того упорна, что почти заставила его сдаться съ этой стороны. Изъ одного положенія, что „Иисусъ есть Мессія“, уже само собою слѣдовало другое положеніе: Иисусъ есть сынъ Давидовъ“. Итакъ, онъ не спорилъ изъ-за титула, безъ котораго успѣхъ очевидно былъ невозможенъ, и — кажется — наконецъ сталъ принимать его даже съ удовольствіемъ, ибо онъ совершалъ всего охотнѣе тѣ знаменія, которыхъ у него просили, этимъ именемъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ обстоятельствахъ своей жизни, Иисусъ склонился къ преобладавшимъ въ его время понятіямъ, хотя и не раздѣлялъ ихъ. Онъ пріобщалъ къ своему догмату „царствія Божія“ все, что воспламеняло сердца и воображеніе. Въ такомъ точно смыслѣ онъ принялъ, — какъ мы уже видѣли, — и крещеніе Іо-

анна, хотя собственно, съ его точки зрѣнія, оно къ существу дѣла и не принадлежало.

Не малое затрудненіе представлялось однако именно въ томъ, что онъ родился въ Назаретѣ и что это было всеѣмъ извѣстно. Не знаемъ, боролся ли Иисусъ съ этимъ препятствіемъ. Быть можетъ, оно не столь чувствительно было въ Галилеѣ, гдѣ чаяше Мессіи, какъ сына Давида, изъ Виелеема, не столь было распространено въ народѣ. Впрочемъ, въ глазахъ галилейскаго идеалиста титулъ „сына Давидова“ уже находилъ достаточное оправданіе, если тотъ, кого такъ величали, содѣйствовалъ славѣ своего племени и обновленію благоденственной эпохи Израиля. Самъ ли онъ, своимъ безмолвнымъ согласіемъ, допустилъ придуманныя его приверженцами родословныя въ доказательство его царственнаго происхожденія? Извѣстны ли ему были сколько нибудь вымышленныя легенды для перенесенія его родины въ Виелеемъ, — въ особенности же та оригинальная продѣлка, которою впоследствии связали его виелеемскую колыбель съ производившеюся по предписанію Императорскаго легата Квиринія ревизіей? Этихъ вопросовъ невозможно рѣшить положительно. Крайняя неточность и взаимныя противорѣчія обѣихъ родословныхъ заставляютъ думать, что онѣ были резуль-

татомъ народнаго труда, производившагося порознь на различныхъ пунктахъ, и что никакая изъ нихъ не получила засвидѣтельствванія отъ самаго Иисуса. Нигдѣ онъ не называетъ себя самъ сыномъ Давидовымъ. Ученики его, далеко недостигавшіе высоты его понятій, въ порывѣ добродушнаго усердія, раскрашивали по-своему его слова, многое преувеличивали и большею частію безъ его вѣдома. Не забудемъ, что въ теченіи первыхъ трехъ вѣковъ весьма значительная часть христіанскихъ общинъ упорно отвергала порфирородное происхожденіе Иисуса и подлинность генеалогій.

Такимъ образомъ его легенда была плодомъ чисто самороднаго увлеченія, и выработывалась уже при его жизни въ окружавшей его средѣ. Ни одно великое событіе исторіи не обошлось безъ порожденія изъ себя какого нибудь круга басенъ; и самъ Иисусъ не былъ бы въ силахъ, еслибъ даже того хотѣлъ, остановить потокъ этихъ произведеній народной фантазіи. Быть можетъ, взоръ проницательнаго наблюдателя умѣлъ бы распознать уже тогда зародышъ послѣдующихъ повѣствованій, которыми старались приписать основателю христіанства сверхъ-естественное происхожденіе; — онъ, можетъ быть, умѣлъ бы распознать ихъ: частію въ той весьма распространенной между древними идеѣ,

что человекъ, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ, не можетъ быть исчадіемъ обыкновеннаго отношенія двухъ половъ, частію въ ожиданіи осуществленія извѣстной главы Исаіи, ложно понятой въ томъ смыслѣ, будто Мессія долженъ произойти отъ дѣвы, и наконецъ въ томъ положеніи, что „Духъ Божій“ (уже считавшійся Божественною вѣщаніемъ) есть начало оплодотворенія. Безъ сомнѣнія, уже въ то время въ народѣ обращалось немало разсказовъ о приключеніяхъ Іисуса въ дѣтствѣ, — разсказовъ, направленныхъ именно къ тому, чтобъ выразить въ его біографіи осуществленіе мессіянскаго идеала, или лучше сказать тѣхъ пророчествъ, которыя тогдашняя аллегорическая экзегетика относила къ Мессіи. Другіе полагали, что отъ самой колыбели онъ состоялъ въ связи съ первѣйшими знаменитостями вѣка, Іоанномъ Крестителемъ, Иродомъ Великимъ, халдейскими астрологами, совершившими будто бы около того времени странствіе въ Іерусалимъ, съ двумя старцами отъѣзженной святости, Симеономъ и Анною. Не безъ грѣха, конечно, въ хронологіи обошлись эти предположенія, основанныя большею частію на искаженіи дѣйствительныхъ фактовъ. Но духъ кротости и доброты, выразившійся въ нихъ, дивная теплота души, которою согрѣты были все эти небылицы, сдѣлали

ихъ дополненіемъ правоученія. Особенно по смерти Іисуса, рассказы такого рода получили широкое развитіе; но можно думать, что и при его жизни они уже были въ ходу и не встрѣчали ничего другаго, кромѣ благочестивой вѣры и простодушнаго удивленія.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Іисусъ никогда и не думалъ выдавать себя за вочеловѣченіе Господа Бога. Такая идея слишкомъ чужда была еврейскому духу; въ синоптическихъ евангеліяхъ нѣтъ даже ни малѣйшаго слѣда ея; а если она гдѣ встрѣчается, то именно только въ тѣхъ частяхъ евангелія Іоанна, которыя ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть приняты за отголосокъ мысли Іисуса. Мѣстами даже Іисусъ самъ повидимому предупреждаетъ противъ подобнаго ученія. Обвиненіе его въ обоготвореніи себя или въ провозглашеніи себя богоравнымъ, — представлено даже въ самомъ евангеліи Іоанна клеветою евреевъ. По сему послѣднему евангелію, Іисусъ объявилъ себя меньшимъ, нежели Отецъ его. Въ другомъ мѣстѣ онъ выражаетъ сознаніе въ томъ, что Отецъ открылъ ему не все. Онъ считаетъ себя человѣкомъ болѣе нежели обыкновеннымъ, но отстоящимъ отъ Божества на неизмѣримое разстояніе. Онъ — Божій сынъ; но и всѣ люди суть тоже самое, или

могутъ сдѣлаться тѣмъ же самымъ въ различной степени. Всѣ люди каждый день должны взывать къ Богу, какъ къ Отцу; всѣ воскресіе будутъ сынами Божиими. Въ Вѣтхомъ Завѣтѣ имя сыновъ или чадъ Божіихъ приписывается такимъ существамъ, которыхъ никто и не думалъ равнять съ Богомъ. Слово „сынъ“ имѣетъ въ семитическихъ и новозавѣтномъ языкахъ самыя обширныя значенія. Впрочемъ, Іисусъ вообще не представлялъ себѣ человѣка тѣмъ жалкимъ существомъ, до котораго унижаетъ его холодный взглядъ деизма. Въ поэтическомъ его воззрѣніи на природу единый духъ одушевляетъ все сущее, всю вселенную: духъ человѣка есть духъ Божій; Богъ въ человѣкѣ пребываетъ, человѣкомъ живетъ, — такъ точно, какъ и человѣкъ въ Богѣ пребываетъ, Богомъ живетъ. Трансцендентальный идеализмъ Іисуса никогда не позволялъ ему имѣть весьма ясное представленіе о своей собственной личности. Онъ есть Отецъ его, Отецъ его есть онъ. Онъ живетъ въ своихъ ученикахъ, онъ пребываетъ вездѣ съ ними; его ученики едино суть, такъ точно какъ и онъ съ Отцемъ едино. Идея для него значитъ все; а плоть, въ которой именно обозначается разность личностей, ничего не значитъ.

Такимъ-то образомъ имя „Сынъ Божій“, или

просто „Сынъ“, получило въ понятіи Іисуса значеніе, равносильное съ именемъ „Сына Человѣческаго“ и также, какъ сіе послѣднее, сдѣлалось синонимомъ Мессіи, съ тою только разницею, что „Сыномъ Человѣческимъ“ онъ обыкновенно называлъ себя самъ, а изъ термина „Сынъ Божій“, по видимому, не дѣлалъ того же употребленія. Первый изъ этихъ двухъ титуловъ (Сынъ Человѣскій) знаменовалъ въ немъ судію міра; послѣдній (Сынъ Божій) выражалъ участіе его въ верховныхъ дѣлахъ Отца небеснаго и Его могуществѣ. Могуществу сему нѣтъ предѣловъ. Отецъ его предоставилъ ему всякую власть. Онъ даже имѣетъ право перемѣнять субботу. — Никто не знаетъ Отца, кромѣ какъ черезъ него. Отецъ ему исключительно предоставилъ право суда. Ему повинуются природа; но и всякому другому повинуются она, кто только вѣритъ и молится: вѣра превозмогаетъ все. При этомъ надобно помнить, что ни онъ, ни его слушатели никогда и не подозрѣвали чего либо въ родѣ законовъ природы, которыми отмѣчалась бы граница возможнаго. Свидѣтели его знаменій благодарятъ Бога „за дарованіе такой власти человѣкамъ“. Онъ отпускаетъ грѣхи; онъ выше Давида, Авраама, Соломона и пророковъ. Не знаемъ ни того, подъ какою фирмой, ни того,

въ какомъ размѣрѣ выражались эти увѣренія; но объ Иисусѣ нельзя судить по масштабу нашихъ мелкихъ приличій. Восторженное удивленіе учениковъ переполняло такъ сказать и увлекало его. Нельзя не видѣть, что названіе Раввина, которымъ онъ въ началѣ довольствовался, потомъ уже не удовлетворяло его; ни титулъ пророка, ни титулъ посланника Божія не были достаточны для полного выраженія идеи, которую онъ составилъ о себѣ. Онъ сталъ думать о себѣ, какъ о существѣ выше-человѣческомъ, и хотѣлъ считаться въ ближайшихъ, въ высшихъ, нежели другіе люди, отношеніяхъ къ Богу. Замѣтимъ однако, что самыя термины: „выше-человѣческой“, „сверхъ-естественный“, заимствованные изъ нашей скудной теологіи, не имѣли никакого смысла въ высокому религіозному сознаніи Иисуса. Ни область природы, ни область человѣческаго совершенства, не были для него царствами, опредѣленными внѣ Бога, жалкими дѣйствительностями подъ гнетомъ законовъ неумолимаго эмпиризма. Для него не было сверхъ-естественнаго, потому что не было естественнаго порядка вещей. Окрыленный безконечною любовію, онъ забывалъ тяготѣющія надъ духомъ человѣка цѣни, и перелеталъ разомъ ту неприступную для многихъ

бездну, которую проводить посредственное разуміе между человѣкомъ и Богомъ.

Во всякомъ случаѣ, строгая послѣдовательность обдуманной схоластики отнюдь не была свойственна такому обществу, какъ первые ученики Іисуса. Черезъ совокупленіе всѣхъ вышеизложенныхъ нами идей, слагалась въ ихъ умѣ богословская система, но еще столь нетвердая, незаконченная, что по ней великій Сынъ Божій, это таинственное раздвоеніе Божества, является на сцену дѣйствія чисто человѣкомъ. Онъ доступенъ искушенію; онъ многого не вѣдаетъ; онъ поправляетъ свои велѣнія; онъ унываетъ, слабѣетъ духомъ, молить Отца о пощадѣ въ испытаніяхъ; онъ покоренъ Богу, какъ сынъ. Онъ, грядущій судія міра, не знаетъ даже дня суда. Онъ прибѣгаетъ къ мѣрамъ предосторожности, дабы обезопасить себя. Едва родился онъ на свѣтъ, — и уже надобно спѣшить укрывательствомъ его отъ сильныхъ людей, требующихъ его смерти. При заговариваніи имъ бѣснующихся, бѣсъ каверзитъ и не съ разу еще оставляетъ пациента. Чудотворство достается ему цѣною труднаго усилія, томительнаго напряженія, какъ будто чрезъ то выходила изъ него самага часть силы. Все это съ тогдашней точки зрѣнія могло знаменоватъ лишь Божія посланника или, лучше сказать, человѣка,

дѣйствующаго подъ защитою и покровительствомъ Божиимъ. Нельзя тутъ искать ни строгой логики, ни порядочнаго соображенія. Потребность Иисуса въ приобрѣтеніи вліянія на толпу и пламенная восторженность его учениковъ много содѣйствовали скороспѣшному сліянію, въ одно цѣлое, разнородныхъ свѣдѣній и положеній, иногда противорѣчащихъ между собою. Для мессіанистовъ школы тысячелѣтняго царствія, для ревностныхъ читателей книгъ Даниила и Еноха, онъ былъ Сыномъ Человѣческимъ; для евреевъ, принадлежавшихъ къ вѣрѣ большинства, начитанныхъ въ пророчествахъ Исаи и Михея, онъ былъ Сыномъ Давидовымъ; для новообращенныхъ онъ былъ Сыномъ Божиимъ, или просто Сыномъ. Наконецъ, иные, безъ малѣйшаго опроверженія со стороны учениковъ, принимали его даже за воскресшаго съ неба Іоанна Крестителя, Ілію или Іеремію, согласно господствовавшему тогда ожиданію пробужденія древнихъ пророковъ для проложенія путей Мессіи.

Посланникъ Божій, по мнѣнію современниковъ Иисуса, могъ доказать свое призваніе только двумя способами: чудесами и исполненіемъ пророчествъ. Иисусъ, и въ особенности его ученики, употребляли оба способа какъ нельзя чистосердечнѣе. Съ давней поры Иисусъ былъ исполненъ убѣжденія, что

пророки писали, не имѣя въ виду никого другаго, кромѣ его. Въ ихъ священныхъ прорицаніяхъ онъ узнавалъ себя, и принималъ себя за зеркало, въ которомъ весь пророческій геній Израиля читалъ будущее. Христіанская школа, можетъ быть еще при жизни своего основателя, старалась доказать, что Іисусъ вполне соотвѣтствуетъ всѣмъ предсказаніямъ пророковъ о Мессіи. Во многихъ случаяхъ эти сближенія были весьма поверхностны, и для насъ нынѣ почти невысказаны. Случайныя и самыя незначительныя, по большей части, обстоятельства жизни учителя напоминали имъ о нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ псалмовъ и пророковъ, — мѣстахъ, отражавшихъ передъ ними его образъ потому, что къ нему постоянно обращены были всѣ ихъ мысли. Экзегетика того времени состояла почти исключительно въ игрѣ словъ и въ искусственномъ и произвольномъ подборіи цитатовъ. Официально утвержденнаго перечня пророчествъ, до будущаго царствія относившихся, синагога не имѣла. Мессіянскія примѣненія предоставлялись произволу каждаго, и состояли болѣе въ щегольствѣ слога, нежели въ серьезномъ обсужденіи.

Что касается до чудесъ, то ихъ считали въ эту эпоху необходимою примѣтой боговдохновенія и общимъ признакомъ всѣхъ пророческихъ призва-

ній. Въ сказаніяхъ объ Іліѣ и Елисеѣ встрѣчалось множество чудесъ. Ихъ ожидали отъ Мессіи Сездну. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Іисуса, въ Самаріи, какой-то волхвъ, по имени Симонъ, такъ славился своими чарами, что его чтили почти какъ бога. Въ послѣдствіи времени, когда хотѣли утвердить вѣру въ Аполлонія Тіанскаго и доказать, что жизнь его была лишь Божиимъ странствіемъ по землѣ, то не нашли другаго способа къ тому, какъ составленіемъ ему также обширнаго круга чудесъ. Самимъ философамъ александрійскимъ, какъ напримѣръ Плотину и другимъ, приписывался въ нѣкоторой степени даръ чародѣйства. Іисусу, слѣдовательно, не предстояло другаго выбора, какъ оставить свое призваніе или же записаться въ чудотворцы. Не забудемъ, что возможность нарушенія естественнаго порядка вещей, чрезъ произвольное вмѣшательство въ него высшихъ силъ, допускалась всѣмъ древнимъ міромъ, за исключеніемъ однихъ только научныхъ школъ Греціи, съ ихъ римскими адептами; что самъ Іисусъ не только вѣрилъ въ чудеса, но не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о строгой нормальности естественнаго порядка вещей. Свѣдуцностію въ этомъ предметѣ онъ нимало не превосходилъ своихъ современниковъ. Скажемъ болѣе: одно изъ самыхъ коренныхъ его

убѣжденій состояло въ томъ, что человѣкъ вѣрою и молитвою можетъ изъ природы сдѣлать все. Даръ чудотворства считался нѣкоторой льготою, по временамъ предоставляемою отъ Бога человѣку; и ничего особенно изумительнаго въ немъ не видѣли. Безъ сомнѣнія народная молва, какъ прежде, такъ и послѣ смерти Иисуса, до крайности преувеличила число фактовъ этого рода.

Почти всѣ чудеса, совершенныя Иисусомъ сознательно, ограничиваются повидимому лишь исцѣленіями больныхъ. Медицина въ эту эпоху была въ Іудеѣ въ томъ же состояніи, въ какомъ остается еще и по сіе время на востокѣ, то-есть безъ всякаго научнаго значенія, и предоставлялась исключительно личному вдохновенію. Медицинская наука, за пять вѣковъ предъ тѣмъ порожденная Греціею, была невѣдома палестинскимъ евреямъ во времена Иисуса. При такомъ недостаткѣ положительныхъ знаній, личное присутствіе человѣка съ необыкновеннымъ даромъ духовнаго вліянія, и представляющагося паціенту какъ бы органомъ высшей власти, его кроткое и утѣшительное слово къ больному, какой нибудь осязательный знакъ увѣренности въ его выздоровленіи, — часто рѣшаютъ весь исходъ болѣзни. Кто не знаетъ, что во многихъ случаяхъ, не принимая въ расчетъ, конечно,

радикальныхъ поврежденій, одинъ лишь знакъ, одно прикосновеніе избранной особы оказывается дѣйствительнѣе всякаго врачеванія? Одно уже удовольствіе видѣть ее — живить силы. Особа эта даетъ, что можетъ: улыбку друга, одобрительное слово, — и не безъ пользы.

Иисусъ не болѣе своихъ соотечественниковъ имѣлъ понятія о рациональной медицинѣ, какъ наукѣ; онъ вѣрилъ, какъ и всѣ, что процессъ лѣченія долженъ совершаться силою религіозныхъ отправленій, и эта вѣра была совершенно сообразна съ его основною точкою зрѣнія. Если считать болѣзнь наказаніемъ Божиимъ за грѣхи или бѣсовскимъ навожденіемъ, а не результатомъ причинъ физическихъ, то кто же можетъ быть лучшимъ врачомъ, какъ не святой мужъ, имѣющій силу въ области сверхъ-естественнаго? Лѣченіе становится тогда дѣломъ нравственнымъ; Иисусъ же чувствовалъ свою нравственную силу, и потому безъ сомнѣнія считалъ себя необыкновенно способнымъ къ лѣченію. При его увѣренности, что одно прикосновеніе къ его одеждѣ, возложеніе его руки и пр. — несказанно полезны для больныхъ, было бы съ его стороны весьма жестоко отказывать страдальцамъ въ этомъ облегченіи, которое всегда зависѣло отъ него. Исцѣленіе больныхъ считалось знаменіемъ царствія

Божія, и всегда въ совокупности съ благовѣствованіемъ наслѣдія нищимъ. Это были два лозунга великой революціи, готовившей освобожденіе отъ всякаго рода немощей.

Родъ врачеванія, въ которомъ чаще всего упражняется Іисусъ, есть заговариваніе одержимыхъ злымъ духомъ или изгнаніе бѣсовъ. Вѣра въ демоновъ была тогда въ большой силѣ. Господствовало убѣжденіе не только въ Іудеѣ, но и во всемъ тогдашнемъ мірѣ, что бѣсы иногда забираются въ тѣло человѣка и бунтуютъ въ немъ наперекоръ его волѣ, по своему произволу. *Дивъ Персіи*, не разъ упоминаемый въ Авестѣ, *Aeschma-daeva*, „демонъ плотскаго вожделенія“, переименованный евреями въ *Асмодея*, считался виновникомъ всѣхъ истерическихъ потрясеній у женщинъ. Падучая болѣзнь, душевные и нервные недуги, въ которыхъ пациентъ, повидимому, не владѣетъ собою, наконецъ всякія немощи, причина которыхъ не видна снаружи, какъ на примѣръ глухота, нѣмота, объяснялись такимъ же образомъ. Превосходный трактатъ Гиппократова „о священной болѣзни“, положившій, за четыре съ половиною вѣка до Іисуса, истинныя начала медицины душевныхъ немощей, не успѣлъ вытѣснить изъ общества подобныхъ заблужденій. Предполагали, что есть къ изгнанію

бѣсовъ свои болѣе или менѣе вѣрныя споровки; и званіе заклинателя считалось столь же обыкновеннымъ, какъ и званіе врача. Безъ сомнѣнія, Иисусъ, еще при жизни, слылъ отмѣнно тонкимъ знатокомъ этого искусства, проникшимъ въ его сокровеннѣйшія таинства. Страдающихъ умопомѣшательствомъ было тогда въ Іудеѣ очень много, вѣроятно въ слѣдствіе необыкновенно сильной экзальтациі въ обществѣ. Эти помѣшанные, которымъ, предоставлялось блуждать по волѣ, — какъ это продолжается въ томъ краю и по сіе время, — проживали часто въ пустыхъ пещерахъ могильныхъ памятниковъ, обыкновенномъ пріютѣ бродягъ. Иисусъ имѣлъ на этихъ несчастныхъ чрезвычайно сильное вліяніе. О его врачеваніяхъ рассказывали множество преудивительныхъ исторій, въ которыхъ тогдашнее легковѣріе давало себѣ полную волю. Однакожъ не надобно преувеличивать предстоявшей ему трудности въ этомъ дѣлѣ. Иногда самыя незначительныя душевныя разстройства назывались бѣснованіемъ. Въ наше время, въ Сиріи называютъ помѣшаннымъ или бѣснующимся (оба понятія тамъ выражаются однимъ терминомъ, *medjnoun*) человѣка, просто отличающагося какою нибудь эксцентричностью. Одно кроткое слово въ подобныхъ случаяхъ иногда достаточно для изгнанія

демона. Таковыя средства, безъ сомнѣнія, употреблялъ и Иисусъ.

Простосердечіе и энтузіазмъ довершали впечатлѣніе. Язычники и люди, мало знакомые съ его ученіемъ, приходили въ страхъ и старались выпроводить его изъ своего края. Многіе, можетъ быть, готовы были употребить его имя для мятежныхъ волненій. Но чисто нравственное, отнюдь не политическое, направленіе характера Іисуса спасло его отъ подобныхъ увлеченій. Его царство сосредоточивалось въ кругу дѣтей, которыхъ къ нему влекла и съ нимъ сближала та же свѣжесть чувства, то же предвкушеніе неба.

ГЛАВА XV.

Окончательная форма идеи Иисуса о царствіи Божіемъ.

Мы полагаемъ, что этотъ послѣдній фазисъ дѣятельности Иисуса продолжался около полутора года, съ той поры какъ онъ возвратился изъ Иерусалима, съ праздника Пасхи въ 31 году, до путешествія его туда на праздникъ Кущей, въ 32 году. Въ этотъ промежутокъ времени мысль его, повидимому, не обогатилась никакимъ новымъ элементомъ; но все, что въ ней дотолѣ было воспринято, росло и выражалось день ото дня сильнѣе и рѣшительнѣе.

Основная идея Иисуса, съ самаго уже начала, состояла въ водвореніи царствія Божія. Но это царствіе, какъ мы уже сказали, онъ разумѣлъ весьма различно. Иногда можно подумать, что это

— демократическій вождь, домогающійся лишь царства нищихъ и отчужденныхъ. По временамъ, царствіе Божіе для него значитъ — буквальное осуществленіе видѣній Даниіла и Еноха. Наконецъ, часто онъ называетъ царствіемъ Божіимъ царство душъ, а будущимъ освобожденіемъ освобожденіе духовное. Въ послѣднемъ смыслѣ, задуманный Иисусомъ переворотъ есть именно тотъ самый, который потомъ сбылся на дѣлѣ чрезъ водвореніе новаго богослуженія, болѣе чистаго, нежели богослуженіе Моисея. Всѣ эти мысли, кажется, рядомъ обращались въ сознаниіи Иисуса. Во всякомъ случаѣ, на первой изъ нихъ, о переворотѣ мірскомъ, онъ повидимому не останавливался долго. Ни дѣлъ, ни благъ земныхъ, ни матеріальной власти никогда не считалъ Иисусъ предметами, стоящими занятія. Внѣшняго честолюбія онъ не имѣлъ вовсе. Порою — весьма естественно — его огромное религіозное вліяніе начинало клониться къ переходу въ соціальныи авторитетъ. Являлись къ нему люди съ просьбою о посредничествѣ и судѣ по дѣламъ имущества. Иисусъ отвергалъ съ достоинствомъ всѣ подобныя знаки вниманія, принимая ихъ почти за оскорбленіе. Преисполненный своего небеснаго идеала, онъ никогда не разставался съ своей безпечной нищетою. Что касается до остальныхъ

двухъ возрѣній на царствіе Божіе, то Иисусъ держался повидимому ихъ обоихъ вмѣстѣ. Еслибъ онъ былъ энтузіастъ, вскруженный апокалипсисами, поглощавшими въ ту эпоху народное изображеніе, то онъ остался бы темнымъ сектаторомъ и стоялъ бы ниже тѣхъ, чьимъ идеямъ слѣдовалъ. Еслибъ онъ былъ какимъ нибудь рационалистомъ-пуританиномъ, въ родѣ Ченнинга, то безъ всякаго сомнѣнія не имѣлъ бы ни малѣйшаго успѣха. Обѣ части его системы, или лучше сказать оба возрѣнія его на царствіе Божіе, соединялись въ одинъ узелъ, взаимно служили опорой другъ другу; и этому-то тѣсному ихъ совокупленію онъ обязанъ своимъ несравненнымъ успѣхомъ. Первые христіане были мечтатели, вращались въ кругу идей, которыя по нашему понятію — бредъ; но между тѣмъ это были герои соціальной борьбы, отстаивавшей свободу совѣсти, и водворившей религію, изъ которой все свѣтлѣе и свѣтлѣе восходитъ надъ горизонтомъ человѣчества идея истиннаго богослуженія, возвѣщеннаго основателемъ.

Апокалиптическія идеи, въ самой полнѣйшей ихъ формѣ, можно свести въ слѣдующій конспектъ.

Настоящій порядокъ человѣческихъ дѣлъ приближается къ концу. Конецъ его нагрянетъ вне-

запно, разразится ужаснымъ безпримѣрнымъ, томительнымъ, какъ боли родовыя, переворотомъ, *παλιγγενεσίῃ*, *παλιγγενεσία* или „перерожденіемъ“ (по выраженію самаго Іисуса), которому предположится великая скорбь, въ спровожденіи необычайныхъ явленій. Среди бѣлаго дня вдругъ померкнетъ солнце; ни звѣзды, ни луна не дадутъ свѣта; сквозь густую мглу просіяетъ на небѣ знаменіе Сына Человѣческаго, съ громомъ и молніею, какъ нѣкогда явленіе Іеговы на вершинѣ Синая. Въ облакахъ лучезарнаго свѣта явится Мессія, при звукѣ трубномъ, облеченный славою и несказаннымъ величіемъ, среди сонма ангеловъ. Его ученики будутъ сидѣть рядомъ съ нимъ на престолахъ. Усопшіе возстанутъ изъ гробовъ, и страшный судъ начнется.

На этомъ судѣ люди раздѣляются на два разряда. Исполнителями приговора будутъ ангелы. Избранные войдутъ въ прелестную обитель, уготованную для нихъ отъ начала вѣка. Тамъ они возсядутъ, облеченные свѣтомъ, за трапезу Авраамову, съ патріархами и пророками. Такихъ избранныхъ будетъ немного. — Всѣ остальные пойдутъ въ *Геенну*. Геенной называлась долина, разстилающаяся на Западъ отъ Іерусалима. Въ различныя эпохи отдаленнѣйшихъ временъ тамъ

отправлялось служеніе огню, а потомъ это мѣсто было заброшено и тамъ образовалось нѣчто въ родѣ грязнаго стока, вмѣстилища всякихъ нечистотъ. И такъ, Геенна въ представленіи Іисуса — мрачная, омерзительная, пылающая долина. Туда поступятъ отверженные царствія: тамъ они будутъ брошены въ огонь, въ сообществѣ діавола и мятежныхъ ангеловъ. Тамъ будетъ плачь и скрежетъ зубовъ. Царствіе Божіе будетъ какъ бы лучезарнымъ чертогомъ, заключеннымъ со всѣхъ сторонъ островомъ свѣта и ликованій, посреди безпредѣльнаго океана кромѣшной тьмы и томительнѣйшихъ мученій.

Этотъ новый порядокъ вещей будетъ продолжаться вѣчно. Ни рай, ни геенна никогда не прейдутъ. Между ними будетъ зиять непроницаемая пропасть. Сынъ Человѣческій, воссѣдая по правую руку Бога, будетъ главнымъ распорядителемъ въ этомъ окончательномъ состояніи міра и человѣчества.

Что все это принималось учениками, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и самимъ учителемъ, въ буквальномъ смыслѣ, — какъ нельзя яснѣе выражается въ писаніяхъ того времени. Если первое христіанское поколѣніе исполнено глубокой, неослабной вѣры, то это потому, что міръ, по его мнѣнію,

кончается, что великое „откровеніе“ Христа должно наступить въ скоромъ времени. Встрѣчающійся на первыхъ строкахъ Апокалипсиса, и въ заключеніи, знаменательный возгласъ: „близко время есть!“ — безпрестанно повторяющійся кликъ: „имѣющій уши слышати да слышитъ!“, — все это гласъ упованія, сборный сигналъ всего апостольскаго вѣка. Сирійское изреченіе *Maḡan atha*, „грядетъ нашъ Господь“, становится какъ бы условнымъ знакомъ между вѣрующими для взаимнаго подкрѣпленія другъ друга въ вѣрѣ и упованіяхъ. Апокалипсисъ, писанный въ 68 году нашей эры, даетъ на ихъ осуществленіе три съ половиною года сроку. „Книга Воснесенія Исаіи“ также принимаетъ расчетъ весьма близкій къ этому.

Иисусъ никогда не простираетъ своихъ предсказаній до такой точности. На вопросъ о днѣ пришествія своего, онъ никогда не давалъ определеннаго отвѣта: однажды онъ даже объявляетъ рѣшительно, что дня и часа того, никто не знаетъ, кромѣ Отца, не открывшаго этой тайны ни ангеламъ, ни сыну. Онъ говорилъ, что именно тогда-то онъ и не придетъ, когда его ждуть съ нетерпѣніемъ. Онъ безпрестанно повторялъ, что это явленіе постигнетъ всѣхъ нечаянно, въ распахъ, какъ нѣкогда всемірный потопъ или разрушеніе

Содома и Гоморры, — что надобно всегда держать себя на стражѣ, какъ бы готовясь въ путь, — что каждый долженъ бодрствовать съ препоясанными чреслами и зажженнымъ свѣтильникомъ, какъ вѣрный рабъ, не вѣдающій часа возвращенія своего господина со свадьбы, — что Сынъ Человѣческой навърнется невзначай, какъ воръ ночной, въ такой моментъ, когда о томъ и не помышляютъ, — что онъ нагрянетъ съ быстротою молніи, „отъ поднебесныя до поднебесныя свѣтящей“. Что касается до близости этой катастрофы, то предвѣщанія его совершенно ясны и не допускаютъ никакой двусмысленности толкованія. „Истинно говорю вамъ, прежде нежели преидетъ родъ сей, все это совершится, и нѣкоторые изъ стоящихъ здѣсь не вкусятъ смерти покаместъ не увидятъ Сына Человѣческаго, грядущаго во царствіи своемъ“. Невѣрующимъ онъ замѣчаетъ ихъ неумѣніе читать знаменій наступающаго царствія. „Когда предъ вами рдетъ небосклонъ вечерній, — говорилъ онъ, — то вы предвидите хорошую погоду; когда багровѣетъ предъ вами заря утренняя, то вы ожидаете грозы. Какъ же вы, разсуждающіе о лицѣ неба, не узнаете признаковъ времени“? Раздѣляя заблужденіе, общее великимъ реформаторамъ, Іисусъ

представлялъ себѣ свою цѣль слишкомъ близко, онъ упустилъ изъ виду медленность движеній человѣческаго рода, и думалъ осуществить въ одинъ день то, чему и тысячу восемь сотъ лѣтъ спустя не суждено было осуществиться.

Это пророчество, столь положительное, не выходило у первыхъ христіанъ изъ мысли, почти цѣлые семьдесятъ лѣтъ. Для осуществленія его предполагалось, что нѣкоторые изъ учениковъ Иисуса дѣйствительно не умрутъ, покамѣстъ не увидятъ великаго окончательнаго откровенія. Такимъ, въ особенности, считали Іоанна. Иные думали, что онъ даже не умретъ вовсе. Быть можетъ, это было позднѣйшее мнѣніе, образовавшееся въ концѣ перваго вѣка, при видѣ весьма преклонныхъ лѣтъ, которыхъ — надо полагать — достигъ тогда Іоаннъ; таковая долговѣчность вѣроятно заставляла думать, что Богу угодно было оставить ему жизнь до великаго дня преставленія свѣта, дабы осуществилось слово Иисуса. Какъ бы то ни было, но когда и онъ умеръ, то поколебалась вѣра многихъ; а ученики стали объяснять предсказаніе Иисуса уже въ другомъ, не столь строгомъ смыслѣ.

Вполнѣ преданный апокалиптическимъ вѣрова-

ніямъ въ томъ видѣ, въ какомъ они преподаны въ еврейскихъ апокрифахъ, Іисусъ допускалъ и догматъ, составлявшій дополненіе, или лучше сказать условіе ихъ, именно воскресеніе мертвыхъ. Это ученіе, какъ мы уже сказали, было въ Израильскомъ народѣ довольно ново; очень многіе его вовсе не знали, или же не вѣрили въ него. Предметомъ вѣры оно было для Фарисеевъ и для усерднѣйшихъ ревнителей Мессіанизма. Іисусъ принялъ его безусловно, но все же въ смыслѣ самомъ идеалистическомъ. Многіе воображали, что воскресшіе будутъ пить, ѣсть и жениться. Іисусъ хотя и допускалъ въ своемъ царствіи новую пасху, новую трапезу и новое вино, но браки онъ исключаетъ изъ него положительно. Саддукеи имѣли свой доводъ по этому предмету, грубоватый на видъ, но въ сущности довольно согласный со старымъ богословіемъ. Припомнимъ, что по ученію мудрецовъ древности, человѣкъ переживаетъ себя лишь въ дѣтяхъ. Законъ Моисея освятилъ эту патріархальную теорію довольно оригинальнымъ учрежденіемъ, именно Левитствомъ. Изъ этого учрежденія Саддукеи хитро вывели нѣкоторыя послѣдствія противъ воскресенія мертвыхъ. Іисусъ отъ нихъ отдѣлался, объявивъ положительно,

что въ вѣчной жизни не будетъ различій пола, и что люди уподобятся ангеламъ. По временамъ, кажется, будто онъ обѣщаетъ воскресеніе однимъ только праведникамъ, подразумѣвая наказаніе нечестивыхъ въ ихъ полной смерти и обращеніи въ ничтожество. Но еще чаще Иисусъ простираетъ воскресеніе и на злыхъ, для вѣчнаго ихъ посрамленія.

Ничего, какъ видимъ, совершенно новаго въ этихъ теоріяхъ не было. Евангелія и писанія апостольскія не содержатъ другигъ ученій, кромѣ заключающихся уже въ „Книгѣ Даніила“, „Книгѣ Епоха“ и „Сибиллинскихъ Прорицаніяхъ“ еврейскаго происхожденія. Иисусъ принялъ всё эти идеи, вообще бывшія въ ходу между его современниками. Онъ обратилъ ихъ въ опоры своего дѣйствія, или лучше сказать въ одну изъ своихъ опоръ, ибо онъ слишкомъ глубоко чувствовалъ истину своего дѣла, чтобъ строить его исключительно на столь зыбкомъ фундаментѣ, готовомъ разлетѣться въ прахъ отъ удара фактовъ.

Ясно, что такому ученію, въ буквальной его смыслѣ, не предстояло собственно никакой будущности. Міръ, продолжая наперекоръ ему свое существованіе, совсѣмъ ниспровергалъ его. Крайнимъ терминомъ его долговѣчности можно было

допустить предѣлъ одного человѣческаго вѣка. Вѣра перваго христіанскаго поколѣнія еще объяснима; но вѣра втораго уже становится необъяснимою. Со смертію Іоанна, или кого бы то ни было, кто долѣе всѣхъ жилъ изъ видѣвшей учителя толпы, пророчество оказывалось ложнымъ. Еслибъ вся религія Іисуса ограничивалась вѣрою въ близкій конецъ міра, то безъ сомнѣнія она уже давно опочила бы въ забвеніи. Что же спасло ее? Ничто иное, какъ необыкновенная ширина евангельскихъ воззрѣній, допускающая соединеніе, подъ одинъ символъ, ученій, примѣнимыхъ къ самымъ различнымъ состояніямъ умственнаго развитія. Свѣтъ не кончался, какъ провозглашалъ Іисусъ, и какъ вѣрили его ученики. Но онъ обновился, и обновился въ такомъ смыслѣ, въ какомъ хотѣлъ Іисусъ. Двусторонность его мысли была причиною ея плодотворности. Его химера не подпала участи другихъ подобныхъ порожденій человѣческаго мозга, потому что носила въ себѣ зародышъ жизни, который, благодаря сказочной оболочкѣ, пробился въ самыя нѣдра человѣчества и тамъ принесъ бессмертные плоды.

Да не скажутъ намъ, что это — пристрастное толкованіе, нарочно выдуманное для того, чтобы омыть честь великаго нашего учителя, мечты кото-

раго потерпѣли столь жестокое пораженіе отъ дѣйствительности. Отнюдь нѣтъ. Это подлинное царствіе Божіе, это господство духа, равняющее каждаго нищаго съ царемъ, посвящающее каждаго мірянина въ служители Божіи, — это царство, которое изъ малаго, какъ горчичное зерно, зародыша выросло деревомъ, осѣняющимъ міръ, и даетъ на своихъ вѣтвяхъ пріютъ небеснымъ птицамъ, — Іисусъ его постигъ, его пожелалъ, его устроилъ. Рядомъ съ ложной, холодной и несбыточной идеей будущаго параднаго пришествія, онъ провидѣлъ также истинный градъ Божій, истинную „палингенезію“, — чему живымъ свидѣтельствомъ служатъ его проповѣдь на горѣ, его апотеоза слабыхъ и беззащитныхъ, его преданность народу, его уваженіе къ бѣдному и возстановленіе всего смиреннаго, истиннаго, простодушнаго. Особенно въ этомъ возстановленіи онъ явился несравненнымъ артистомъ, отмѣтивъ свое дѣло никогда неизгладимыми чертами. Ему обязанъ каждый изъ насъ тѣмъ, что имѣетъ въ себѣ лучшаго. Простимъ же ему его самообольщеніе апокалиптическимъ бредомъ и надежду триумфальнаго нашествія на міръ въ небесныхъ облакахъ. Быть можетъ, вина этого заблужденія болѣе принадлежитъ другимъ, нежели ему; а если даже и правда, что онъ раздѣлялъ его

самъ съ другими, то что же въ томъ за важность, такъ какъ эта мечта укрѣпила его противъ смерти и поддержала его въ борьбѣ, которой безъ того онъ, можетъ быть, не перенесъ бы?

Итакъ, мы должны допустить, что смыслъ провидѣннаго Иисусомъ града Божія многостороненъ. Еслибъ вся его мысль состояла въ возвѣщеніи близкаго конца временъ и приуготовленіи къ нему общества, то онъ не превзошелъ бы Іоанна Крестителя. Отреченіе отъ міра, постепенное освобожденіе себя отъ этой временной жизни и стремленіе къ будущему царствію было бы послѣднимъ словомъ его проповѣди. Ученіе Іисуса мѣтило всегда несравненно далѣе. Онъ имѣлъ въ виду не только возвѣстити кончину стараго, но и создать новое состояніе человѣчества. Не въ духѣ Іліи, не въ духѣ Іереміи было бы такъ проповѣдывать, какъ проповѣдывалъ Іисусъ, когда они и дѣйствительно явились бы для приуготовленія человѣчества къ великимъ переворотамъ. Это до такой степени вѣрно, что правоученіе его — эта мнимая мораль послѣдняго дня — оказалась между тѣмъ моралью вѣчной, моралью, спасшей человѣчество. Самъ Іисусъ, во многихъ случаяхъ, употребляетъ выраженія, ни мало не принадлежащія къ теоріи апокалипсисовъ. Часто онъ объявляетъ, что царствіе

Божіе уже началось, что всякій носитъ его въ себѣ, и можетъ — если того достоинъ — имъ наслаждаться, что это царствіе создаетъ себѣ каждый, въ тишинѣ, лишь чрезъ истинное обращеніе сердца. Въ такомъ случаѣ оно означаетъ ничто иное, какъ успѣхъ добра, какъ лучшій, противъ настоящаго, порядокъ вещей, какъ царство правды, водворенію котораго каждый вѣрующій долженъ содѣйствовать по мѣрѣ своихъ силъ, или же какъ свобода души, какъ нѣчто близкое къ тому, что буддисты называютъ „освобожденіемъ“, плодомъ самоотрѣшенія. Эти истины, для насъ чисто отвлеченныя, были для Иисуса живой дѣйствительностію. Всякое представленіе въ его умѣ становится конкретнымъ, осязательнымъ. Иисусъ былъ человѣкъ, пламеннѣе всѣхъ вѣрившій въ дѣйствительность своего идеала.

Принимая утопіи своего племени и своей расы, онъ умѣлъ обратить ихъ въ высокія истины, съ помощію плодотворныхъ недоразумѣній. Его царствіе Божіе, конечно, было апокалипсисомъ, готовымъ разыгратъ въ небесахъ. Но оно было также — и безъ сомнѣнія оно было преимущественно — царствомъ души, основаннымъ на чело-вѣческой свободѣ, и на томъ сыновнемъ чувствѣ, которое ощущаетъ на лонѣ Отца добродѣтельный

человѣкъ. Оно знаменовало чистую религію, безъ обрядовъ, безъ храма, безъ жреца; оно знаменовало нравственный судъ міра, предоставляемый внутреннему сознанию чистыхъ, праведныхъ душъ и народной рукѣ. Вотъ гдѣ билъ, и бьетъ еще доселѣ, неизсякаемый ключъ жизни. Когда, по истеченіи цѣлаго вѣка напрасныхъ ожиданій, исчерпалась вещественная надежда наступающаго конца міру, тогда начинается истинное царствіе Божіе. Уклончивыя объясненія спѣшатъ бросить завѣсу на образы, прямаго осуществленія которыхъ на дѣлѣ не оказывается. Апокалипсисъ Іоанна, первая каноническая книга Новаго Завѣта, какъ слишкомъ пропитанная ожиданіемъ безотлагательнаго преставленія свѣта, отодвинута на задній планъ, объявлена непонятною, перетолкована на тысячу ладовъ и, наконецъ, почти отвергнута. По крайней мѣрѣ уже отсрочено осуществленіе ея въ неопредѣленную будущность. Нѣсколько запоздалыхъ бѣдняковъ, которые среди бѣлаго дня рациональной эпохи продолжаютъ еще питать себя надеждою первыхъ учениковъ Христа, провозглашены еретиками (какъ на примѣръ Ебіониты, Милленаріи) и оставлены безъ вниманія въ послѣднихъ рядахъ христіанскаго міра. Человѣчество перешло

къ иному царствію Божію! Заключавшаяся въ мысли Іисуса часть истины преодолѣла помрачавшую ее химеру.

Но не будемъ же несправедливы и къ этой химерѣ: не будемъ презирать ее безусловно. Она служила грубой оболочкою тому священному ядру, которымъ мы живемъ. Это фантастическое царство неба, это вѣчное помышленіе о Божіемъ градѣ, безпрестанно занимавшее христіанскій міръ на длинномъ пути его поприща, служили основнымъ началомъ того великаго провидѣнія будущности, которое одушевляло всѣхъ реформаторовъ, — упорныхъ послѣдователей Апокалипсиса, — отъ Іоахима-де-Флора до нашихъ дней. Это настойчивое, хотя и безуспѣшное, домогательство совершеннаго общества было источникомъ необыкновеннаго напряженія силъ и всегда держало истиннаго христіанина богатыремъ въ борьбѣ съ настоящимъ. Итакъ, идея царствія Божія, съ ея полнѣйшимъ символомъ въ Апокалипсисѣ, есть нѣкоторымъ образомъ самое высокое, самое поэтическое выраженіе человѣческаго прогресса. Вися всегдашнею грозою надъ человѣчествомъ, кончина міра порою обдавала страхомъ цѣлые вѣка, и передъ нею цѣпелло всякое свѣтское развитіе. Отъ безпрестан-

наго трепета за каждый часъ дальнѣйшаго существованія, общество отпечатлѣлось какой-то трусостію и малодушными привычками запуганной уничиженности, которыя столь глубоко роняютъ средневѣковый періодъ, въ сравненіи съ образованной древностію и новѣйшими временами. Значительная перемѣна произошла, впрочемъ, въ образѣ воззрѣнія на пришествіе Христа. Когда впервые возвѣстили человѣчеству, что приближается конецъ его планеты, то какъ дитя, встрѣчающее смерть улыбкою, оно приняло эту новость съ несказаннымъ восхищеніемъ. Но становясь старѣе, свѣтъ болѣе прилѣплялся къ жизни. Столь вожделенный нѣкогда для свѣтлыхъ галилейскихъ душъ день благодати Божіей представляется воображенію этихъ желѣзныхъ вѣковъ страшилищнымъ днемъ гнѣва: *Dies irae, dies illa!* Но даже въ самыхъ нѣдрахъ вандализма идея царствія Божія не осталась безплодною. Не смотря на зараженіе церкви феодальностію, были секты, были религіозные ордена, были святыя личности, которыя продолжали во имя евангелія ратовать противъ неправды вѣка. Даже въ наше смутное время, когда у Иисуса нѣтъ послѣдователей вѣрище тѣхъ, которые повидимому оставляютъ его, — даже въ наше время дѣятельныя

мечты объ идеальныхъ реформахъ въ обществѣ, представляющія столь много сходства съ порывами первыхъ христіанскихъ сектъ, суть собственно ничто иное, какъ распускающійся цвѣтъ той же самой идеи, одинъ изъ побѣговъ того исолинскаго дерева, въ которомъ шевелится зародышъ всякаго помышленія о будущемъ, — того дерева, которому Божіе царствіе всегда останется стволомъ и корнемъ. Всѣ соціальныя революціи человѣчества примкнуть къ этому стволу. Но увлекаясь грубымъ матеріализмомъ и домогаясь неосуществимаго, т. е. построенія всеобщаго благополучія на мѣрахъ чисто административныхъ и экономическихъ, попытки современныхъ намъ социалистовъ останутся безплодными, покамѣстъ они не возьмутъ себѣ въ руководители подлинный духъ Іисуса, или — иначе сказать — чистый идеализмъ, покамѣстъ они не поймутъ того принципа, что для обладанія землею надобно прежде всего отъ нея отказаться.

Слово „царствіе Божіе“ есть, съ другой стороны, весьма счастливое выраженіе ощущаемой человѣческою душою потребности въ пополненіи своей судьбы, въ уравновѣщеніи золь дѣйствительной жизни. Многіе находятъ немислимымъ представленіе человѣка смѣсію двухъ сущностей, а де-

истическій догматъ безсмертія души — въ противорѣчій съ физиологіей. Такія личности порою находятъ утѣшеніе въ успокоительной надеждѣ, что можетъ наконецъ послѣдовать, съ теченіемъ временъ, реакція подъ какою бы то ни было формою, реакція, имѣющая удовлетворить требованіямъ человѣческаго сердца. Кто знаетъ? Можетъ быть, когда нибудь человѣческій родъ, на самой высшей ступени своего прогресса, черезъ миліоны вѣковъ, достигнетъ абсолютнаго пониманія вселенной, и въ этомъ пониманіи откроетъ путь возвращенія вновь къ жизни того, что разъ вкусило жизнь? Миліоны лѣтъ въ усыпленіи проходятъ также, какъ и сонъ минутный — „*vo мгновеніе ока!*“, здѣсь весьма кстати могъ бы повторить Св. Павелъ. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что для нравственности и добродѣтели въ человѣческомъ родѣ есть свой законъ воздаянія, что со временемъ безукоризненному самосознанію честнаго бѣдняка будетъ принадлежать судъ міра, и что въ тотъ день идеальный образъ личности Іисуса, являсь во всемъ своемъ величіи и славѣ, посрамитъ легкомысліе, невѣрившее въ существованіе добродѣтели, и эгоизмъ, неумѣвшій возвыситься до нея. Итакъ, любимое слово Іисуса блеститъ донинѣ вѣчно юной красотою. Его дивный геній сохранялъ

свой лозунгъ на высотѣ неопредѣленной отвле-
ченности, какъ бы именно для того, чтобъ тѣмъ
полнѣе обнять однимъ разомъ истину, съ различ-
ныхъ ея сторонъ.

ГЛАВА XVI.

Учрежденія Иисуса.

Что Иисусъ никогда не предавался вполне своимъ апокалиптическимъ идеямъ, это явствуетъ изъ того, что даже въ эпоху самаго усиленнаго своего занятія ими, онъ съ рѣдкой вѣрностію взгляда утверждаетъ основы церкви, предназначаемой къ продолжительному существованію. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что онъ самъ выбралъ между своими учениками тѣхъ, которые по преимуществу назывались „апостолами“ или „двѣнадцатью мужа-ми“; ибо тотчасъ по его кончинѣ они образуютъ совѣтъ и озабочены пополненіемъ происшедшаго между ними недочета. Такими избранными были: два сына Иониныхъ, два сына Зеведеевыхъ, Иаковъ сынъ Клеофаса, Филиппъ, Наѳанаилъ-бенъ-Толмаи, Тома, Леви сынъ Алфея (или Матвей), Симонъ

Зелотъ, Фаддей (или Леббей) и Иуда изъ Керіота. Очень можетъ быть, что мысль о двѣнадцати колѣнахъ израильскихъ была нечужда вліянію на опредѣленіе такого именно числа. Во всякомъ случаѣ они составляли группу особо довѣренныхъ учениковъ, между которыми Петръ сохранялъ чисто братское первенство, и на которыхъ Іисусъ возложилъ распространеніе своего дѣла. Ничего въ ней не было походяго на положительную организацію какого нибудь священническаго сословія; дошедшіе до насъ списки этихъ „двѣнадцати“ представляютъ много неясности и противорѣчій, въ нихъ два или три имени остаются для насъ совершенно темными. Нѣкоторые изъ нихъ, по крайней мѣрѣ Петръ и Филиппъ, были женаты и имѣли дѣтей.

Нельзя не замѣтить, что Іисусъ иногда сообщалъ этимъ двѣнадцати нѣкоторыя вещи конфиденціально, съ запрещеніемъ разглашать ихъ. По временамъ кажется, будто онъ намѣренно окружалъ свою особу нѣкоторою таинственностію, откладывая яснѣйшее обнаруженіе истины на послѣ своей смерти и вполне никому не открывался, кромѣ своимъ ученикамъ, которымъ предоставлялъ засвидѣтельствовать впоследствии міру объ учителѣ. „Что нынѣ вамъ во тьмѣ вѣщаю, проповѣдуйте потомъ среди бѣлаго дня; что шепотомъ теперь

вамъ повѣряю, провозгласите потомъ во всеуслышаніе съ кровель!“ — Эта предосторожность избавляла его отъ слишкомъ обстоятельныхъ объясненій передъ толпою, и создавала родъ посредниковъ между народнымъ мнѣніемъ и имъ. Во всякомъ случаѣ видно, что нѣкоторыя его поученія были исключительно обращены къ апостоламъ, что имъ онъ давалъ ближе уразумѣть значеніе многихъ притчей, смыслъ которыхъ оставался между тѣмъ неопредѣленнымъ для народа. Загадочный оборотъ рѣчи и нѣкоторая неожиданность въ сближеніи идей были тогда въ большомъ употребленіи между еврейскими законоучителями, какъ этому могутъ служить примѣромъ изреченія трактата *Pirké-Aboth*. Что было загадочнаго въ рѣчахъ Иисуса, на то онъ давалъ своимъ искреннимъ поясненія, разоблачая передъ ними свое преподаваніе отъ метафорической роскоши, иногда его затемнявшей. Многія изъ такихъ поясненій сохранены — кажется — весьма тщательно.

Апостолы еще при жизни Иисуса начали свои странствія для проповѣди, хотя никогда не уходили отъ него далеко. Ихъ проповѣдь, впрочемъ, ограничивалась возвѣщеніемъ наступающаго царствія Божія. Они ходили изъ селенія въ селе-

ніе, встрѣчая гостепріимство, или — лучше сказать — вступая сами въ права его по обычаю. Гость на востокѣ имѣетъ весьма важное значеніе; онъ въ домѣ значитъ больше хозяина, и сей послѣдній чтитъ его величайшимъ довѣріемъ. Такой способъ назиданія у домашняго очага есть превосходный путь къ распространенію новыхъ ученій. Странникъ, обнаруживая въ нихъ сокровенныя богатства, чрезъ то самое платитъ за получаемое гостепріимство; а при помощи ласковаго обращенія и добрыхъ отношеній, онъ вскорѣ располагаетъ и обращаетъ къ себѣ весь домъ. Отнимите у востока страннопріимство, — и распространеніе христіанства становится необъяснимымъ. Іисусъ, весьма охотно державшійся добрыхъ обычаевъ старины, внушалъ ученикамъ, чтобы они, ни мало не стѣсняясь, обращали въ пользу дѣла выгоды этого древняго общественнаго права, вѣроятно уже выходившаго тогда изъ употребленія въ большихъ городахъ, гдѣ заведены были гостинницы. „Работникъ стоитъ своей платы“ говорилъ онъ. Въ чью бы хату они ни пришли, имъ велѣно было тамъ оставаться, ѣсть и пить предлагаемое, пока не кончатъ своего дѣла.

Іисусъ желалъ, чтобъ по его примѣру эти по-

сланники благовѣстія сопровождали проповѣдь искусствомъ привѣтливаго и милаго обращенія. Онъ имъ велѣлъ: при входѣ въ домъ произносить *саламъ*, т. е. благословеніе, или желаніе мира тому дому. Нѣкоторые изъ учениковъ въ этомъ случаѣ затруднялись, ибо *саламъ* знаменовалъ въ то время (какъ онъ знаменуетъ еще и нынѣ на востокѣ) религиозное сближеніе, на которое не рѣшались съ людьми сомнительной религіи. „Опасаться тутъ нечего, — говорилъ Иисусъ, — вашъ *саламъ*, если никто въ домѣ его не достоинъ, возвратится къ вамъ.“ Иногда дѣйствительно апостолы царствія Божія встрѣчали рѣшительно дурной пріемъ и жаловались Иисусу, который въ такихъ случаяхъ обыкновенно старался ихъ успокоить. Нѣкоторые изъ нихъ, будучи увѣрены въ неограниченномъ могуществѣ учителя, сѣтовали на такое долготерпѣніе. Сыновья Зеведея прямо выражали желаніе, чтобъ онъ низвелъ небесный огонь на города, виновные въ негостепрѣимствѣ. Иисусъ сдерживалъ ихъ запальчивость тонкой ироніей, замѣчая, что „онъ пришелъ въ міръ не губить, а спасать“.

Онъ всячески старался утвердить общимъ правиломъ, что его апостолы суть его представители, что они и онъ одно. Народъ разумѣлъ это въ

томъ смыслѣ, что онъ посвятилъ ихъ въ свое чародѣйское искусство. Преданіе гласитъ, что они изгоняли бѣсовъ, предсказывали будущее и представляли школу отличныхъ заклинателей, хотя впрочемъ нѣкоторые случаи приходились имъ и не по силамъ. Они также исцѣляли недужныхъ, то возложеніемъ рукъ, то черезъ умащеніе елеемъ, — одинъ изъ основныхъ приемовъ восточной медицины. Наконецъ, они, какъ *исиллы*, безнаказанно могли брать въ руки змѣй и безвредно пить смертельные яды. Въ послѣдующія времена, чѣмъ далѣе, тѣмъ эта теургія становится щекотливѣе. Но, безъ всякаго сомнѣнія, она въ первоначальной церкви возбуждала всеобщее благоговѣніе, и даже была преимущественнымъ предметомъ вниманія современниковъ. Шарлатаны, какъ обыкновенно водится, умѣли извлекать свою пользу изъ этой черты народнаго легковѣрія. Еще при жизни Іисуса, многіе, вовсе не принадлежа къ его ученикамъ, стали также изгонять бѣсовъ во имя его. Подлинныя ученики вознегодовали чрезвычайно и хотѣли воспрепятствовать; Іисусъ же, видя въ этомъ нѣкоторую дань своей славѣ, не показалъ въ сужденіи о виновныхъ большой строгости. — Впрочемъ надобно помнить, что заклинательное и врачевательное чародѣйство счи-

талось своего рода ремесломъ. Нѣкоторые, простирая еще далѣе эту логику нелѣпости, изгоняли бѣсовъ именемъ Вельзевула, бѣсовскаго князя. Воображали, что этотъ повелитель преисподнихъ легионовъ долженъ имѣть надъ своими подчиненными всякую власть, и что чрезъ него-то всего вѣрнѣе можно выпугнуть изъ паціента назойливаго духа. Иные даже предлагали деньги, чтобы купить у учениковъ Іисуса перенятый ими отъ учителя секретъ чародѣйской силы.

Въ то время зародышъ церкви начиналъ уже обнаруживаться. Плодотворная мысль о могуществѣ людей въ соединеніи (ecclesia), кажется подлинно мыслию Іисуса по своему характеру. Преисполненный своего чисто-идеалистическаго ученія о томъ, что единомушіе наше съ другимъ человѣкомъ, нашъ тѣсный союзъ съ нимъ любовію, означаетъ въ тоже время пребываніе съ нами его души, — онъ увѣрялъ, что всякій разъ, когда нѣсколько человѣкъ соберутся во имя его, онъ будетъ посреди ихъ. Онъ предоставляетъ церкви право связывать и разрѣшать (т. е. объявлять то или другое позволительнымъ или непозволительнымъ), отпускать грѣхи, предостерегать келейными совѣтами, направлять соборными увѣщаніями, и наконецъ мо-

литься въ твердой увѣренности, что молитва будетъ услышана. Очень можетъ быть, что многія изъ этихъ словъ приписаны учителю позднѣйшей прибавкою, дабы создать основу для соборной власти, которою впоследствии хотѣли замѣнить его авторитетъ. Во всякомъ случаѣ, не прежде, какъ по его смерти, начинаютъ появляться въ разныхъ мѣстахъ отдѣльныя церкви, и первыя ихъ установленія вылились чисто по образцу синагогъ. Многія личности, весьма любившія Иисуса и основывавшія на немъ большія надежды, какъ на примѣръ Иосифъ Аримаѳейскій, Лазарь, Марія Магдалина, Никодемъ, — не вступали, повидимому, ни въ одну изъ этихъ церквей, а только сохраняли въ сердцѣ память его по нѣжнымъ или почтительнымъ чувствамъ, которыя они питали къ нему.

Впрочемъ, нѣтъ въ ученіи Иисуса ни малѣйшаго слѣда морали въ примѣненіи къ отдѣльнымъ случаямъ и обстановкамъ жизни, или скольконибудь опредѣленнаго каноническаго права. Однажды только о супружествѣ онъ высказывается на чисто и запрещаетъ разводъ. Никакой богословской системы, никакого обязательнаго символа, въ немъ не видно. Едва кое-гдѣ пробиваются представленія Отца, Сына, Духа, — изъ которыхъ впо-

слѣдствіи выведуть Св. Троицу и Воплощеніе Бога-Сына, но которые тогда еще оставались въ видѣ неопредѣленныхъ образовъ. Въ послѣднихъ книгахъ еврейскаго канона уже принято понятіе Духа Святаго, какъ нѣчто въ родѣ Божественной вѣстности, иногда впрочемъ смѣшиваемой съ Премудростію и Словомъ. Иисусъ обратилъ на этотъ пунктъ особенное вниманіе и возвѣстилъ ученикамъ новое, несравненно высшее, противъ крещенія Іоанна, крещеніе водою и духомъ — крещеніе, которое его ученики вообразили ожидающимъ ихъ въ послѣдствіи, послѣ смерти Іисуса, въ видѣ бурнаго дыханія и огненныхъ языковъ. Духъ Святой, который такимъ образомъ къ нимъ ниспослется отъ Отца небеснаго, наставитъ ихъ во всякой истинѣ и засвидѣтельствуетъ о тѣхъ, которыя преподаны самимъ Іисусомъ. Для обозначенія этого Духа Іисусъ употреблялъ слово *Περικλιτῆς*, — слово, заимствованное сиро-халдейскимъ языкомъ съ греческаго (*παράκλητος*), — принимая его, по видимому, въ смыслѣ „предстателя, совѣтника“, а иногда также въ смыслѣ „истолкователя небесныхъ истинъ“, „учителя, свыше пазначеннаго къ разоблаченію передъ людьми тайнъ, еще остающихся для нихъ сокровенными“. Въ отношеніи къ своимъ уче-

никакъ онъ считаетъ себя также *пераклитомъ*, а ожидаемый послѣ его смерти Духъ — только замѣнить его. Это было лишь одно изъ примѣненій того умозрительнаго процесса, которому богословіе іудейское и богословіе христіанское должны были потомъ слѣдовать въ теченіи вѣковъ, и которому суждено было впоследствии создать цѣлый рядъ Божественныхъ помощниковъ: *Metathronos*, *Synadelphos* или *Sandalphon*, и всѣ олицетворенія Каббалы. Только въ іудаизмѣ эти созданія остаются лишь частными умозрѣніями и предоставляются на волю каждаго, тогда какъ въ христіанствѣ, начиная съ IV вѣка, они составляютъ самую сущность ортодоксіи и коренную основу общепризнаннаго догмата.

Излишне было бы распространяться о томъ, какъ чужда была Іисусу всякая мысль о религіозной книгѣ, которая заключала бы въ себѣ сводъ уставовъ или статей вѣры. Не только онъ ничего не писалъ, но духу этой возникавшей секты даже противно было производить на свѣтъ новыя священныя книги. Ожидали со дня на день великаго преставленія свѣта; Мессіѣ подобало положить послѣднюю печать на Законъ и пророковъ, а не размножать тексты. А потому, за исключеніемъ лишь

Апокалипсиса, бывшаго въ нѣкоторомъ смыслѣ единственною книгою откровенія въ юномъ христіанствѣ, всѣ прочія писанія апостольскаго вѣка суть порожденія случайныхъ обстоятельствъ, безъ малѣйшаго притязанія на полноту и законченность кокой либо системы догматическаго изложенія; Евангелія имѣли вначалѣ частный характеръ и далеко уступали въ общемъ уваженіи изустному преданію.

Однакожь не было ли у этой секты какого нибудь освятительнаго акта, сакраментальнаго обряда, сборнаго знака? Да, онъ былъ; и всѣ преданія единогласно возводятъ его происхожденіе къ самому Иисусу. Одною изъ любимыхъ поговорокъ учителя была та, что онъ есть новый хлѣбъ, далеко превышающій достоинствомъ манну, — хлѣбъ, которымъ будетъ жить человѣчество. Эта мысль, зародышъ Евхаристіи, принимала иногда въ его устахъ формы, до изумительности конкретныя. Въ особенности разъ, въ синагогѣ Капернаумской, развивая эту мысль, онъ до того увлекся ею, и давъ волю фантазіи вдался въ выраженія столь смѣлыя, что отстранилъ отъ себя чрезъ это многихъ слушателей. „Да, да, говорю вамъ, хлѣбъ истинный вамъ далъ не Моисей; его вамъ мой Отецъ съ небесъ ниспосылаетъ“. И вслѣдъ за тѣмъ присово-

кушляль: „хлѣбъ жизни, это я; грядущій по мнѣ никогда не взалчетъ и вѣрующій въ меня не будетъ жаждать“.

Вѣроятно тогда уже былъ въ употребленіи, при общихъ трапезахъ этой секты, какой нибудь обычай, къ которому имѣла особенное отношеніе столь дурно принятая Капернаумцами рѣчь; но въ апостольскихъ преданіяхъ встрѣчаются по этому предмету большія разногласія и, кажется, намѣренныя недоговорки. Три первыя евангелія предполагаютъ всего только одинъ святодарный актъ, служившій основаніемъ таинственному обряду (Св. Таинству) и относятъ его къ послѣдней вечери. Іоаннъ же, напротивъ того (а онъ-то именно и сохранилъ намъ свѣдѣніе о Капернаумскомъ приключеніи), ни полслова не упоминаетъ о такомъ актѣ, хотя послѣднюю вечерю рассказываетъ весьма подробно. Въ другомъ мѣстѣ находимъ, что Іисуса узнаютъ по преломленію хлѣба, какъ будто въ глазахъ ближайшихъ его друзей это былъ самый характеристическій жестъ изъ всей его личности. Когда же смерть его похитила, то образъ, подъ которымъ онъ преимущественно продолжаетъ жить въ благочестивомъ воспоминаніи своихъ приверженцевъ, есть образъ предсѣдателя таинственной трапезы, съ хлѣбомъ въ рукѣ, благословленіемъ, преломленіемъ

хлѣба и предложеніемъ его присутствующимъ. Можно думать, что онъ такъ дѣлалъ по привычкѣ, и что въ этотъ моментъ онъ былъ особенно ласковъ и настроенъ къ чувствительности. При чемъ малѣйшая вещественная обстановка, какъ напримѣръ то обстоятельство, что на столѣ стояла также рыба (замѣчательный признакъ, и свидѣтельствующій о томъ, что обрядъ получилъ начало на берегахъ Тиверіадскаго озера), — получаетъ сама по себѣ почти священное значеніе и становится неотъемлемою принадлежностію всѣхъ послѣдующихъ изображеній св. вечера.

Трапезы сдѣлались однимъ изъ самыхъ пріятныхъ моментовъ для возникавшей общины. При этомъ случаѣ всѣ встрѣчались; учитель говорилъ съ каждымъ, былъ веселъ и милъ. Иисусъ любилъ этотъ моментъ и съ восхищеніемъ взиралъ на окружающую его духовную семью. Раздѣлить съ кѣмъ либо кусокъ хлѣба, считалось знакомъ нѣкотораго приобщенія къ его образу мыслей и взаимной съ нимъ связи. На этотъ счетъ учитель употреблялъ необыкновенно энергичные термины, которые въ послѣдствіи были приняты въ неограниченно буквальномъ смыслѣ. Иисусъ, въ высшей степени идеальный въ своихъ возрѣніяхъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ до крайности матеріаленъ въ выраженіи. Желая

передать ту мысль, что вѣрующій живетъ только имъ, что онъ весь (тѣломъ, кровію и душою) составляетъ жизнь прямого человѣка Божія, онъ часто говаривалъ своимъ ученикамъ: „я — пища ваша“, что, въ переложеніи на фигуральный языкъ востока, преобразалось въ слѣдующую фразу: „мое тѣло есть вашъ хлѣбъ, моя кровь есть питье ваше“. А личная привычка и склонность Иисуса къ чрезвычайно субстанціальному выраженію, увлекала его еще далѣе. Указывая, за столомъ, на пищу, онъ восклицалъ: „это я“; коснется ли вина: „вотъ кровь моя“. Все это лишь различные обороты одной и той же мысли: „я — ваша пища“.

Этотъ таинственный обрядъ получилъ большую важность еще при жизни Иисуса. Онъ повидимому утвердился гораздо ранѣ послѣдняго путешествія его въ Іерусалимъ, и былъ скорѣе результатомъ общепринятыхъ понятій, нежели какого либо опредѣленнаго учрежденія. По смерти же Иисуса онъ сдѣлался великимъ символомъ христіанскаго исповѣданія, и его происхожденіе отнесено къ самому торжественному моменту жизни Спасителя. Въ освященіи хлѣба и вина хотѣли видѣть прощальный знакъ памяти, оставленный Иисусомъ своимъ ученикамъ въ ту минуту, когда онъ гото-

вился разстаться съ жизнію. Воображали найти въ этомъ таинствѣ опять самаго Іисуса. Это впрочемъ легко было вывести изъ чисто духовной идеи Іисуса о совмѣстномъ пребываніи душъ, такъ часто бывшей предметомъ бесѣдъ учителя и заставлявшей его напримѣръ утверждать, что онъ всякій разъ лично пребываетъ посреди своихъ учениковъ, когда они сходятся во имя его. Іисусъ, какъ мы уже замѣтили, никогда не имѣлъ совершенно опредѣленнаго представленія о томъ, что составляетъ индивидуальность. На высотахъ превыспренняго увлеченія, въ которыхъ онъ всегда парилъ, идея до того преобладала надъ всѣмъ, что тѣло вовсе не входило въ расчетъ. Люди сливаются въ одно, когда любятъ другъ друга, когда живутъ одинъ другимъ; какъ же было не считать ему себя за одно съ своими учениками? Его ученики стали выражаться такимъ же образомъ. Они, которые жили учителемъ цѣлые годы и всегда видѣли, какъ онъ, съ хлѣбомъ и чашею „въ святыхъ, преподобныхъ рукахъ“, себя имъ предлагалъ. Итакъ, то, что они тогда ѣли и пили, былъ онъ самъ; онъ сдѣлался прямою новой Пасхой, ибо старая уже отмѣнена его кровію. Нельзя переложить на нашъ языкъ, — существенно опредѣленный и всегда требующій строгой черты раздѣла

между собственнымъ смысломъ и метафорой, обороты этого стиля, отличающагося именно тѣмъ, что онъ сообщаетъ полную дѣйствительность метафорѣ, или лучше сказать идеѣ, въ ея образной формѣ.

ГЛАВА XVII.

Противная Иисусу партія.

На первыхъ порахъ своего поприща Иисусъ, повидимому, не встрѣчалъ серьезнаго сопротивленія. Его проповѣдь, благодаря господствовавшей въ Галилеѣ на этотъ счетъ свободѣ и множеству являвшихся со всѣхъ сторонъ учителей, имѣла значеніе лишь въ довольно ограниченномъ кругу. Но коль скоро онъ показался на шумной дорогѣ знаменій и народной славы, начала подниматься гроза. Не разъ онъ долженъ былъ скрываться и спасать себя бѣгствомъ. Антипасъ впрочемъ его никогда не беспокоилъ, хотя Иисусъ и позволялъ себѣ подчасъ выражаться на его счетъ весьма строго. Тетрархъ, въ своей всегдашней резиденціи Тиверіадѣ, обыкновенно былъ не далѣе какихъ нибудь пяти, десяти верстъ отъ разныхъ пунктовъ округа

центральной дѣятельности Іисуса. До него дошелъ слухъ о чудесахъ Іисуса, которыя вѣроятно онъ принялъ за ловкіе фокусы, и пожелалъ ихъ видѣть. Невѣры въ то время весьма интересовались искусствами этого рода. Іисусъ благоразумно отказался. Онъ не хотѣлъ по-пустому блуждать въ безрелигіозной средѣ, которая ждала отъ него лишь пустой забавы. Онъ искалъ вліянія только на народъ, и берегъ на пользу простодушныхъ средства, пригодныя для нихъ однихъ.

Какимъ то образомъ, однажды, разнеслась молва, что Іисусъ ни кто иной, какъ воскресшій изъ мертвыхъ Іоаннъ-Креститель. Антипасъ нѣсколько смутился, и — чтобы выжить новаго пророка изъ своихъ предѣловъ — прибѣгнулъ къ хитрости. Фарисеи, подъ видомъ искренняго участія къ Іисусу, пришли сказать ему, что Антипасъ покушается на его жизнь. Іисусъ, при всемъ своемъ великомъ простодушіи, не поддался на хитрость и не оставилъ того края. Но видя, что онъ ведетъ себя смиренно и чуждается всякихъ мятежей, Тетрахъ наконецъ успокоился, и опасность миновала.

Далеко не все галилейскіе города встрѣчали новое ученіе съ равной благосклонностію. Не только строптивый Назаретъ продолжалъ отвер-

гать виновника будущей своей славы, не только упрямые братья Иисуса никакъ не соглашались вѣрить въ него, но даже пріозерные города, вообще оказывавшіе болѣе расположенія, обращены были къ его ученію не всѣ. Иисусъ часто жалуется на встрѣчаемое имъ невѣріе и ожесточеніе сердца. Хотя, конечно, въ этихъ восклицаніяхъ и упрекахъ многое слѣдуетъ приписать нетерпѣнію и преувеличенію со стороны самаго проповѣдника, хотя эти упреки нѣсколько отзываются *порицаніемъ* *евка* (*convicium seculi*), которое служило любимымъ общимъ мѣстомъ Иисусу, по примѣру Іоанна Крестителя; однакожъ ясно, что и въ томъ краю пламенное рвеніе къ царствію Божію было далеко необщимъ. „Горе тебѣ Хоразинъ! Горе тебѣ Виесаида! — восклицалъ онъ; — ибо еслибъ Тиръ и Сидонъ видѣли знаменія, подобныя тѣмъ, которыхъ свидѣтелями были вы, то давно бы принесли покаяніе во вретищѣ и пеплѣ. А потому, говорю вамъ, въ день суда отрадиѣ будетъ Тиру и Сидону, нежели вамъ. И ты, Капернаумъ, до небесъ возносящійся, низвергнешься до ада, ибо еслибы знаменія, въ нѣдрахъ твоихъ явленныя, совершены были въ Содомѣ, то Содомъ существовалъ бы по сіе время. А потому возвѣщаю тебѣ, что въ день суда не

столь строго поступлено будетъ съ землею Содомскою, какъ съ тобою.“ — „Царица Савы, — присовокуплялъ онъ, — возстанетъ въ день суда противъ настоящаго поколѣнія и осудитъ его, ибо она пришла отъ концевъ міра для услышанія премудрости Соломона, а здѣсь больше, нежели Соломонъ. Ниневитяне возстанутъ въ день суда противъ настоящаго поколѣнія и осудятъ его, ибо они принесли на проповѣдь пророка Іоны покаяніе, а здѣсь больше, нежели Іона.“ — Его скитальческая жизнь, сперва для него столь восхитительная, стала теперь уже нѣсколько тяготить его. „Лисицы, говорилъ онъ, имѣютъ норы, у птицъ небесныхъ есть гнѣзда, а Сыну Человѣческому негдѣ преклонить главы своей.“ Горечь и желчь день ото дня все ближе подступали къ его сердцу. Онъ упрекалъ невѣровъ въ нечувствительности къ самымъ очевиднымъ знаменіямъ, и говорилъ, что даже въ тотъ моментъ, когда Сынъ Человѣческій явится въ своей небесной славѣ, будутъ люди, которые въ немъ усумнятся.

Іисусъ, конечно, не былъ въ состояніи встрѣчать противорѣчія хладнокровіемъ философа, который, понимая основную причину несходства мнѣній, раздѣляющихъ міръ, находитъ весьма натуральнымъ, что не всё соглашается съ его мнѣ-

ніемъ. Однимъ изъ главныхъ недостатковъ іудейской расы была ожесточенность въ преніяхъ, и притомъ почти всегда язвительный ихъ тонъ. Никогда въ мірѣ не было споровъ столь запальчивыхъ, какъ между евреями. Обходительность и уживчивость приобрѣтаются только разнообразіемъ оттѣнковъ во взглядѣ на вещи и изощреніемъ для нихъ чувства. Одно изъ упорнѣйшихъ свойствъ семитическаго духа состоитъ, именно, въ недостаткѣ оттѣнковъ. Тонкая разработка мысли, какъ напримѣръ въ діалогахъ Платона и др., чужда произведеніямъ этихъ народовъ. Иисусъ, представляя нѣкоторымъ образомъ исключеніе изъ своей расы, свободный отъ большей части ея недостатковъ, и преобладающей чертою котораго была именно нѣжность чувства, неволью увлекался въ полемикѣ общемо манерой. Какъ нѣкогда Іоаннъ-Креститель, и онъ употреблялъ теперь весьма жесткія выраженія противъ своихъ состязателей. Отмѣнно кроткій съ простодушными, онъ приходилъ въ негодованіе даже отъ самаго смирнаго невѣрія. Уже не былъ онъ прежнимъ, какъ въ „Проповѣди на горѣ“, тихимъ учителемъ, еще неизвѣдавшимъ ни сопротивленія, ни препятствій. Страсть, составлявшая основу его характера, увлекала его къ самымъ

энергическимъ укорамъ. Это странное соединеніе столь противоположныхъ качествъ не должно затруднять насъ. Въ наши дни мы имѣли примѣръ челоѣка, въ которомъ таже противоположность выразилась съ рѣдкой силою. Это былъ Г. Ламенне. Въ превосходной его книгѣ „Слова вѣрующаго“ (Paroles d'un croyant) вспышки самаго необузданнаго гнѣва часто переходятъ въ самыя сладостныя изліянія сердца и наоборотъ, быстро смѣняясь, какъ въ миражѣ. Этотъ челоѣкъ, обращеніе котораго съ людьми вообще отличалось необыкновенной мягкостію, становился безпокоенъ до неистовства съ людьми, нераздѣлявшими его убѣжденій. Такъ и Іисусъ не безъ основанія примѣнялъ къ себѣ извѣстное мѣсто пророка Исаи; „онъ не издастъ ни крика бурнаго, ни шумныхъ воплей, и голоса его никто на стогахъ не услышитъ. Онъ трости сокрушенной не сотретъ, и льна курящагося не угаситъ.“ Не смотря на то, многія изъ наставленій, данныхъ имъ своимъ ученикамъ, содержатъ въ себѣ зародыши прямаго фанатизма, — зародыши, которые впоследствии среднимъ вѣкамъ суждено было развить во всей лютости. Но можно ли вмѣнять ему это въ упрекъ? Не одинъ спасительный переворотъ не совершается безъ нѣко-

торой жесткости. Еслибъ Лютеръ, еслибъ виновники французской революціи должны были соображаться съ правилами вѣжливости, то не осуществились бы ни Реформа, ни революція. Порадуемся же тому, что Иисусъ на своемъ пути не встрѣтилъ закона, возбращающаго порицаніе какого нибудь класса гражданъ. Тогда бы Фарисеи были неприкосновенны. Все великое въ челоуѣчествѣ совершилось во имя абсолютныхъ принциповъ. Какой нибудь философъ-критикъ, разумѣется, могъ бы сказать своимъ ученикамъ: „умѣйте уважать чужое мнѣніе, — и новѣрьте — никто не правъ до такой степени, чтобъ въ оправданіе противной стороны ужъ не оставалось ничего сказать.“ Но дѣятельность Иисуса не имѣетъ ничего общаго съ безпристрастнымъ умозрѣніемъ философа. Считать себя, хоть на минуту, уже предъ самыми воротами своего идеала, и въ тоже время сознаться въ необходимости отступить, ради злонамѣренности нѣсколькихъ лицъ, — невыносимо для пламенной души. Чего же стоило такое сознаніе основателю цѣлаго новаго міра?

Непреодолимое препятствіе возникало идеямъ Иисуса, въ особенности, со стороны іудейскаго православія (ортодоксіи), представителями котораго

были Фарисеи. Иисусъ все болѣе и болѣе удалялся отъ древняго Закона. Фарисеи между тѣмъ были прямыми іудеями: въ нихъ заключался самый нервъ и сила іудаизма. Хотя средоточіемъ этой партіи былъ собственно Іерусалимъ, однакожъ нѣкоторые изъ ея адептовъ встрѣчались также въ Галилеѣ, или по крайней мѣрѣ не рѣдко посѣщали ее. Это были вообще люди съ узкими понятіями, весьма занятые наружностію, надменно, чванно и самодовольно выставяющіе свою набожность всѣмъ на видъ. Манеры ихъ были смѣшны и возбуждали невольную улыбку даже въ ихъ почитателяхъ. Доказательствомъ тому служатъ насмѣшливыя прозвища, которыя давалъ имъ народъ. Такого-то, на примѣръ, величали „Фарисей-кривоногій“ (*Nikfi*), такъ какъ онъ ходилъ по улицамъ, волоча по землѣ ноги и задѣвая ими всѣ камни; другаго „Фарисей-лба-не-разбей“ (*Kizai*), такъ какъ онъ — чтобъ не смотрѣть на женщинъ — ходилъ зажмуря глаза и безпрестанно разшибался о стѣны и заборы; былъ также „Фарисей-толкачъ“ (*Medukia*), сгибавшійся, въ знакъ благочестія, въ три погибели, на манеръ толчейнаго песта; „Фарисей-широкоплечій“ (*Schikmi*), ходившій совсѣмъ сгорбясь, какъ будто въ знакъ того, что несетъ всю тяжесть Закона на своихъ

плечахъ; „Фарисей-обряжающійся“, — безпрестанно въ заботѣ объ исполненіи какой нибудь статьи обрядоваго устава, и наконецъ „Фарисей-подмазанный“, все благочестіе котораго состояло въ наружномъ лоскѣ лицемѣрія. Въ самомъ дѣлѣ, ихъ чопорный и строгій видъ былъ часто только личиною, подъ которою скрывался самый безсовѣстный развратъ. Тѣмъ не менѣе народъ, въ простотѣ души, вѣрилъ имъ. Народъ, инстинктъ котораго, при всей своей ошибочности, въ сужденіи о личностяхъ вообще вѣренъ, чрезвычайно легко поддается обману лицемѣровъ. Онъ любитъ въ нихъ то, что въ самомъ дѣлѣ благородно и любви достойно, но не довольно пронизателенъ для того, чтобъ отличить кажущееся отъ дѣйствительнаго.

Легко представить себѣ, что между подобными личностями и Иисусомъ, въ средѣ разшевеленныхъ страстей, должна была возникнуть большая антипатія. Иисусъ ничего не хотѣлъ, кромѣ религіи сердца, а фарисейская состояла почти исключительно въ соблюденіи обрядовъ. Иисусъ возвѣщалъ царствіе уничиженныхъ и отверженныхъ всякаго рода, а фарисеи видѣли въ этомъ оскорбленіе исповѣдуемой ими религіи порядочныхъ людей. Фарисей былъ человѣкъ непреложный и непогрѣшимый, само-

увѣренный педантъ, который въ синагогѣ всегда садился на первое мѣсто, молился на улицѣ, творилъ милостыню съ шумомъ и озираебъ: кланяются ли ему. Иисусъ между тѣмъ утверждалъ, что всякій долженъ ожидать суда Божія со страхомъ и смиреніемъ. Зло не дошло, конечно, до того, чтобы дурное направленіе религіи, представителями котораго были Фарисеи, торжествовало безъ противоѣдствія. Еще прежде Иисуса, или даже во время его жизни, было нѣсколько замѣчательныхъ людей (какъ) на примѣръ Иисусъ, сынъ Сираха — одинъ изъ подлинныхъ предковъ Иисуса Назарянина по идеѣ, — Гамалиилъ, Антигонъ Сокоскій, и въ особенности кроткій, благородный Гиллель), которые проповѣдывали религіозныя ученія, далеко возвышавшіяся надъ фарисейскимъ, ученія почти евангельскія, — но эти добрыя семена были заглушены. Прекрасныя положенія Гиллеля, сводящія весь законъ въ одну идею справедливости, превосходныя изреченія Иисуса сына Сираха, заключающія все богослуженіе въ правотѣ жизни, — были забыты или преданы проклятію. Шаммаи съ своимъ исключительнымъ и узкимъ направленіемъ, одержаль верхъ. Огромная масса преданій заглушала Законъ, подъ предлогомъ защиты и истолкованія его.

Эти охранительныя мѣры имѣли, правда, свою полезную сторону; хорошо, что еврейскій народъ столь сильно, до безумія, былъ проникнутъ привязанностію къ своему Закону, потому что эта страстная привязанность, спасая ученіе Моисея въ гибельныя для него эпохи Антіоха Епифана и Ирода, приготовила закваску, породившую въ послѣдствіи христіанство. Но всё эти мѣры предосторожности, сами по себѣ, въ сущности, были только ребяческими затѣями. Синагога, ихъ сохранявшая, была лишь матерью заблужденій. Ея царство миновало, и однакожъ, не смотря на то, требовать отъ нея добровольнаго отреченія, значило бы требовать невозможнаго, — требовать такой жертвы, на какую еще ни одна изъ властей, вошедшихъ въ силу, не могла когда либо рѣшиться.

Состязанія Іисуса съ официальнымъ лицемѣріемъ были непрерывны. Обыкновенная тактика реформаторовъ, появляющихся на такомъ религіозномъ полѣ, какое мы сейчасъ описали, — тактика, которую собственно можно назвать „традиціоннымъ формализмомъ“, — всегда состоитъ въ противоположеніи „текста“ священныхъ книгъ „преданію“. Религіозная ревность всегда обильна нововведеніями даже тогда, когда считаетъ себя въ высшей степени консервативною. Какъ новокатолики, въ наши

дни, безпрестанно удаляются отъ Евангелія, такъ и Фарисеи удалялись, на каждомъ шагу, отъ Библии. Вотъ почему реформаторъ-пуританинъ держится всегда такъ крѣпко за Библию, принимая непреложный текстъ за исходную точку своихъ возраженій противъ вращающагося въ общемъ ходу богословія, которое съ каждымъ поколѣніемъ подвигалось впередъ. Такъ точно дѣлали впоследствии караимы и протестанты. Иисусъ поступилъ гораздо энергичнѣе, нанеся свой ударъ въ самый корень дерева. Иногда и онъ, правда, прибѣгаетъ къ помощи текста въ своихъ преніяхъ противъ лживыхъ *Мазоровъ* или фарисейскихъ преданій. Но онъ вообще очень мало вдается въ экзегетику, а имѣетъ дѣло преимущественно съ внутреннимъ сознаніемъ. Однимъ приемомъ поражаетъ онъ и текстъ, и комментарий. Хотя дѣйствительно онъ уличаетъ фарисеевъ въ томъ, что они своими преданіями существенно нарушили ученіе Моисея, но самъ онъ и не думаетъ возвращаться къ Моисею. Его цѣль впереди, а не назадъ. Иисусъ былъ болѣе, чѣмъ реформаторомъ обвѣтшалої религіи; онъ былъ создателемъ вѣчной религіи человѣчества.

Споръ разгарался преимущественно на счетъ множества освященныхъ преданіемъ внѣшнихъ обы-

чаевъ, которымъ ни Иисусъ, ни его ученики не слѣдовали. Фарисеи съ жаромъ нападали на него за это. Обѣдая у нихъ, онъ приводилъ ихъ въ крайній соблазнъ несоблюденіемъ обычныхъ передъ трапезою омовеній. „Помогайте ближнимъ, говорилъ онъ, тогда и будетъ для васъ все чисто“. Всего оскорбительнѣе дѣйствовала на его тонкое чувство ихъ дерзкая, самодовольная манера, — спѣсивый, заносчивый тонъ ихъ религіи, — ихъ мелкая, пустосвятная набожность съ своимъ жалкимъ предметомъ, тщеславною заботою о первенствѣ въ мѣстахъ или почетѣ въ людяхъ, безъ всякаго стремленія къ облагороженію сердца. Въ прелестной притчѣ онъ выразилъ эту мысль чрезвычайно мило и вѣрно. „Однажды, говоритъ онъ, пришли два человѣка въ храмъ молиться. Одинъ былъ Фарисей, а другой — сборщикъ. Фарисей стоялъ пречинно впереди и думалъ про себя: „благодареніе тебѣ, мой Богъ, что не таковъ я, какъ другіе люди, какъ эти хищники, негодяи, распутники, или какъ на примѣръ вотъ этотъ сборщикъ. Пощусь каждую недѣлю дважды, съ доходу раздаю цѣлую десятину.“ А сборщикъ, между тѣмъ, поодаль отъ него стоя, не смѣлъ поднять на небо глазъ, и, ударя себя въ грудь, вопилъ: „Боже,

милостивъ буди мнѣ грѣшнику“. „Повѣрьте, — замѣчаетъ Иисусъ, — сей послѣдній возвратился до- мой правѣ перваго.“

Ярая злоба, ничѣмъ ненасытимая, кромѣ смертью, была послѣдствіемъ этихъ стычекъ. Уже Іоаннъ-Креститель навлекалъ на себя большія неудовольствія въ томъ же родѣ. Но въ то время іерусалимскіе аристократы, пренебрегая имъ, представляли простолудію считать его за пророка. На этотъ разъ была война не на жизнь, а на смерть. Появился въ мірѣ новый духъ, который поражалъ отрицаніемъ все предшествовавшее ему. Іоаннъ-Креститель былъ еще прямымъ евреемъ въ глубинѣ души, а Иисусъ уже почти забылъ, что онъ еврей. Иисусъ обращается безпрестанно къ генію нравственнаго чувства.

Еще въ Галилеѣ Фарисеи старались погубить его, употребляя противъ него ту самую сноровку, которая въ послѣдствіи такъ удалась имъ въ Іерусалимѣ. Они пытались заинтересовать, въ своемъ спорѣ съ нимъ, приверженцевъ вновь водвореннаго политическаго порядка. Легкость, съ которою Иисусъ могъ всегда отдѣлаться отъ нихъ въ Галилеѣ, и слабость правленія Антипаса разстраивали эти попытки. Онъ пошелъ самъ на встрѣчу опас-

ности. Онъ очень хорошо видѣлъ, что его дѣятельность, если не перейдетъ предѣловъ Галилеи, останется весьма ограниченной. Иудея влекла его теперь къ себѣ, какъ талисманомъ; онъ рѣшился сдѣлать еще одно, послѣднее, усиліе для овладѣнія непослушнымъ городомъ, и — казалось — взялся оправдать на дѣлѣ пословицу, по которой пророку нельзя умереть въ Иерусалима.

ГЛАВА XVIII.

Послѣдній путь Иисуса въ Иерусалимъ.

Иисусъ уже давно чувствовалъ грозившія ему опасности. И поэтому, въ теченіи нѣкотораго времени, быть можетъ около полутора года, онъ не рѣшался идти въ Иерусалимъ. Въ 32 году (слѣдуя принятому нами счету времени) на праздникъ Кущей, родственники, все еще непріязненные и невѣрные, пригласили его туда съ собою. Евангелистъ Іоаннъ повидимому намекаетъ на то, что въ этомъ приглашеніи таилось злобное намѣреніе погубить его. „Повѣдай о себѣ міру — говорили они; — вѣдь эти вещи не дѣлаются втайнѣ. Иди во Іудею, да видитъ свѣтъ дѣла твои.“ Иисусъ, подозрѣвая какія нибудь шашни, сначала отказался; но немного погодя, по отправленіи уже каравана, пустился и онъ въ путь, никому не сказавшись и

почти одинъ. Это было послѣднее его прощаніе съ Галилеей. Праздникъ Кущей приходился въ осеннее равноденствіе. Шестъ мѣсяцевъ еще должны были пройти до наступленія роковой развязки. Однакожъ Іисусъ во все это время уже не возвращался въ свой милый сѣверный край. Миновалъ періодъ тихихъ, сладостныхъ созерцаній; наступала пора подвизаться медленно, шагъ за шагомъ, по тернистому пути скорбей, который окончится муками смерти.

Ученики его и заботившіяся о немъ сердобольныя женщины пошли туда же и присоединились къ нему въ Іудеѣ. Но какая разница между его положеніемъ здѣсь и галилейской его обстановкою! Іисусъ былъ въ Іерусалимѣ совсѣмъ чужой. Онъ чуялъ здѣсь непроницаемую для него стѣну сопротивленія. Окруженный происками и преградами, онъ безпрестанно былъ предметомъ преслѣдованія непріязненныхъ Фарисеевъ. вмѣсто безграничнаго довѣрія, этого счастливаго дара юныхъ натуръ, къ которому онъ привыкъ въ Галилеѣ, — вмѣсто того добродушнаго и кроткаго народа, вообще мало доступнаго сомнѣнію (всегда знаменующему нѣкоторое недоброхотство и неподатливость), онъ встрѣчалъ здѣсь на каждомъ шагу закоснѣлое невѣріе, о которое обрывались все средства, столь счастливо

удававшіяся ему на сѣверѣ. Его ученики, какъ вообще галилеяне, были въ презрѣніи. Никодемъ, имѣвшій съ нимъ, въ одну изъ прежнихъ его побывокъ, ночную бесѣду, едва не нажилъ себѣ враговъ въ Сангедринѣ, поднявъ за него голосъ. „Вотъ какъ! Да не галилеянинъ ли ты самъ? — отвѣчали ему; — справься съ писаніями, ну, можетъ ли изъ Галилеи произойти пророкъ?“

Городъ, какъ мы уже сказали выше, не нравился Іисусу. До сихъ поръ онъ всегда избѣгалъ многолюдныхъ центровъ, избирая преимущественно мѣстомъ своей дѣятельности деревни или малозначительные города. Многія изъ наставленій, данныхъ имъ апостоламъ, непримѣнимы ни къ какой другой средѣ, кромѣ безъискусственного, простаго быта незначительныхъ людей. Не имѣя никакого понятія о свѣтѣ, привыкнувъ къ своему милому галилейскому коммунизму, онъ поминутно отпускалъ наивности, казавшіяся въ Іерусалимѣ, конечно, очень странными. Его игривое воображеніе, его любовь къ природѣ страдали отъ заключенія въ этихъ стѣнахъ. Истинная религія должна была произойти на свѣтъ изъ мирной тишины полей, а не изъ городского шума.

Высокомѣріе жрецовъ дѣлало для него ненавистными сѣни храма. Однажды, нѣкоторые изъ

его учениковъ, успѣвъ прежде его познакомиться съ Іерусалимомъ, хотѣли обратить его вниманіе на красоту храмовыхъ построекъ, на превосходный выборъ матеріаловъ, на богатство обѣтныхъ приношеній, покрывавшихъ стѣны. „Вы видите всѣ эти зданія, говорилъ онъ; вотъ вамъ мое слово: отъ нихъ камня на камнѣ не останется.“ Онъ не хотѣлъ восхищаться ничѣмъ инымъ, кромѣ одной бѣдной, проходившей мимо ихъ, вдовы, которая спустила какую то мелкую монету въ кружку: „она болѣе другихъ дала — замѣтилъ Іисусъ —: другіе дали отъ излишка, она — отъ необходимаго.“ Такая манера, подвергать суду и разбору все, что дѣлалось въ Іерусалимѣ, превозносить бѣднаго, который даетъ мало, унижать богатаго, который даетъ много, порицать зажиточное духовенство, но ничего не дающее народу, — все это, разумѣется, озлобило противъ него жреческую касту. Логовище консервативной аристократіи, храмъ (точно также, какъ въ наше время, стоящій на томъ мѣстѣ *харамъ* мусульманскій) былъ въ цѣломъ мірѣ самымъ неблагоприятнымъ мѣстомъ для успѣха революціи. Пусть нынѣ, напримѣръ, какой нибудь нововводитель попробуетъ около мечети Омара провозгласить испроверженіе Исламизма! — Однако, средоточіе всей іудейской жизни было тамъ; тамъ былъ тотъ

пунктъ, на которомъ предстояло или побѣдить, или умереть. На этой Голгоѣ, гдѣ выстрадалъ Иисусъ безъ сомнѣнія болѣе, нежели на Голгоѣ послѣдней, влачили его дни въ безпрестанной досадѣ и раздраженіи, среди вздорныхъ споровъ о каноническомъ правѣ и экзегетикѣ, — споровъ, для успѣха въ которыхъ нравственное величіе ни мало не приспособляло его, — скажемъ болѣе — мѣшало ему.

Среди этой возмущенной жизни, нѣжная чувствительность его сердца умѣла создать себѣ пріютъ, доставившій ему много тихихъ наслажденій. Проведя цѣлый день въ храмовыхъ преніяхъ, онъ отпраплялся вечеромъ въ Кедронскую долину, отдыхалъ немного въ саду одного земледѣльческаго заведенія (вѣроятно, но производству оливковаго масла), называвшагося *Геосимани*, служившемъ увеселительнымъ мѣстомъ для окрестныхъ жителей, а потомъ шелъ ночевать на Элеонскую гору, поднимавшуюся на горизонтѣ города, съ восточной стороны. Во всей окрестности Іерусалима это единственная сторона, къ которой взоръ вашъ можетъ сколько нибудь отдохнуть на жизни и зелени. Тамъ было разведено множество плантацій съ оливковыми, фиговыми и пальмовыми деревьями, — плантацій, по имени которыхъ названы деревни,

фермы или ограды Бетсаге, Геосимани и Виванія. На Элеонской горѣ стояли два огромные кедра, воспоминаніе о которыхъ сохранялось у евреевъ долгое время послѣ ихъ разсѣянія. Ихъ раскидистыя вѣтви представляли пріютъ цѣлымъ стаямъ голубей, а подъ ними, въ тѣни, устроены были небольшіе базары. Весь этотъ городской округъ былъ, такъ сказать, кварталомъ Іисуса и учениковъ его; по всему видно, что они его знали почти попольно, подомно.

Особенно деревня Виванская, расположенная на вершинѣ пригорка со стороны Мертваго Моря и Иордана, въ полтора часа пути отъ Іерусалима, была любимымъ мѣстомъ Іисуса. Онъ тамъ познакомился съ одной семьей, состоявшею изъ двухъ сестеръ и брата, взаимная между собою дружба которыхъ имѣла для него много прелести. Изъ этихъ двухъ сестеръ одна, по имени Марѳа, была услужливая, доброхотная, усердная особа; другая же, которую звали Марією, нравилась Іисусу нѣкоторой томностію характера и весьма развитымъ расположеніемъ къ созерцанію. Часто, сидя у ногъ Іисуса и внимательно слушая его, она забывала между тѣмъ свое дѣло по домашнему обиходу. Тогда сестра ея, неспѣвая управиться одна въ хозяйствѣ, бывало, ей слегка за то пѣняла: „Марѳа

Марѳа, — замѣчалъ ей въ этомъ случаѣ Иисусъ, — ты чрезчуръ заботлива и очень много хлопчешь; а собственно одно только нужно. Марія избрала благую часть, которая у нея не отнимется.“ Ихъ брата Елеазара, или Лазаря, Иисусъ также любилъ весьма искренно. Наконецъ, нѣкто Симонъ Прокаженный, хозяинъ занимаемаго ими дома, по-видимому, также принадлежалъ къ семейству. Тамъ Иисусъ, въ нѣдрахъ сердобольной дружбы, забывалъ непріятности своей публичной дѣятельности. Онъ въ этомъ тихомъ пріютѣ мира находилъ утѣшеніе и отдыхъ отъ непрестанныхъ раздраженій, принимаемыхъ ему Фарисеями и книжниками. Часто онъ сидѣлъ на горѣ Элеонской, насупротивъ горы Моріахъ, передъ великолѣпной перспективой храма, съ его террасами и блестящимъ на солнцѣ металломъ кровель. Эта картина всегда восхищала приходившихъ издалека странниковъ; особенно утромъ, подъ первыми лучами восходящаго солнца, священная гора, ослѣпительно блистая, производила дивный эффектъ и казалась съ Элеона какою-то массою снѣга и золота. Но чувство глубокой грусти, тяготившее Иисуса, бросало передъ нимъ на этотъ видъ, составлявшій восхищеніе и гордость другихъ израильтянъ, какъ будто печальный флеръ. О Иерусалимъ, Иерусалимъ, умерщвляющій своихъ

пророковъ и каменіемъ побивающій посланныхъ къ тебѣ! — восклицалъ онъ, въ эти минуты, съ улыбкой горести, — сколько разъ пытался я собрать чадъ твоихъ, какъ птенцовъ собираетъ мать-наседка подь свои крылья, — и ты не хотѣлъ.“

Нельзя сказать, чтобъ здѣсь, какъ и въ Галилеѣ, не нашлось добрыхъ людей съ душою, доступною воспріятію истины. Но авторитетъ господствовавшей ортодоксіи былъ столь великъ, что весьма немногіе дерзали открыто сознаться въ этомъ. Поступить въ школу Галилеянина, значило чрезвычайно уронить себя въ глазахъ іерусалимцевъ. Того и гляди, что извергнутъ изъ синагоги, — а это считалось, въ обществѣ ханжей и мелкихъ пустосвятовъ, самымъ крайнимъ позоромъ. Впрочемъ, отлученіе отъ общества вѣрныхъ Закону влекло за собою также конфискацію всѣхъ имуществъ. Отдѣлившійся, такимъ образомъ, отъ евреевъ еще не дѣлался чрезъ то римляниномъ. Онъ оставался беззащитнымъ подь ударами теократическихъ законовъ самой безчеловѣчной строгости. Однажды, храмовые служители, находившіеся при одной изъ рѣчей Іисуса и слушавшіе его съ умиленіемъ, рѣшились сообщить священникамъ свои колебанія въ его пользу. „Да повѣрилъ ли въ него кто нибудь изъ старѣйшинъ или Фарисеевъ? —

возразили священники; — вѣдь вся эта толпа, ничего не разумѣющая въ законѣ, есть не иное что, какъ сволочь окаянная.“ Итакъ, Иисусъ оставался въ Иерусалимѣ провинціаломъ, привлекательнымъ для подобныхъ ему провинціаловъ, но безъ всякаго вліянія на іудейскую аристократію. Тамъ было слишкомъ много проповѣдниковъ, во главѣ различныхъ школъ и сектъ, чтобы появленіе еще одного могло произвести сильное впечатлѣніе. Его голосъ не имѣлъ въ Иерусалимѣ большаго успѣха. Тамъ слишкомъ упоренъ былъ предразсудокъ племени и секты, — этотъ прямой противникъ евангельскаго духа.

Характеръ его преподаванія въ таковой средѣ долженъ былъ очень измѣниться. Его превосходныя поученія, которыя всегда предполагали въ слушателяхъ юное воображеніе и свѣжесть нравственнаго чувства, здѣсь падали на камень. Онъ самъ, бывало, столь непринужденный въ своемъ миломъ пріозерьи, чувствовалъ себя здѣсь, передъ лицомъ педантовъ, какъ бы связаннымъ, какъ цвѣтъ не на своей почвѣ. Его безпрестанныя увѣренія о самомъ себѣ и о своемъ назначеніи стали отзываться нѣкоторой докучливостію. На перекоръ своей природѣ, онъ долженъ былъ сдѣлаться ретивымъ спорщикомъ, юристомъ, экзеге-

томъ, теологомъ. Его бесѣды, бывало, столь прелестныя, дѣлаются теперь перестрѣлкою словопреній, нескончаемымъ рядомъ схоластическихъ тостязаній. Его гармоническій геній съуживается, ронлетъ себя въ достоинствѣ, чрезъ эти нелѣпыя аргументаціи о Законѣ и пророкахъ, — споры, въ которыхъ намъ было бы пріятнѣе не видѣть его иногда наступателемъ. Съ податливостію, щекотливою въ нашихъ глазахъ, онъ соглашается подвергать себя притворнымъ испытаніямъ и отвѣчать на пронырливые вопросы крючкодѣевъ. Впрочемъ, онъ умѣлъ вообще всегда найтись въ затрудненіи и выпутаться весьма ловко. Его умствованія, правда, иногда изысканны (замѣтимъ мимоходомъ, что отъ простодушія до изысканности не далеко; когда простякъ начинаетъ умствовать, то онъ всегда нѣсколько клонится къ софизму); можно видѣть, что иногда нарочно онъ употребляетъ двусмысленныя выраженія и намѣренно длить происходящее отъ того недоразумѣніе; его аргументація, если судить о ней по логикѣ Аристотеля, весьма слаба. Но когда его генію представлялся случай выразиться, съ какой нибудь стороны, въ полномъ свѣтѣ своей очаровательной природы, тогда были дѣйствительно минуты торжества. Однажды, приведя къ нему блудницу, думали совсѣмъ смѣшать

его вопросомъ, какъ надлежитъ поступить съ нею. Прелестный отвѣтъ Іисуса извѣстенъ. Тонкая эпитаграмма человѣка, глубоко знающаго свѣтъ и притомъ проникнутаго самой высокой добротою, не могла бы выразиться мѣтче, деликатнѣе. Но пошлые люди тогда-то менѣе всего и прощаютъ остроуміе, когда оно соединено съ истиннымъ величіемъ. Произнеся это столь изящное, проникнутое столь чистымъ правосудіемъ слово: „Пусть тотъ изъ васъ, кто безъ грѣха, броситъ въ нее первый камень!“ — Іисусъ пронзилъ лицемѣріе въ самое сердце, но вмѣстѣ съ тѣмъ, можно сказать, подписалъ и свой смертный приговоръ.

Въ самомъ дѣлѣ, еслибъ Іисусъ не возбудилъ противъ себя ожесточенія множествомъ ѣдкихъ замѣчаній, то вѣроятно могъ бы держаться долгое время незамѣченнымъ и, наконецъ, совсѣмъ исчезнуть въ ужасной бурѣ, которой суждено было вскорѣ за тѣмъ подняться надъ еврейской націей и размѣтать ее всю. Высшее священство и саддукеи питали къ нему болѣе пренебреженія, нежели ненависти. Великіе священническіе роды, *Бозтусимы*, семья Ганановъ, ни къ чему не выражали особо пламеннаго рвенія, кромѣ къ покою. Саддукеи не менѣе Іисуса отвергали „преданія“ Фарисеевъ. По весьма странному, на первый взглядъ, стеченію

обстоятельствъ, именно эти невѣры, отвергавшіе воскресеніе мертвыхъ, изустный законъ, существованіе ангеловъ, — были подлинными іудеями; но дѣло въ томъ, что древній Законъ, въ своей простотѣ, не удовлетворялъ уже религіознымъ потребностямъ времени, а потому тѣ, которые держались его строго и отвергали позднѣйшія къ нему прибавки, казались религіознымъ ревнителямъ еретиками, въ родѣ того, какъ въ наше время евангелической протестантъ кажется невѣромъ въ странахъ, гдѣ преобладаетъ ортодоксія. Во всякомъ случаѣ не отъ такой партіи могла послѣдовать очень дѣятельная реакція противъ Иисуса. Официальное священство, не сводя глазъ съ политической власти и будучи съ нею тѣсно связано, ничего не видѣло, кромѣ нелѣпости въ религіозныхъ увлеченіяхъ энтузіастовъ. Если кто въ самомъ дѣлѣ поднималъ тревогу, затронутый новымъ ученіемъ за самую живую струну, и подвергался отъ него опасности въ самыхъ дорогихъ предразсудкахъ и своихъ интересахъ, такъ это было Фарисейское гражданство, это были безчисленные *соферы* или книжники, главную поживу которыхъ составляла наука о „преданіяхъ“.

Съ особеннымъ постоянствомъ Фарисеи заботились между прочимъ о томъ, чтобъ заманить Ии-

суса на зыбкій грунтъ политическихъ вопросовъ и замѣшать его въ партію Іуды Голонита. Затѣя ихъ была довольно смѣтлива; ибо въ самомъ дѣлѣ, благодаря только своему глубокому простосердечію и совершенной беззаботности о дѣлахъ политическихъ, Іисусъ избѣгъ ссоры съ римскимъ правительствомъ, не смотря на то, что проповѣдывалъ только царство Божіе. Однажды подошла къ нему ватага Фарисеевъ, между которыми находились также приверженцы извѣстной политической партіи, называвшейся „Иродіанами“, (вѣроятно *Бозтосимы*), и съ видомъ благочестиваго усердія начали такъ: „Учитель, мы знаемъ, что ты правдолюбивъ и путямъ Божиимъ учишь во истину, не взирая ни на какое лицо. Скажи намъ, какъ ты думаешь: подобаесть ли платить Кесарю подать?“ Они ожидали отвѣта, въ которомъ представится предлогъ для преданія его Пилату. Отвѣтъ Іисуса былъ неподобенъ. Онъ велѣлъ показать себѣ монету, и, посмотрѣвъ на ней изображеніе Кесаря, „отдайте — говоритъ онъ — Кесарево Кесарю, а Богу Божіе.“ Глубоко-знаменательное слово, рѣшившее будущность христіанства! Слово самаго законченнаго спиритуализма и необыкновенно удачно выраженное, — слово, которое, проведя черту раздѣла между духовнымъ и временнымъ, положило осно-

ваніе прямаго либерализма и истинной цивилизації.

Его кроткій, пронизательный геній принималъ порою сладостное, какъ звуки лиры, выраженіе, когда случалось ему быть съ своими учениками на - единѣ: „Истинно, истинно говорю вамъ, кто въ овчарню не черезъ дверь входитъ, а потаенною лазейкою, тотъ хищникъ. Кто входитъ въ дверь, тотъ настоящій пастырь. Овцы слышатъ его голосъ; онъ ихъ зоветъ по именамъ и ведетъ на пастбище: онъ идетъ впереди ихъ и овцы слѣдуютъ за нимъ, потому что знаютъ его голосъ. Хшмяннѣ приходитъ только для того, чтобы украсть, чтобы убить, чтобъ погубить. Наемникъ, которому овцы не свои, видитъ подходящаго къ нимъ волка, оставляетъ овецъ и спасается бѣгствомъ. Но я, я пастырь добрый, я знаю своихъ овецъ, онѣ — меня; и я полагаю за нихъ свою душу.“ Часто, возвращаясь къ мысли о приближеніи поры предстоящаго человѣчеству переворота, онъ говариралъ: „когда въ смоковницѣ пробились молодые отростки и нѣжные листы, вы понимаете, что наступаетъ лѣто. Поднимите же глаза и на мѣръ взгляните: нива золотится ужъ для жатвы.“

Его краснорѣчіе воспламенялось особенной энергіей всякій разъ, когда дѣло шло о пораженіи лице-

мѣрія. „На каедрѣ Моисея, говоритъ онъ, сидятъ книжники и Фарисеи: все что они велятъ вамъ блюсти, соблюдайте и творите, но не творите по дѣламъ ихъ, ибо они говорятъ и не дѣлаютъ. Громоздятъ тяжести страшныя, которыя никому не подъ силу, и взвалить ихъ хотятъ другимъ на плеча, сами же и пальцемъ не пошевелятъ ихъ.

„Всѣ дѣла свои творятъ они лишь для того, чтобъ быть у людей на виду; похаживаютъ въ длинныхъ одеждахъ съ преширокими амулетами и безконечными бахрамами; большіе охотники до первенства на пирахъ, до предсѣдательства въ синагогахъ, до народныхъ поклоновъ на торжищахъ и чествованія по титулу. Горе имъ!

„Горе вамъ, лицемерные книжники Фарисеи, которые, взявъ къ себѣ ключи разумѣнія, держите ихъ лишь для того, чтобъ запираеть передъ людьми входъ въ царствіе небесное! вы и сами туда не входите, и другихъ не допускаете. Горе вамъ, снѣдающимъ достояніе вдовъ, твердящимъ между тѣмъ предлинныя молитвы. Соразмерное тому падеть на васъ и осужденіе. Горе вамъ, переходящимъ море и сушу для пріобрѣтенія хоть одного послѣдователя, изъ котораго вы ничего не умѣете сдѣлать, кромѣ сына геенны! Горе вамъ, потаен-

нымъ, какъ могилы въ землѣ скрытыя, и по которымъ вверху ходятъ, того не вѣдая.

„Безумцы ослѣпленные! Платя десятину съ какойнибудь былинки мяты, укропу или тмину, вы между тѣмъ пренебрегаете заповѣдями гораздо важнѣйшими, — справедливостію, милосердіемъ, прямодушіемъ! Вотъ обязанности, которыя прежде всего слѣдовало исполнять; что до другихъ касается, то хорошо было бы не пренебрегать и ими. Вожди слѣпые, процѣживающіе вино, дабы не проглотить комара, а между тѣмъ поглощающіе верблюда. Горе вамъ!

„Горе вамъ, лицемерные книжники и Фарисеи! Ибо вы чистите снаружи кубокъ или блюдо, не помышляя о томъ, что все засорено внутри неправдой и хищеніемъ. Фарисей слѣпый, очисти напередъ внутреннее, а потомъ подумаешь о внѣшности.

„Горе вамъ, лицемерные книжники и Фарисеи! Ибо вы подобны гробамъ окрашеннымъ, которые снаружи кажутся пригожими, внутри же полны гніенія и всякой нечистоты. Вы по внѣшнему виду праведны, но въ сущности исполнены лукавства и беззаконія.

„Горе вамъ, лицемерные книжники и Фарисеи, которые воздвигаете гробницы пророкамъ и укра-

шаєте могильные памятники праведныхъ, восклицая: когда бы мы жили во дни отцевъ нашихъ, то не обагрили бы съ ними рукъ въ крови пророковъ! Вы сами сознаетесь, что вы чада тѣхъ, которые побили пророковъ. Чтожъ! довершайте мѣру отцевъ. Справедливо гласитъ Премудрость Божія: „пошлю пророковъ къ вамъ, мудрецовъ и учителей. Изъ нихъ однихъ вы умертвите и распнете, другихъ бичевать будете на сонмищахъ и гнать изъ города въ городъ, — да взыщется съ васъ нѣкогда вся кровь неповинная, на землѣ пролитая, отъ крови Авеля праведнаго до крови Захаріи, сына Варахіина, убитаго вами между алтаремъ и храмомъ.“ Ей, ей, говорю вамъ, вся эта кровь взыщется съ настоящаго поколѣнія.“

Его страшный догматъ о замѣнѣ чадъ Израиля язычниками, его мысль, что царство Божіе — за непріятіемъ его призванными — будетъ передано другимъ, гремѣлъ опять смертельною угрозою противъ аристократіи; а титулъ Сына Божія, открыто сознанный имъ въ энергическихъ параболлахъ противъ своихъ супостатовъ, уподобленныхъ въ нихъ убійцамъ небесныхъ вѣстниковъ, былъ прямымъ вызовомъ на войну правозаконаго Іудаизма. Смѣлое его воззваніе къ уничиженнымъ было еще возмутительнѣе. Онъ провоз-

глашалъ о себѣ, что пришелъ въ міръ просвѣтить невидящихъ и ослѣпить воображающихъ себя видящими. Всегдашнее его негодование противъ храма исторгло однажды изъ его устъ неосторожное слово: „этотъ храмъ рукотворенный — сказалъ онъ — я могъ бы, елибъ захотѣлъ, разрушить и въ три дня воздвигнуть новый, нерукотворенный.“ За подлинное неизвѣстно, что именно хотѣлъ Іисусъ выразить этимъ восклицаніемъ, на которое ученики искали объясненія въ весьма далекой и принужденной аллегоріи. Но такъ какъ врагамъ нуженъ былъ только предлогъ къ его обвиненію, то это слово тотчасъ же было замѣчено и принято къ свѣдѣнію. Оно поидетъ теперь въ обвинительные противъ него пункты для осужденія на смерть и прозвучитъ еще подъ самымъ его ухомъ на Голгоѣ, при послѣднихъ мукахъ. — Эти запальчивыя съ обѣихъ сторонъ пренія кончались всегда бурей. Фарисеи бросали въ него камнями, что впрочемъ было съ ихъ стороны не болѣе какъ исполненіемъ извѣстной статьи Закона, предписывавшей имъ всякаго — хотя бы даже онъ былъ чудотворецъ — пророка, старающагося отвлечь народъ отъ древняго богослуженія, побивать камнями, не выслушивая его. Иногда они называли его сумасбродомъ, бѣснующимся, Са-

маряниномъ, или даже приготовлялись убить его. Каждое его слово принимали на вѣсъ, дабы вѣрнѣе примѣнить къ нему свирѣпое гонительство теократическихъ законовъ, которые въ то время не были еще отмѣнены римскимъ правительствомъ.

ГЛАВА XIX.

Покушенія супостатовъ.

Иисусъ провелъ осень и часть зимы въ Иерусалимѣ. Это время года тамъ довольно холодно. Притворъ Соломона съ его крытыми ходами былъ обыкновеннымъ мѣстомъ его прогулки. Этотъ притворъ состоялъ изъ двухъ галлерей, пролежавшихъ въ тройномъ ряду колоннъ, подъ деревяннымъ потолкомъ рѣзной работы. Оттуда была видна вся Кедронская долина, которая въ то время, безъ сомнѣнiя, не была такъ завалена мусоромъ, какъ нынѣ. При взглядѣ съ высоты этого портика внизъ, взоръ исчезалъ въ глубинѣ оврага, не достигая дна его, и, въ слѣдствiе особаго расположенiя крутыхъ уступовъ зданiя, казалось будто съ этой стороны стѣна его спускалась прямо въ бездну. Долина съ противоположнаго конца уже красовалась своими пышными

гробницами. Нѣкоторые изъ этихъ монументовъ замѣтныхъ еще тамъ донынѣ, были, можетъ быть, вовсе не гробницы, а именно тѣ почетные древнимъ пророкамъ памятники (кенотафи), на которые показывалъ Иисусъ изъ притвора Соломона, когда, бывало, онъ гремѣлъ тамъ противъ лукавыхъ ревнителей благочинія, прикрывавшихъ этими колоссальными массами свое лицемѣріе или тщеславіе.

Въ концѣ Декабря онъ провелъ еще въ Иерусалимѣ праздникъ, установленный Іудой Маккавеемъ, въ воспоминаніе обновленія храма послѣ расхищеній Антіоха Епифана, (называвшійся иначе „Праздникомъ свѣточей“, такъ какъ въ теченіи цѣлыхъ восьми дней его празднованія въ домахъ горѣли свѣтильники), а немного спустя онъ предпринялъ путешествіе въ Перею и на берега Іордана, то-есть въ тѣ самыя страны, гдѣ былъ за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, въ эпоху своего приобщенія къ школѣ Іоанна, и гдѣ, бывало, самъ совершалъ крещеніе. Онъ нашелъ тамъ, кажется, нѣкоторое утѣшеніе, особенно въ Іерихонѣ. Этотъ городъ, потому ли, что стоялъ на важномъ пунктѣ торговой дороги, или же по случаю своихъ ароматныхъ садовъ и богатыхъ плантацій имѣлъ довольно значительную таможеню. Главный сбор-

щикъ Захей, человѣкъ зажиточный, пожелалъ видѣть Иисуса, и, будучи ростомъ малъ, взобрался для того на сикомору, подлѣ дороги, по которой шла компанія. Иисусъ, тронутый этой наивностію дѣловаго человѣка, захотѣлъ навѣститъ его, хотя и подвергалъ себя чрезъ то порицанію. Въ самомъ дѣлѣ, ропота было не мало на эту честь посѣщенія грѣшнику. Выходя отъ Захея, Иисусъ провозгласилъ своего хозяина добрымъ чадомъ Авраама; а Захей, — какъ на зло ортодоксамъ, — даже сдѣлался святымъ мужемъ: онъ — называютъ — раздалъ половину имущества бѣднымъ и вдвое вознаградилъ ущербъ, учиненный когда либо прежде другимъ. Впрочемъ, это было не единственной радостію Иисуса. При выходѣ изъ города, ницѣй Бартимей потѣшилъ его вдоволь безпрестаннымъ воззваніемъ къ нему; „Сынъ Давидовъ“, не смотря на подлинное его запрещеніе. Кругъ галилейскихъ чудесъ, какъ видно, пораскрылся на минуту въ этой странѣ, характеръ которой представлялъ не мало сходства съ сѣверными провинціями. Прелестный оазисъ Іерихонскій, въ то время превосходно орошенный, безъ всякаго сомнѣнія былъ однимъ изъ самыхъ восхитительныхъ мѣстъ Сиріи. Іосифъ отзывается о немъ съ такою же хвалою, какъ о Галилеѣ и,

также какъ сію послѣднюю, называетъ его „краемъ божественнымъ.“

Отдавъ своимъ посѣщеніемъ родъ дани мѣстамъ своей первой пророческой дѣятельности, Иисусъ возвратился къ своимъ милымъ друзьямъ въ Виванію, гдѣ совершилось въ это время странное событіе, и — какъ кажется — имѣвшее рѣшительное вліяніе на ускореніе развязки его поприща. Наскучивъ непривѣтливостію Іерусалимцевъ къ царствію Божію, ревнители Иисуса пожелали огромнаго чуда, — такого чуда, которое опрокинуло бы навзничь все іерусалимское невѣріе. Всего убѣдительнѣе — по ихъ мнѣнію — могло въ этомъ отношеніи подѣйствовать воскресеніе изъ мертвыхъ какого нибудь общеизвѣстнаго въ Іерусалимѣ человѣка. При этомъ должно помнить, что существенное условіе здоровой критики есть надлежащее пониманіе различія въ характерѣ временъ и нѣкоторое отдѣленіе отъ привычнаго намъ порядка психологическихъ явленій, которымъ мы обязаны чисто раціональному воспитанію. Должно помнить также, что въ этомъ угрюмомъ и педантскомъ городѣ Іерусалимѣ, въ этой врждебной и раздражительной средѣ, Иисусъ уже не всегда могъ совершенно владѣть собою. Не онъ, а люди виноваты въ томъ, что его нравст-

венное чувство утратило часть первоначальной своей чистоты. Доведенный до послѣдней крайности и почти изнемогая подъ бременемъ своего призванія, онъ иногда предоставлялъ себя теченію потока. Раздѣляя въ этомъ случаѣ судьбу всѣхъ великихъ, божественныхъ личностей, онъ скорѣе — можно сказать — подчинялся чудесамъ, которыхъ отъ него требовало общественное мнѣніе, нежели творилъ ихъ. На разстояніи восемнадцати вѣковъ, въ виду единственнаго текста, представляющаго очевидные слѣды поддѣлки, невозможно рѣшить положительно, все ли рассказанное объ этомъ случаѣ есть вымыселъ или же дѣйствительно совершился въ Виеаніи какой нибудь фактъ, послужившій потомъ основою подобныхъ слуховъ. Между тѣмъ нельзя не признаться, что въ оборотѣ рассказа о немъ Іоанна есть что-то глубоко различное отъ рассказовъ о чудесахъ, поражаемыхъ воображеніемъ народнымъ, какими напримѣръ полны синоптики. Въ добавокъ къ тому, Іоаннъ — единственный евангелистъ, имѣющій обстоятельныя свѣдѣнія объ отношеніяхъ Іисуса къ семьѣ Виеанской, и не понятно было бы, какъ порожденіе народной молвы вошло въ раму такихъ личныхъ воспоминаній. Итакъ, весьма правдоподобно, что знаменіе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, не при-

надлежитъ къ чисто легендарнымъ чудесамъ, въ которыхъ нѣтъ отвѣтчика. Короче сказать, мы полагаемъ, что въ Виѳаніи дѣйствительно совершилось нѣчто, выданное за воскресеніе изъ мертвыхъ.

Молва уже приписывала Іисусу два или три дѣла въ этомъ родѣ. Семейю Виѳанскую не трудно было вмѣшать такъ въ желаемое чудо, что она могла ему содѣйствовать, почти сама того не замѣчая. Она боготворила Іисуса. Лазарь, повидимому, былъ боленъ; и даже едва ли не въ слѣдствіе полученной о томъ, отъ встревоженныхъ сестеръ, вѣсти Іисусъ поспѣшилъ возвращеніемъ изъ Перей. Радость о его прибытіи могла оживить Лазаря. Быть можетъ, пламенное желаніе заградить уста дерзкихъ отрицателей божественнаго назначенія ихъ друга, также увлекло этихъ страстныхъ особъ далѣе всѣхъ границъ. Быть можетъ, Лазарь, еще совсѣмъ блѣдный отъ болѣзни, надѣлъ саванъ, далъ себя обвязать пеленами, какъ мертвеца, и отнести въ свою семейную гробницу. Гробницы эти были обширныя, изсѣченныя въ скалахъ палатки, куда входили чрезъ четверугольное отверстіе — закладываемое огромной плитой. Марѳа и Марія вышли изъ Виѳаніи на встрѣчу Іисусу, и, не вводя въ деревню, повели его

прямо къ пещерѣ. Обнаруженное Иисусомъ, на пути къ могилѣ друга, котораго онъ считалъ умершимъ, душевное волненіе могли принять другіе, находившіеся тутъ, за смущеніе, за содроганіе, которымъ сопровождаются чудеса; ибо, по тогдашнему народному понятію, божественная сила должна была дѣйствовать въ человѣкѣ какъ начало эпилептическое и судорожное. Иисусъ (предполагаемъ мы далѣе) пожелалъ видѣть еще разъ бывшего своего любимца; и когда отвалили плиту, то вышелъ Лазарь въ пеленахъ и съ саваномъ на головѣ. Это появленіе, естественнымъ образомъ, всё должны были принять за воскресеніе. Вѣра не знаетъ инаго закона, кромѣ пользы дѣла, которое принимаетъ за истинное. Считая свою цѣль безусловно святою, она безъ всякаго зазрѣнія совѣсти прибѣгаетъ къ подставнымъ доказательствамъ своего положенія, когда подлинныя не удаются. Непрочность одного новаго свидѣтельства вознаграждается въ глазахъ ея прочностію множества другихъ. Если какое нибудь новое знаменіе и не есть действительное чудо, за то сколько было уже прежде чудесъ дѣйствительныхъ! . . . Въ полной увѣренности, что Иисусъ чудотворецъ, Лазарь, Марѳа и Марія могли, изъ усердія, желать сдѣлаться сами помощниками еще одного изъ его

чудесъ, какъ мы уже имѣемъ не одинъ примѣръ людей благочестивыхъ, глубоко убѣжденныхъ въ истинѣ своей религіи, и однакожь старавшихся одолѣть упорное невѣріе другихъ людей такими средствами, слабость которыхъ они сами видѣли. Состояніе ихъ самосознанія было такое же, какъ въ конвульсіонерахъ, въ стигматахъ или въ нѣкоторыхъ юродивыхъ, вовлекающихся, подъ вліяніемъ окружающей среды и собственной вѣры, въ обманчивыя представленія и дѣйствія всякаго рода. Что касается до Іисуса, то онъ имѣлъ не болѣе Св. Бернарда или Франциска Ассизскаго возможности умѣрить жажду толпы и собственныхъ учениковъ къ чудесному.

— Все повидимому заставляеть думать, что въ самомъ дѣлѣ Виаанское чудо много содѣйствовало ускоренію кончины Іисуса. Бывшіе его свидѣтели разошлись разглашать о немъ вездѣ по городу. Ученики описывали это событіе живыми красками, сплетая рассказъ по возможности благопріятнѣе для вѣры въ его подлинность. Другія чудеса Іисуса были случайныя дѣянія, преувеличенныя народною молвою, и о которыхъ за давнимъ ихъ минованіемъ уже перестали говорить. Здѣсь же представлялось событіе подлинно важное, на которое ссылались, какъ на общезвѣстное и которымъ надѣялись со

вершенно заградить уста Фарисеямъ. Враги Иисуса, естественно, приведены были этой молвою въ страшное негодаваніе. Они пытались — говорятъ — убить Лазаря. Преданіе гласитъ, что тогда же старѣйшины священства собрали совѣтъ, и что на этомъ совѣтѣ вопросъ объ Иисусѣ приведенъ былъ въ слѣдующую простую форму: „могутъ ли Иисусъ и іудаизмъ ужиться вмѣстѣ?“ Предложить вопросъ въ этомъ видѣ значило нѣкоторымъ образомъ почти рѣшить его, такъ что Первосвященникъ, безъ всякаго пророческаго дара (которымъ объясняетъ его замѣчаніе евангелистъ) могъ произнести свою убійственную аксіому: „полезно погубить одного чловека за весь народъ.“

„Главнымъ Первосвященникомъ того лѣта“, — говоря языкомъ четвертаго евангелія, превосходно выражающимъ въ этомъ терминѣ уничтоженіе, до котораго дошло въ ту эпоху первосвященство, — былъ Іосифъ Каіафа, опредѣленный на эту должность Валеріемъ Графомъ и весьма преданный римлянамъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Іерусалимъ попалъ въ зависимость отъ прокураторовъ, первосвященническая должность сдѣлалась подверженною смѣнѣ. Отрѣшенія слѣдовали одно за другимъ, почти ежегодно. Каіафа, однакожъ, держался долѣе прочихъ. Онъ вступилъ въ должность въ 25 году,

а лишился ея не прежде, какъ въ 36. О характерѣ его ничего неизвѣстно; но многія обстоятельства заставляютъ думать, что этотъ постъ принадлежалъ ему только по имени. Дѣйствительно, рядомъ съ нимъ и выше его мы встрѣчаемъ всегда другую личность, которая въ этотъ рѣшительный моментъ, повидимому, сохраняла первенствующее вліяніе.

Таковой личностію былъ тестъ Каіафы, Гананъ или Анна, сынъ Сетовъ, старый, отрѣшенный отъ должности Первосвященникъ, который среди безпрестанной смѣны лицъ, официально занимавшихъ этотъ постъ, сохранилъ власть на дѣлѣ. Анна принялъ первосвященство отъ легата Квириція въ 7 году нашей эры, а лишился мѣста въ 14 году, при самомъ началѣ эпохи Тиверія, но остался въ полномъ обладаніи уваженіемъ, приобретеннымъ на этомъ мѣстѣ. Не смотря на отставку, его продолжали называть Первосвященникомъ и совѣтоваться съ нимъ о всѣхъ важныхъ вопросахъ. Въ теченіи цѣлыхъ пятидесяти лѣтъ первосвященнической санъ почти непрерывно оставался принадлежностію его семьи; пять сыновей его, одинъ за другимъ, носили это достоинство, не считая Каіафы, когорый былъ его зятемъ. Сама его семья называлась „первосвященническою“, какъ будто это

звание сдѣлалось въ ней наслѣдственнымъ. Почти все высшія должности въ храмѣ распредѣлялись между ея членами. Была, правда, еще другая семья, которая чередовалась съ семьей Анны въ Первосвященствѣ; это было семейство Бозтуса. Но будучи обязаны своимъ возвышеніемъ дѣлу, не приносившему чести, *Бозтусимы* далеко не пользовались тѣмъ уваженіемъ въ глазахъ набожныхъ гражданъ. Итакъ, дѣйствительнымъ главою священнической партіи былъ Анна. Каіафа ничего не дѣлалъ иначе, какъ по его волѣ; обыкновенно соединяли ихъ имена, и имя Анны даже всегда ставили выше. Въ самомъ дѣлѣ, весьма естественно, что при такой погодной смѣнѣ Первосвященниковъ, и замѣщенія этого поста то тѣмъ, то другимъ, по произволу Прокураторовъ, старый Первосвященникъ, всехъ глубже посвященный въ тайну преданій, видѣвшій столько превратностей судьбы надъ своими преемниками, и съ достаточнымъ вліяніемъ на правительство для сохраненія официальной власти лицамъ, подвѣдомственнымъ ему въ семействѣ, — былъ особою чрезвычайно важной. Какъ вся аристократія храма, онъ принадлежалъ къ сектѣ Саддукеевъ, „отличавшейся — пишетъ Іосифъ — особенной жестокостію въ своихъ приговорахъ.“ Все сыновья его были лютыми го-

нителями. Одинъ изъ нихъ, называвшійся по отцу Гананомъ, велѣлъ побить камнями Иакова, брата Господня, при обстоятельствахъ, нѣсколько сходныхъ съ сопровождавшими смерть Иисуса. Духъ всей семьи былъ надменный, отважный, свирѣпый; въ немъ проглядывала та кичливая и затаенная злоба, которая составляетъ отличительный характеръ іудейской политики. Итакъ, на Анну съ его сообщниками должна падать отвѣтственность за всѣ нижеописанныя дѣла. Анна (или, — если хотите, — партія, сосредоточившаяся въ немъ) убилъ Иисуса. Анна былъ главнымъ двигателемъ всей этой ужасной драмы, а потому ему, гораздо болѣе, нежели Каиафѣ или Пилату, причислуется нести и бремя проклятій, которыя столь щедро сыплеть на нихъ человѣчество.

Въ уста Каиафы евангелистъ влагаетъ рѣшительное слово, вызвавшее смертный приговоръ Иисуса. Предполагалось, что первосвященникъ долженъ обладать, въ нѣкоторой степени, даромъ пророчества, а потому его слово принято христіанскою общиною за прорицаніе, исполненное глубокаго смысла. Но такое слово, — кто бы его ни произнесъ, — было въ мысляхъ всей священнической партіи. Эта партія имѣла рѣшительное отвращеніе ко всякимъ народнымъ смутамъ. Она

старалась всѣми силами сдерживать религіозныхъ энтузіастовъ, предвидя, не безъ основанія, что своими восторженными проповѣдями они доведутъ, наконецъ, націю до совершенной гибели. — Хотя возбужденное Иисусомъ волненіе не заключало въ себѣ ничего мірскаго, однакожъ священники видѣли, что окончательнымъ его послѣдствіемъ будетъ усугубленіе римскаго ига и ниспроверженіе храма, — источника всѣхъ ихъ богатствъ и почестей. Конечно, кромѣ возникавшаго христіанства, были собственно другія обстоятельства, въ которыхъ слѣдуетъ искать причинъ, грозившихъ Іерусалиму разрушеніемъ. Онѣ гнѣздились въ самомъ Іерусалимѣ, а не въ Галилеѣ. Однако же, во всякомъ случаѣ, выраженныя священниками опасенія отнюдь не были до того преувеличены и неправдоподобны, чтобъ видѣть въ нихъ одинъ лишь предлогъ злонамѣренности. Въ общемъ смыслѣ, Иисусъ — еслибъ успѣлъ — непременно причинилъ бы своими идеями гибель іудейской націи. Итакъ, судя съ точки зрѣнія общепризнанной всею древнею политикою, Анна и Каіафа были совершенно правы, восклицая: „лучше умертвить одного человѣка, нежели допустить гибель всего народа.“ Сужденіе, — нынѣ, съ нашей точки зрѣнія, — чудовищное. Но оно было общимъ сужде-

ніемъ всѣхъ консервативныхъ партій отъ самаго начала человѣческихъ обществъ. Партія стараго порядка (я беру здѣсь это выраженіе въ смыслѣ узкомъ, мелкомъ) всегда была въ сущности одна и таже. Воображая, что вся тайна искусства правоправить обществомъ состоитъ въ подавленіи народныхъ волненій, она считаетъ себя дѣйствующею подлинно патріотически, когда предупреждаетъ смутное, беспорядочное кровопролитіе, чиннымъ и порядочнымъ юридическимъ смертоубійствомъ. Мало заботясь о будущемъ, она не думаетъ того, что объявляя войну всякому начинанію, она можетъ задѣть, попортить такую идею, которой суждено впослѣдствіи торжествовать. Смерть Іисуса была однимъ изъ тысячи образчиковъ примѣненія этой политики къ дѣлу. Конечно, движеніе, которымъ онъ руководилъ, было чисто духовное; однакожъ это было движеніе: и, по этому уже самому, ревнители порядка, полагающіе, что для человѣчества главное — не двигаться, должны были спѣшить сопротивленіемъ, дабы общество не заразилось новымъ духомъ. Нельзя представить себѣ примѣра болѣе разительнаго, чтобъ видѣть всю тщету и безразсудство такой системы дѣйствія. Оставленный въ покоѣ, Іисусъ истощился бы въ отчаянной борьбѣ съ невозможнымъ. Несмѣтливая ненависть враговъ увѣн-

чала его дѣло успѣхомъ и запечатлѣла его божественность.

Итакъ, смерть Итуса была рѣшена въ Февралѣ или началѣ Марта. Но Иисусъ не являлся еще нѣкоторое время. Онъ ушелъ въ Ефраинъ или Ефронъ, малоизвѣстный городокъ, стоявшій со стороны Бетеля, верстахъ въ тридцати отъ Иерусалима, и тамъ жилъ нѣкоторое время съ учениками, чтобъ дать между тѣмъ бурѣ время разсѣяться. Но въ Иерусалимѣ уже былъ данъ приказъ схватить его, какъ только онъ тамъ появится вновь. Наступала Пасха; и всѣ ожидали, что Иисусъ, по обыкновенію, придетъ туда на праздникъ.

ГЛАВА XX.

Предсмертная недѣля.

Онъ дѣйствительно отправился съ учениками еще разъ навѣстить невѣрующій городъ. Уповація его спутниковъ становились все восторженнѣе. Всѣ думали, плетясь къ Іерусалиму, что тамъ немедленно развернется Божіе царствіе. Такъ какъ нечестіе людей достигло уже крайнихъ предѣловъ, то это было важнымъ знаменіемъ близости конца временъ. Увѣренность ихъ была до того наивна, что они даже спорили о первенствѣ мѣстъ въ новомъ царствѣ. Въ одну изъ этихъ-то минутъ Салома — говорятъ — стала выпрашивать два самыхъ первыхъ мѣста своимъ двумъ сыновьямъ. Учитель между тѣмъ, съ стѣсненнымъ сердцемъ, предавался тяжелой думѣ. Порою порывалась съ устъ его угрюмая досада на враговъ. Помышляя объ нихъ, онъ рассказалъ притчу про благодар-

наго господина, отпавившагося для принятія царства въ далекія страны, но отвергнутаго между тѣмъ согражданами лишь только онъ успѣлъ уѣхать. Царь возвращается, требуетъ къ себѣ отречшихся и всѣхъ ихъ предаетъ смерти. Порою онъ разрушалъ разомъ всю игру воображенія учениковъ. Между тѣмъ, какъ честная компанія подвигалась впередъ, отмѣривая шаги по каменистой дорогѣ съ сѣверной стороны Иерусалима, Иисусъ, задумчивый и мрачный, шелъ впереди прочихъ. Всѣ молчали, поглядывая на него съ какимъ-то чувствомъ страха и не отваживаясь на вопросы. Уже не разъ, въ бесѣдѣ съ ними, онъ касался своихъ будущихъ страданій, что всякій разъ ихъ до крайности озадачивало. Наконецъ, Иисусъ заговорилъ прямо и, не скрывая болѣе своихъ предчувствій, объявилъ, что приближается его кончина. Несказанное горе объяло всѣхъ. Ученики уже посматривали было въ облака, не появилось ли знаменіе. Уже съ кликами радости они приготовлялись было пѣть свое условное привѣтствіе вѣрныхъ: „благословенъ грядущій во имя Господне!“ Такое крутое разочарованіе ихъ совсѣмъ смущало. На каждомъ шагу роковаго пути царствіе Божіе то представлялось имъ почти передъ глазами, то уходило въ даль, какъ призракъ сновидѣнія.

Что до него касается, то онъ былъ твердъ въ своей мысли, что смерть ждетъ его, но что эта смерть будетъ спасеніемъ человѣчеству. Недоразумѣніе между нимъ и учениками проявлялось по минутно.

Странники обыкновенно приходили въ Иерусалимъ на Пасху за нѣсколько дней до праздника, дабы имѣть время приготовиться къ нему. Иисусъ въ сравненіи съ другими, позамѣшкался, и враги начали терять уже надежду схватить его. За шесть дней до Пасхи (въ субботу, 8 Нисана = 28 Марта) онъ достигъ, наконецъ, Вифаніи, и остановился по привычкѣ у Лазаря, Марѳы и Маріи, то-есть въ домѣ Симона Прокаженнаго. Его приняли тамъ нарядно. У Симона былъ обѣдъ, и множество собралось гостей, желавшихъ видѣть Иисуса, а также посмотрѣть на Лазаря, о которомъ слышали въ послѣднее время такое диво. Лазарь сидѣлъ тутъ же за столомъ и привлекалъ къ себѣ, казалось, преимущественно вниманіе всѣхъ. Прислуживала, какъ обыкновенно, Марѳа. Хозяевамъ повидимому пришло на мысль, — усугубленіемъ внѣшняго почета возбудить особое вниманіе присутствующихъ къ Иисусу и рѣзко отличить передъ другими высокое достоинство этого посѣтителя. Марія, чтобъ украсить еще болѣе пиръ, вошла во

время обѣда съ наполненною ароматами вазою, и полила ими ноги Іисусу; потомъ разбила вазу по старинному обычаю, предписывавшему разбивать посуду, употребленную для чествованія весьма значительнаго гостя. Наконецъ, простирая выраженіе благоговѣнія до крайности дотолѣ неизданной, она припала ницъ и длинными своими волосами отерла ноги учителю. Весь домъ наполнился благоуханіемъ къ явному удовольствію всѣхъ, за исключеніемъ лишь одного нетароватаго Іуды Керіотскаго. Сравнительно съ той экономіей, которая обыкновенно соблюдалась въ общинѣ Іисуса, это казалось въ самомъ дѣлѣ немалой расточительностію. Скупой казначей разсчиталъ въ одинъ мигъ, чего ароматы стоятъ, и если продавать, то сколько отъ ихъ продажи могло бы выручиться въ кассу бѣдныхъ. Іисусу не понравилось это холодное замѣчаніе, невыражавшее исключительной ему преданности. Онъ любилъ знаки вниманія, ибо они служили на пользу его дѣла и къ утвержденію его титула „Сынъ Давидовъ“; а потому, на возраженіе о бѣдныхъ, онъ отвѣчалъ съ нѣкоторой живостію: „бѣдные всегда будутъ съ вами, но не всегда буду съ вами я“, — и въ порывѣ увлеченія обѣщалъ женщинѣ, выказавшей ему столько

привязанности въ этотъ критическій моментъ, безсмертіе.

На другой день (въ воскресенье, 9-го Нисана) Іисусъ пошелъ изъ Виваніи въ Іерусалимъ. Когда, при поворотѣ дороги, онъ поднялся на вершину горы Элеонской, и передъ нимъ раскинулся видъ города, то — говорятъ — онъ прослезился и произнесъ опять нѣсколько словъ скорбнаго воззванія. У подошвы горы, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ городскихъ воротъ, при входѣ въ примыкавшій къ восточной стѣнѣ города округъ, называвшійся *Вивсагіей*, вѣроятно по бывшимъ тамъ плантаціямъ фиговыхъ деревьевъ, довелось ему еще разъ удовлетвориться на минуту людскимъ вниманіемъ и славословіемъ. Когда распоространился слухъ, что онъ собирается въ городъ, то богомольцы, пришедшіе изъ Галилеи въ Іерусалимъ на праздникъ, въ восторгѣ пошли встрѣчать его и приготовили ему маленькій триумфъ. Привели къ нему ослицу, съ обыкновеннымъ спутникомъ ея осленкомъ. Галилеяне раскинули лучшіе свои покровы, вмѣсто чапрака, на спинѣ смирнаго животнаго, и посадили Іисуса; нѣкоторые, между тѣмъ, разстилали по дорогѣ свои одежды и осыпали предъ нимъ путь зелеными вѣтками. Толпа, шедшая съ нимъ и впереди и сзади, съ пальмами въ рукахъ, вос-

кликала: „Осанна сыну Давидову! Благословенъ грядущій во имя Господне!“ Иные даже провозглашали его царемъ Израильскимъ. „Рабби, заставъ же ихъ умолкнуть“, говорили ему Фарисеи. — „Когда они умолкнутъ, то камни возопіютъ“, отвѣчалъ Иисусъ, и вступилъ въ городскія ворота. Иерусалимскіе жители, большею частію почти незнавшіе его, спрашивали: „что это за человѣкъ?“ — „Это Иисусъ, пророкъ изъ Назарета Галилейскаго“, — отвѣчали имъ. Населеніе Иерусалима простиралось, въ то время, до 50,000 душъ. Маленькое приключеніе такого рода, какъ прибытіе сколько нибудь замѣчательнаго странника, или торжественное шествіе значительнаго скопища провинціаловъ, или даже просто шумное стеченіе народа на подѣзжей дорогѣ, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, непременно разгласилось бы тотчасъ. Но во время праздниковъ въ городѣ была чрезвычайная суматоха. Иерусалимъ, въ эти дни, былъ запруженъ пришельцами. А потому на сихъ послѣднихъ зрѣлище произвело, кажется, самое живое впечатлѣніе. Подстрекаемые любопытствомъ, нѣкоторые изъ прибывшихъ на праздникъ новообращенныхъ еленовъ (т. е. говорившихъ по гречески) желали видѣть Иисуса. Они обратились къ его ученикамъ; за подлинное неизвѣстно, какія

послѣдствія вышли изъ этого свиданія. Что касается до Иисуса, то по обыкновенію онъ провелъ ночь въ Виваніи. Въ три слѣдующіе затѣмъ дня (понедѣльникъ, вторникъ и среду) онъ равнымъ образомъ приходилъ въ Іерусалимъ, а послѣ заката солнца отправлялся или въ Виванію, или же къ фермамъ западнаго склона Элеонской горы, гдѣ было у него много друзей.

По всему видно, что въ эти послѣдніе дни душою Иисуса, обыкновенно столь восторженною и свѣтлою, овладѣла глубокая грусть. Всѣ дошедшія до насъ повѣствованія единогласно утверждаютъ, что передъ самымъ наступленіемъ ареста онъ имѣлъ минуту нерѣшительности, смущенія, какой-то внутренней борьбы. По сказанію однихъ, онъ вдругъ воскликнулъ: „Возмутилась душа моя. Отецъ, спаси меня отъ часа сего.“ Показалось, будто голосъ отозвался въ эту минуту съ неба; а другіе увѣряли, что ангелъ предсталъ ему для утѣшенія. По другому сказанію, пользовавшемуся весьма большимъ уваженіемъ, это случилось въ саду Геосиманскомъ. Иисусъ, — говорятъ, — отошелъ отъ заснувшихъ учениковъ на небольшое разстояніе (не далѣе того, на какое можетъ отлетѣть брошенный горизонтально камень) въ сопровожденіи лишь Кефаса и двухъ сыновъ Зеведее-

выхъ, и тамъ, припавъ лицомъ къ землѣ, молился. Душа его была, какъ въ смертельной агоніи, прискорбна; мучительная тоска снѣдала его; но его преданность божественной волѣ превозмогла. Искусство своего рода, руководившее редакціей синоптиковъ, и заставлявшее ихъ часто изображать распределеніе повѣствуемыхъ событій съ умѣстностію и эффектомъ, относить эту сцену къ послѣдней ночи Іисуса, къ самому моменту его арестованія. Если положиться на этотъ оборотъ сказанія, то нельзя понять, почему Іоаннъ, — который былъ довѣреннымъ свидѣтелемъ столь патетическаго эпизода, — почему Іоаннъ, въ своемъ весьма обстоятельномъ описаніи четверговаго вечера, не упоминаетъ объ немъ ни полслова. Положительно утвердить можно только то, что въ теченіи послѣднихъ дней жизни, подъ страшнымъ бременемъ принятаго на себя призванія, Іисусъ жестоко страдалъ. Пробудилась человѣческая природа. Можетъ быть, пробилось изъ нея на минуту сомнѣніе въ разумности всего дѣла. Ужась, колебаніе, овладѣвъ имъ, повергали его въ уныніе хуже мученій смерти. Кто принесъ свой покой и самыя справедливыя права на удовольствіе въ жизни въ жертву великой идеѣ, тому всегда нѣсколько сгрустнется о прошедшемъ въ ту минуту,

когда впервые образъ смерти начнетъ осаждать его мысль и принудить къ убѣжденію, что въ мірѣ все есть суета суетствій. Быть можетъ, въ эту минуту зашевелились въ немъ кое-какія изъ тѣхъ чувственныхъ воспоминаній, которыя въ сильныхъ характерахъ живутъ долго, неизгладимо, и проникаютъ ихъ, по временамъ, до глубины души. Не вспомнилъ ли онъ свѣтлыхъ галилейскихъ ключей, у которыхъ могъ освѣжиться, — садовъ виноградныхъ и фиговыхъ, среди которыхъ когда-то могъ благополучно отдыхать, — и дѣвъ прекрасныхъ, которыя могли бы согласиться полюбить его? Не возропталъ ли онъ на свой суровый жребій, отказавшій ему въ радостяхъ, позволенныхъ другимъ? Не пожалѣлъ ли онъ, въ эту минуту, о слишкомъ высокихъ дарахъ своей природы, заставившихъ его сдѣлаться жертвою своего величія, вмѣсто того, чтобъ остаться въ Назаретѣ простымъ ремесленникомъ? Кто знаетъ? — Разумѣется, все это внутреннее волненіе осталось для его учениковъ мертвой буквою. Они не могли понять его, и пополнили какъ умѣли, своими простодушными догадками, все, что находили темнымъ въ великой душѣ учителя. Во всякомъ случаѣ, извѣстно по крайней мѣрѣ, что весьма скоро въ этой борьбѣ взяла верхъ божественная его природа. Онъ могъ

еще избѣгнуть смерти, но не хотѣлъ. Превозмогла любовь къ своему дѣлу. Чашу свою онъ согласился допить до дна. Съ этого момента, въ самомъ дѣлѣ, Иисусъ опять является намъ въ полномъ свѣтѣ своемъ, свѣтѣ безоблачномъ. Забыты утонченность полемика, суевѣріе чудотворца и заклинателя. Отселѣ видимъ въ немъ лишь несравненнаго героя страсти, основателя правъ свободной совѣсти и законченный образецъ для всѣхъ страдалцевъ, ищущихъ духовной крѣпости и утѣшенія.

Тріумфальное шествіе въ Виесфагіи, эта дерзкая затѣя провинціаловъ праздновать пришествіе своего царя-Мессіи у самыхъ воротъ Іерусалима, довершило ожесточеніе Фарисеевъ и храмовой аристократіи. Въ среду (12 Нисана) опять было, у Іосифа Каиафы, собраніе священническаго совѣта, на которомъ опредѣлено схватить немедленно Иисуса. Въ основаніи всѣхъ принятыхъ къ тому мѣръ былъ строгій порядокъ и попечительная о благоустройствѣ полиція. Главное, надобно было избѣгнуть всякаго столкновенія. Такъ какъ праздникъ Пасхи, въ этомъ году, начинался въ пятницу вечеромъ и былъ именно порою самаго многочисленнаго скопища и суматохи, то положили устроить дѣло ранѣе. Иисусъ имѣлъ друзей въ народѣ; опасались какого

нибудь сопротивленія, безчинства. А потому и велѣно было исполнить это не позже, какъ въ слѣдующій же день, въ четвергъ. При чемъ Совѣтъ опредѣлилъ: отнюдь не совершать ареста въ храмѣ, гдѣ Иисусъ бывалъ каждый день, а, развѣдавъ напередъ подъ рукою его образъ жизни, схватить его вдругъ гдѣ нибудь, въ отдаленномъ мѣстѣ. Агенты священнической полиціи стали присматриваться къ ученикамъ, нельзя ли черезъ ихъ простоту или безсиліе вывѣдать какихъ нибудь полезныхъ для дѣла свѣдѣній. Они нашли, чего искали, въ Іудѣ Керіотскомъ. Этотъ несчастный, — невозможно понять по какимъ причинамъ, — рѣшился измѣнить своему учителю, далъ всѣ требуемыя указанія, и даже взялся самъ (хотя столь крайняя степень низости едва ли вѣроятна) проводить отрядъ, командированный къ его арестованію. Очень можетъ быть, что какое нибудь ненавистное воспоминаніе, причиненное или глупостію или недоброжелательствомъ этого человѣка, имѣвъ вліяніе на христіанское преданіе, породило тутъ нѣкоторое преувеличеніе. Іуда былъ дотошъ ученикомъ, какъ и прочіе; онъ даже носилъ имя апостола, творилъ чудеса и изгонялъ бѣсовъ. Легенда, вездѣ предпочитаемая рѣзкія краски, не могла, конечно, иначе представить Св. Вечери, какъ съ одиннадцатію свя-

тыми и однимъ отверженнымъ. Но дѣйствительная жизнь не допускаетъ столь безусловно строгихъ раздѣловъ. Корыстолюбіе, въ которомъ синоптики видятъ единственное побужденіе къ означенному преступленію, недостаточно для его объясненія: ибо все же странно, что человѣкъ, завѣдывавшій кассою, и знавшій чего лишается смертію учителя, согласился промѣнять выгодное мѣсто на незначительную сумму денегъ. Или, можетъ быть, самолюбіе Іуды оскорбилось загвоздкой, полученной на Виѳанскомъ обѣдѣ? Но и этого еще недостаточно. Іоаннъ видимо хотѣлъ бы изъ него сдѣлать отъявленнаго мошенника и невѣра отъ самаго начала, что не имѣетъ ни малѣйшаго вида правдоподобія. Скорѣе же можно повѣрить какому нибудь чувству ревности, какому нибудь возникшему въ общинѣ несогласію. Особенная ненависть, которую Іоаннъ показываетъ къ Іудѣ, служить подтвержденіемъ этого предположенія. Не столь чистосердечный, какъ другіе, Іуда, безъ сомнѣнія, самъ того не замѣчая, понялъ свою должность въ смыслѣ слишкомъ узкомъ, мелкомъ. Одна изъ превратностей сужденія, весьма часто встрѣчающихся въ извѣстныхъ отрасляхъ внѣшней дѣятельности, довела его, можетъ быть, до того, что онъ интересы кассы сталъ ставить выше самаго дѣла, для кото-

раго она была предназначена. Въ немъ чувство кассира превозмогло надъ чувствомъ апостольскимъ. Судя по вырвавшемуся у него, въ Виваніи, замѣчанію, ему — должно быть — по временамъ казалось, что учитель обходится своей духовной семьѣ слишкомъ дорого. Безъ сомнѣнія, столь скредная экономія не разъ и кромѣ этого случая причиняла въ общинѣ неудовольствія.

Итакъ, — не отвергая того, что Іуда Керіотскій содѣйствовалъ арестованію своего учителя, — мы полагаемъ, что проклятія, которыми столь нещадно громятъ его, не совсѣмъ справедливы. Быть можетъ, все, что онъ сдѣлалъ, происходило болѣе отъ безразсудной поспѣшности, нежели отъ вѣроломства. Нравственное самосознаніе простолюдина живо и вѣрно, но нетвердо, неустойчиво. Оно не въ состояніи противиться минутному увлеченію. Такъ, тайныя общества республиканской партіи всегда заключали въ своихъ нѣдрахъ много глубокаго убѣжденія и искренности, однакожь не смотря на то, между ними оказывалось немало доносчиковъ. Иногда достаточно было легкаго неудовольствія, чтобъ изъ сообщника сдѣлать предателя. Но ежели неугомонная забота о стяжаніи нѣсколькихъ монетъ и тревожило бѣднаго Іуду до такой степени, что вскружила ему голову, то нѣтъ, по

крайней мѣрѣ, повода къ заключенію, чтобъ нравственное его чувство было совсѣмъ заглушено; ибо, увидѣвъ послѣдствія своего поступка, онъ раскаялся, и — говорятъ — причинилъ себѣ самъ смерть.

Каждая минута описываемаго нами теперь остатка дней Иисуса имѣетъ торжественную важность и значила болѣе, нежели цѣлые вѣка въ исторіи человѣчества. Мы остановились на четвергѣ 13 Нисана (2 Апрѣля). Въ слѣдующій вечеръ начинался праздникъ Пасхи трапезой, за которою вкушали агнца, и долженъ былъ продолжаться еще семь дней, въ теченіи которыхъ ѣли опресноки. Первый и послѣдній изъ этихъ дней отличались особеннымъ характеромъ торжественности. Ученики уже начинали приготовляться къ празднику. Что касается до Иисуса, то — надобно полагать — онъ зналъ уже измѣну Іуды и предугадывалъ ожидавшую его участь. Въ вечеру сидѣлъ онъ за трапезою въ послѣдній разъ. Это не была обрядовая трапеза Пасхи, какъ заключили впоследствии, допустивъ ошибку въ днѣ; но въ глазахъ первоначальной церкви четвергевый ужинъ былъ прямою пасхою своего рода, печатью новаго союза. Къ нему относилъ каждый изъ учениковъ самыя драгоценныя свои воспоминанія; и много трогатель-

ныхъ чертъ учителя, хранившіяся въ памяти того или другаго, сложены всё на эту вечерю, которая сдѣлалась краеугольнымъ камнемъ христіанскаго благочестія и исходною точкою самыхъ плодотворныхъ учреждений.

Безъ всякаго сомнѣнія въ этотъ моментъ сердце Иисуса было дѣйствительно переполнено той любовью, которую онъ вообще питалъ къ окружавшей его маленькой церкви. Его свѣтлой и могучей душѣ было легко, не смотря на тяжесть осаждавшихъ его мрачныхъ предчувствій. Каждому изъ своихъ друзей онъ умѣлъ сказать слово привѣта. Двое изъ нихъ, Іоаннъ и Петръ, были особеннымъ предметомъ его нѣжнаго вниманія. Іоаннъ (такъ увѣряетъ, по крайней мѣрѣ, онъ самъ) возлежалъ подлѣ учителя, поникнувъ головою на грудь его. Къ концу ужина, тайна, тяготившая сердце Иисуса, едва не вырвалась у него съ устъ: „истинно, говорю вамъ, одинъ изъ васъ предастъ меня“, воскликнулъ онъ. Простодушные собесѣдники обомлѣли отъ страха, и въ недоумѣніи озираясь между собою, размышляли въ тоже время каждый о себѣ. Іуда былъ тутъ же; быть можетъ, Иисусъ, имѣя съ нѣкотораго времени свои причины подозрѣвать его, думалъ этимъ словомъ вызвать невольное сознаніе вины въ его взорахъ, въ смущенномъ его

видѣ. Однакоже, невѣрный не смутился и до такой степени владѣлъ собою, что даже — говорятъ — осмѣлился спросить, какъ прочіе: „неужли я, рабби?“

Между тѣмъ Петръ, душа открытая и добрая, былъ точно въ пыткѣ. Онъ подалъ Іоанну знакъ, чтобъ тотъ добился отъ учителя, о комъ онъ говоритъ. Іоаннъ, сидѣвшій столь близко, что могъ перешепнуться съ Іисусомъ тихомолкомъ отъ другихъ, спросилъ, что это значитъ. Іисусъ, по простому подозрѣнію, не хотѣлъ произнести никакого имени; но, вѣдѣ за тѣмъ, велѣлъ Іоанну обратить вниманіе на того, кому онъ подастъ омоченный кусокъ хлѣба; въ тоже время, помочивъ хлѣбъ, онъ подалъ его Іудѣ. Іоаннъ и Петръ одни только и знали объ этомъ эпизодѣ. Іисусъ сказалъ Іудѣ при этомъ случаѣ нѣсколько словъ вопіющей укоризны, которой однакожъ никто изъ присутствовавшихъ не понялъ. Они думали, что Іисусъ приказываетъ ему поспѣшить покупками для праздника; а Іуда вышелъ.

Этотъ ужинъ въ тотъ моментъ, когда совершался, ни для кого не имѣлъ особенной важности; и ничего необыкновеннаго на немъ не случилось, кромѣ выраженія, со стороны учителя, своихъ предчувствій ученикамъ, да и то не вполне понятаго ими. Но по смерти Іисуса этому вечеру дали вы-

соко-торжественный смыслъ, и фантазія вѣрующихъ окружила его какимъ-то тихимъ мерцаніемъ таинственности. Наше воспоминаніе о близкой намъ особѣ всегда прилѣпляется больше всего къ послѣднимъ минутамъ нашего съ нею пребыванія. Силою неминуемаго самообольщенія, мы сообщаемъ тогдашнимъ съ нею бесѣдамъ таковой смыслъ, который онѣ могли собственно получить только черезъ смерть ея: и въ нѣсколькихъ часахъ сливаются, такимъ образомъ, воспоминанія многихъ лѣтъ. Большая часть учениковъ, послѣ упомянутаго ужина, уже не видалась болѣе съ учителемъ. Это былъ ихъ прощальный столъ. За нимъ, какъ не разъ и прежде за общою трапезой, Іисусъ употреблялъ свой знаменательный обрядъ преломленія хлѣба. Такъ какъ уже съ раннихъ временъ христіанства стали думать, что эта вечеря совершилась въ самый день Пасхи и была вечерей пасхальной, то естественнымъ образомъ возникла мысль, что установленіе евхаристіи относится къ этому важному моменту. Основываясь на томъ предположеніи, что Іисусъ заранѣе зналъ съ совершенной точностію минуту своей смерти, ученики должны были придти къ заключенію, что онъ хотѣлъ освятить послѣдніе свои часы множествомъ важныхъ дѣяній. Впрочемъ, такъ какъ одна изъ основныхъ идей перваго христ-

іанскаго общества состояла въ томъ, что смерть Іисуса была жертвою, замѣняющею жертвы вѣтхозавѣтныя, то „вечера“, — которою считали совершившеюся всего только одинъ разъ, и именно наканунѣ Страстнаго дня, — сдѣлалась жертвою по преимуществу, установительнымъ актомъ новаго союза, знаменіемъ крови, пролитой для спасенія всѣхъ. Такимъ-то образомъ хлѣбъ и вино, представленные въ связи съ самою смертію, обратились въ символъ новаго Завѣта, запечатлѣннаго страданіями Іисуса, въ знакъ воспоминанія о принесенной Христомъ жертвѣ, впредь до вторичнаго егo пришествія.

Съ весьма ранней поры изъ этихъ элементовъ произошло учрежденіе таинства и установилось въ небольшомъ разсказѣ, дошедшемъ до насъ въ четырехъ весьма сходныхъ между собою видахъ. Между тѣмъ Іоанну, который весь проникнутъ, до глубины души, идеею евхаристіи и который описываетъ послѣдній ужинъ съ такой подробностію, съ такимъ множествомъ разнородныхъ обстоятельствъ и рѣчей, — Іоанну, который одинъ изъ всѣхъ евангелистовъ и имѣетъ, въ этомъ случаѣ, достоинство очевидца, этотъ разсказъ вовсе не извѣстенъ. Достаточно доказательство, что онъ не считалъ учрежденія евхаристіи особенностію послѣдней вечера. По смыслу его разсказа, характеристическій

обрядъ этой вечера есть омовеніе ногъ. Весьма вѣроятно, что между первыми христіанами въ нѣкоторыхъ семействахъ сей послѣдній обрядъ также имѣлъ важное значеніе, утраченное впоследствии. Безъ сомнѣнія, Иисусъ при нѣкоторыхъ случаяхъ употреблялъ омовеніе ногъ для того, чтобъ собственнымъ примѣромъ давать ученикамъ урокъ братскаго вниманія и взаимнаго смиренія другъ передъ другомъ. Обрядъ этотъ отнесенъ также къ предсмертному дню, въ слѣдствіе общепринятаго направленія группировать около послѣдней вечера всѣ важнѣйшія нравственныя и ритуальныя правила Иисуса.

Впрочемъ, душою всѣхъ воспоминаній, какія соединяло христіанское преданіе съ послѣдними часами учителя, было высокое чувство любви, единодушія, благотворительности и взаимной преданности. Единство церкви, установленной самимъ имъ или духомъ его, всегда было въ основѣ всѣхъ символовъ и рѣчей, какіе относились къ этому священному моменту: „Заповѣдь даю вамъ новую, говорилъ онъ: любить другъ друга, какъ любилъ васъ я. Да разумѣютъ всѣ, что вы мои ученики по той примѣтѣ, что вы другъ друга любите. Отнынѣ я уже не называю васъ рабами, ибо рабъ не знаетъ, что творитъ господинъ его; а называю васъ

друзьями, ибо сообщилъ вамъ все, что слышалъ отъ Отца. Мое велѣніе состоитъ въ томъ, чтобъ вы другъ друга любили.“ Въ эту послѣднюю минуту возникли опять между учениками какіе-то споры о первенствѣ. Иисусъ обратилъ ихъ вниманіе на то, что если онъ, учитель, былъ между учениками своимъ, какъ слуга ихъ, то тѣмъ паче они должны подчиняться другъ другу. По увѣренію другихъ, осушая чашу, онъ сказалъ еще: „не вкушать мнѣ болѣе отъ этого плода лозаго до того дня, когда буду пить его съ вами въ новомъ видѣ, въ царствіи Отца моего.“ Нѣкоторые утверждаютъ, будто онъ обѣщалъ имъ въ скоромъ времени пиръ небесный, за которымъ они возсядутъ рядомъ съ нимъ на престолахъ.

Кажется, подъ конецъ вечера, мрачныя предчувствія Иисуса сообщились и ученикамъ. Всѣ догадывались, что учителю грозитъ какая нибудь серьезная опасность, и что бѣда близка. На минуту Иисусъ подумалъ о мѣрахъ предосторожности, молвилъ о мечехъ. Ихъ оказалось, во всей компаніи, два. „И довольно“ — отвѣчалъ онъ. Послѣ чего уже болѣе этой мыслию не занимался, разумѣется видя, что робкимъ провинціаламъ не совладать съ вооруженной силою великихъ властей Иерусалима. Кефасъ, въ порывѣ отваги и самона-

дѣянности, клялся, что готовъ съ нимъ идти хоть въ темницу, хоть на смерть. Иисусъ, съ свойственной ему проницательностію, выразилъ нѣкоторое сомнѣніе. По преданію, которое вѣроятно началось отъ самаго Петра, онъ отложилъ удостовѣреніе до первой поры пѣнія пѣтуха. Всѣ другіе, какъ и Кефасъ, восклицали, что не оставятъ учителя ни въ какомъ случаѣ.

ГЛАВА XXI.

Арестованіе Іисуса и процесъ его.

Когда вышли изъ трапезы, то на дворѣ уже было совсѣмъ темно. Іисусъ, по обыкновенію, прошелся по долинѣ Кедронской, зашелъ съ учениками въ Геесиманскій садъ, у подошвы горы Элеонской, и тамъ сѣлъ. Во всемъ безмѣрно превосходя своихъ друзей, онъ бодрствовалъ и молился, а они подлѣ него спали, какъ вдругъ показалась, при свѣтѣ факеловъ, вооруженная толпа. Это были храмовые стражи, снабженные жезлами, — родъ полицейской команды (которую представлялось имѣть еврейскимъ священникамъ), — а за ними, въ подкрѣпленіе, отрядъ римскихъ солдатъ съ мечами. Арестованіе совершалось именемъ Главнаго Первосвященника и Сангедрина. Зная образъ жизни Іисуса, Іуда нарочно выбралъ это мѣсто, потому что здѣсь всего легче было

застать его въ расплохъ. По единогласному преданію первоначальныхъ христіанъ, Іуда сопровождалъ отрядъ лично, и даже — увѣряютъ нѣкоторые — имѣлъ безсовѣстность ознаменовать свое вѣроломство лобзаніемъ. — Какъ бы то ни было, и каковъ ни былъ послѣдующій оборотъ дѣла, а положительно извѣстно, что сначала возникло сопротивленіе со стороны учениковъ. Одинъ изъ нихъ (по свидѣтельству очевидцевъ — Петръ) обнажилъ шпагу и ранилъ въ ухо Малха, первосвященническаго служителя. Іисусъ остановилъ его на этомъ первомъ движеніи и предоставилъ себя самъ въ руки солдатъ. Числомъ слабые, и не надѣясь выдержать борьбы, особенно съ такими бѣдовыми властями, они мгновенно обратились въ бѣгство и разсѣялись. Только Петръ и Іоаннъ не теряли учителя изъ виду. Еще какой-то неизвѣстный юноша шелъ за нимъ, одѣтый легкою туникой. Его хотѣли задержать; но юноша далъ тягу, оставивъ въ рукахъ стражей свою тунику.

Священники опредѣлили вести слѣдственное дѣло противъ Іисуса, въ строго правильномъ порядкѣ, на точномъ основаніи установленныхъ законовъ. Порядокъ слѣдствія и суда противъ „прельстителя“ (mesith), покушающагося подвергать сомнѣнію чистоту религіи, изображенъ въ тал-

мудѣ съ такими подробностями, наивному безстыдству которыхъ нельзя подчасъ не улыбнуться. Юридическое предательство въ немъ сдѣлано существенною частію уголовнаго слѣдопроизводства. Когда кто либо обвиненъ въ такого рода „прельстительномъ ученіи“, то подсылаются тайкомъ два свидѣтеля, которыхъ сажаютъ за перегородку; а между тѣмъ обвиненнаго стараются привлечь въ смежную комнату, такъ чтобы оба свидѣтеля могли его слышать, не будучи сами замѣчены имъ. Передъ нимъ зажигаютъ двѣ свѣчи, дабы утвердительно можно было сказать, что свидѣтели „его видѣли“. Тогда подстрекаютъ его повторить свое кощунство. Уговариваютъ отступить отъ своихъ словъ; и если онъ упорствуетъ, то къ нему выходятъ подслушавшіе его свидѣтели, ведутъ его въ судилище и побиваютъ камнями. Талмудъ присовокупляетъ, что эта именно процедура и была употреблена противъ Іисуса, что онъ былъ обвиненъ въ силу показанія двухъ подсланныхъ свидѣтелей, что впрочемъ „прелъщеніе въ религіи“ есть единственное преступленіе, противъ котораго ставятъ свидѣтелей такимъ образомъ.

Ученики Іисуса сообщаютъ намъ, что въ самомъ дѣлѣ взведенная на ихъ учителя вина со-

стояла въ „прельщеніи“, и — за исключеніемъ какихъ нибудь ничтожныхъ мелочей, вымышленныхъ раввинами — встрѣчаемое въ евангеліяхъ повѣствованіе изъ черты въ черту соотвѣтствуетъ описанной въ талмудѣ процедурѣ. Планъ враговъ Иисуса состоялъ въ томъ, чтобы, уличивъ его, черезъ показанія свидѣтелей и собственное признаніе, въ кощунствѣ и покушеніи противъ религіи Моисея, приговорить его къ смерти по закону, а потомъ представить приговоръ на утвержденіе Пилату. Священническая власть, какъ мы уже видѣли, сосредоточивалась на дѣлѣ вся въ рукахъ Анны. Конечно и самый приказъ о взятіи подъ стражу данъ былъ имъ. Итакъ, къ этой-то всемогущей личности и повели прежде всего Иисуса. Анна спросилъ его, въ чемъ состоитъ его ученіе и кто его ученики. Иисусъ, съ справедливымъ чувствомъ достоинства, не хотѣлъ пускаться въ длинныя объясненія. Онъ сослался на свои проповѣди, которыя преподавалъ публично; объявилъ, что никогда ничему не училъ втайнѣ, и предложилъ его бывшему Высокопреосвященству отнестись съ этимъ вопросомъ къ тѣмъ, которые его слушали. Такой отвѣтъ былъ совершенно натураленъ; но при чрезмѣрномъ подобоострастіи, окружавшемъ стараго Первосвященника, эта рѣчь И-

суса показалась дерзкою; одинъ изъ тутъ стоявшихъ прервалъ его — говорятъ — пощечиною.

Петръ и Иоаннъ сопровождали учителя издали до самаго жилища Анны. Иоаннъ, котораго въ домѣ знали, вошелъ туда безъ затрудненія; но Петра, при входѣ, остановили, и только по ходатайству Иоанна привратница, наконецъ, впустила его. Ночь была холодная. Петръ остался въ сѣняхъ и подошелъ къ жаровнѣ, вокругъ которой грѣлись слуги. Вскорѣ узнали какъ-то, что онъ ученикъ арестанта. Несчастнаго выдало галилейское его нарѣчіе: преслѣдуемый вопросами служителей, между которыми одинъ былъ Малху родственникъ и видѣлъ его въ Геесимани, — онъ трижды повторилъ, что съ Иисусомъ никогда не имѣлъ ни малѣйшаго сношенія. Будучи совершенно спокоенъ на счетъ того, что Иисусъ его не можетъ слышать, онъ въ ту минуту не успѣлъ сообразить, какъ неделикатна была эта лицемѣрная трусость. Но добрая его натура тотчасъ же открыла ему всю кривизну этого поступка. Случайное обстоятельство, пѣніе пѣтуха, заставило его вспомнить одно изъ сдѣланныхъ ему Иисусомъ замѣчаній. Въ сердечномъ сокрушеніи, онъ вышелъ и горько заплакалъ.

Анна, хотя и дѣйствительный виновникъ гото-

вившагося юридическимъ путемъ смертоубійства, невластенъ былъ произнести самъ собою приговоръ надъ Иисусомъ, и потому отослалъ арестанта къ своему зятю Каиафѣ, облеченному титуломъ официальнымъ. Сей послѣдній, какъ слѣное орудіе тестя, долженъ былъ, разумѣется, утвердить все. У него засѣдалъ въ это время Сангедринъ всѣмъ соборомъ. Началось слѣдствіе; выступили предъ судилище нѣсколько свидѣтелей, заранѣе приготовленныхъ тѣмъ порядкомъ, какой описанъ въ талмудѣ. Роковое слово, дѣйствительно произнесенное Иисусомъ: „я разрушу храмъ Божій и возстановлю его въ три дня“ — приведено противъ него двумя свидѣтелями. Издѣваться надъ Божиимъ храмомъ значило передъ іудейскимъ закономъ тоже, что издѣваться надъ самимъ Богомъ. Иисусъ хранилъ молчаніе и не хотѣлъ объяснить вмѣняемыхъ ему въ преступленіе словъ. Одно изъ преданій присовокупляетъ, что Первосвященникъ, вслѣдъ за тѣмъ, приступилъ къ нему настоятельно съ вопросомъ, онъ ли Мессія? что Иисусъ сознался и передъ всѣмъ соборомъ объявилъ грядущее наступленіе небснаго своего царствія. Но твердость духа, съ которою Иисусъ шелъ на встрѣчу смерти, совсѣмъ не требуетъ этого. Гораздо вѣрнѣе, что здѣсь, какъ и у Анны, онъ не отвѣ-

тиль ничего. Таково было общее его правило въ эти послѣдніе часы. Участь его была уже рѣшена; искали только предлога. Иисусъ это чувствовалъ и не хотѣлъ предпринимать бесполезной обороны. Въ глазахъ іудейскихъ ортодоксовъ, съ ихъ точки зрѣнія, онъ былъ въ самомъ дѣлѣ богохульникъ, разрушитель установленнаго богослуженія; а за такія преступленія законъ предписывалъ смертною казнь. Все собраніе единогласно рѣшило, что онъ виновенъ въ уголовномъ преступленіи. Тѣ члены, которые питали тайное расположеніе къ Иисусу, въ Совѣтѣ не были или же не подавали мнѣнія. Свойственное всѣмъ застарѣлымъ аристократіямъ легкомысліе не позволило судьямъ достаточно размыслить о послѣдствіяхъ произносимаго ими приговора. Лишить человѣка жизни считалось тогда бездѣлицей; безъ сомнѣнія, члены Сангедрина въ то время не думали, какъ тяжело будетъ ихъ внукамъ разчитываться предъ гнѣвнымъ челоувѣчествомъ грядущихъ поколѣній за одно опредѣленіе, произнесенное съ такимъ беззаботнымъ невниманіемъ!

Сангедрину не предоставлялось право приводить въ исполненіе смертныя приговоры. Но, при господствовавшемъ тогда въ Іудеѣ недостаткѣ разграниченія властей, Иисусъ тѣмъ не менѣе счи-

тался уже съ этого момента присужденнымъ къ казни. Все остальное время ночи онъ былъ предметомъ жестокихъ забавъ отвратительной челяди, которая потѣшалась надъ нимъ всевозможными оскорбленіями.

По утру, архіерей и старѣйшины собрались снова. Дѣло состояло въ томъ, чтобъ получить соизволеніе Пилата на произнесенный Сангедриномъ смертный приговоръ; ибо такіе приговоры, со времени занятія страны римлянами, считались недѣйствительными безъ правительственнаго утвержденія. Прокураторъ, правда, не былъ облеченъ, какъ императорскіе легаты, правомъ жизни и смерти; но Іисусъ не имѣлъ званія римекаго гражданина, и чтобы порѣшить съ нимъ, достаточно было соизволенія Прокуратора. Какъ всегда случается при покореніи политическимъ народомъ такой націи, у которой гражданскій законъ слитъ съ закономъ религіознымъ, римляне должны были склониться на предоставленіе отъ себя іудейскому закону нѣкоторой официальной опоры. Римское право не имѣло никакого примѣненія къ евреямъ. Сіи послѣдніе судились своимъ каноническимъ правомъ, извѣстнымъ намъ изъ талмуда, точно также какъ алжирскіе арабы управляются донинѣ еще по законамъ Ислама. Такимъ образомъ римляне,

въ дѣлахъ религіи сами по себѣ нейтральные, давали часто силу наказаніямъ за религіозныя преступленія. Положеніе было въ родѣ того, какъ въ священныя городахъ Индостана подѣ господствомъ англичанъ, или какъ непременно устроилось бы въ Дамаскѣ, тотчасъ по покореніи Сиріи какойнибудь европейской державой. Іосифъ утверждаетъ (хотя конечно можно въ этомъ сомнѣваться), что даже когда римлянинъ преступалъ черту столба съ надписью о воспрещеніи язычникамъ дальнѣйшаго хода, то сами римляне выдавали его евреямъ, для преданія смерти.

Итакъ, священническіе служители связали Иисуса и повели въ Преторію, которая помѣщалась въ старомъ дворцѣ Ирода, примыкавшемъ къ Антоніевой башнѣ. Это было утромъ того самаго дня, въ который готовились ѣсть пасхальнаго агнца, въ пятницу 14 Нисана (3 Апрѣля). Иудеи считали оскверненіемъ войти въ этотъ день въ преторію, послѣ котораго уже имъ нельзя было бы прикасаться къ священной трапезѣ. Они остались на дворѣ. Пилать, свѣдавъ о ихъ сборищѣ, и что они имѣютъ до него дѣло, вышелъ къ нимъ на *биму*, или судейское сѣдалище, устроенное подѣ открытымъ небомъ на помостѣ, называвшемся *Gabbatha* или по-гречески *Lithostrotos*

(λιθόστρωτος) по причинѣ выстилавшего землю плитняка.

Выслушавъ обвиненіе, Пилать не хотѣлъ было вмѣшиваться и изъявилъ неудовольствіе, что его беспокоятъ такого рода дѣломъ. Потомъ онъ увелъ Иисуса въ преторію. Тамъ послѣдовалъ разговоръ, точныя подробности котораго намъ недоступны, такъ какъ ученики ни отъ какого свидѣтеля не могли ихъ знать, но колоритъ котораго, повидимому, счастливо угаданъ Іоанномъ. Его повѣствованіе, въ самомъ дѣлѣ, вполне согласно съ историческими свѣдѣніями, какія мы имѣемъ о свойствѣ положенія и взаимныхъ отношеніяхъ обоихъ собесѣдниковъ.

Прокураторъ Понятій, по прозванію Пилать, — безъ сомнѣнія, отъ слова *pilum* или почетный дро-тикъ (знакъ отличія, котораго былъ удостоенъ онъ или одинъ изъ его предковъ), — не имѣлъ до сихъ поръ ни малѣйшаго дѣла съ новой сектою и никакихъ сношеній съ нею. Вовсе не интересуясь внутренними спорами между евреями, онъ на всѣ эти движенія сектаторовъ смотрѣлъ, какъ на пустыя бредни разгоряченнаго воображенія и сумасбродства. Онъ вообще не любилъ евреевъ. Но евреи ненавидѣли его еще болѣе, видя въ немъ человѣка жесткаго, надменнаго и гнѣвнаго; они

возводили на него ужасныя, неправдоподобныя преступленія. Какъ центръ великаго народнаго броженія, Іерусалимъ былъ городомъ чрезвычайно мятежнымъ и весьма непріятнымъ мѣстомъ жительства для иностранца. Изувѣры распускали подъ рукою слухъ, будто новый Прокураторъ принялъ твердое намѣреніе отмѣнить Іудейскій Законъ. Ихъ близорукій фанатизмъ, ихъ религіозная нетерпимость приводили въ возмущеніе широкое чувство справедливости и правительственный смыслъ, которые даже самый посредственный римлянинъ всюду несъ съ собою. Всѣ дѣйствія Пилата, какія дошли до насъ, показываютъ въ немъ хорошаго администратора. На первыхъ порахъ, по вступленіи въ должность, онъ имѣлъ съ подвластнымъ ему населеніемъ нѣкоторыя размолвки, которыя покончилъ весьма люто, но въ которыхъ повидимому онъ, въ сущности дѣла, былъ правъ. Евреи должны были казаться ему отсталыми въ своихъ понятіяхъ невѣждами, и онъ конечно судилъ о нихъ почти также, какъ либеральный префектъ французскаго правительства въ былыя времена о жителяхъ Нижней Бретани, возмущавшихся по случаю новой дороги или вновь учрежденной школы. Лучшимъ своимъ проектамъ для благоустройства края, всему что касалось публичныхъ работъ,

онъ встрѣчалъ въ іудейскомъ законѣ непреодолимое прешятствіе. Этотъ законъ до того суживалъ сферу жизни, что не допускалъ никакой перемѣны, никакого улучшенія. Римскія сооруженія, даже самыя полезныя, были предметомъ величайшей антипатіи для ревностнаго іудея. Два гербовыхъ щита, вывѣшенные Пилатомъ на стѣнѣ своего дворца, у самой храмовой ограды, причинили однажды страшный вопль. Пилать сначала обращалъ мало вниманія на эту щекотливость; но потомъ увидѣлъ себя въ необходимости прибѣгнуть къ рѣшительнымъ, кровопролитнымъ мѣрамъ, которыя наконецъ стоили ему отрѣшенія отъ должности. Опытъ многихъ столкновеній сдѣлалъ его весьма осторожнымъ въ своихъ сношеніяхъ съ этимъ непокладнымъ народомъ, который вымещалъ на повелителяхъ свое порабощеніе тѣмъ, что вынуждалъ къ отвратительному тиранству надъ самимъ же собою. Прокураторъ въ этомъ новомъ дѣлѣ съ крайнимъ неудовольствіемъ увидѣлъ себя вынужденнымъ опять играть роль тирана, и еще въ пользу того закона, который былъ ему такъ ненавистенъ. Онъ зналъ, что когда религіозный фанатизмъ успѣетъ склонить гражданскія власти къ какой нибудь жестокости, то потомъ первый будетъ слагать всю отвѣтственность, почти всю вину,

на тѣ же власти. Несправедливость вопіющая; ибо истинный виновникъ въ подобныхъ случаяхъ — подстрекатель!

Пилату искренно хотѣлось выручить Иисуса. Быть можетъ, спокойный и исполненный достоинства видъ арестанта, имѣлъ на него вліяніе. По одному изъ преданій, Иисусъ нашелъ предстательство въ собственной женѣ Прокуратора. Очень можетъ статья, что она уже прежде имѣла случай примѣтить этого кроткаго Галилеянина изъ дворца, въ какое нибудь окно, выходившее на храмовую ограду. Можетъ быть, потомъ опять она увидѣла его во снѣ, и мысль объ ожидавшей престнаго юношу насильственной смерти причиняла ей кошмаръ. Извѣстно только, что Иисусъ встрѣтилъ въ Пилатѣ благосклонность. Правитель разспросилъ его милостиво, и съ видимымъ желаніемъ найти средство къ его освобожденію.

Титулъ „царь Іудейскій“, котораго Иисусъ никогда къ себѣ не примѣнялъ, по который враги его представляли уже нераздѣльнымъ съ принятой имъ на себя ролью и съ объявленными имъ притязаніями, былъ конечно такой титулъ, которымъ всего вѣрнѣе можно было шевелить неудовольствіе римскаго правительства. Итакъ, передъ Пилатомъ стали обвинять его уже съ этой сто-

роны, — какъ мятежника, какъ государственнаго преступника. Ничего не могла быть несправедливѣе этого; ибо Иисусъ всегда признавалъ римское господство за установленную власть. Но консервативныя въ религіи партіи не имѣютъ привычки гнушаться клеветою. Вопреки ему, извлекали изъ его ученія выводы всякаго рода; его преобразовали въ послѣдователя Іуды Голошита; кричали, что онъ не велитъ платить дани Кесарю. Пилать спросилъ его, точно ли онъ царь іудейскій. Иисусъ отвѣчалъ прямо, ни мало не скрывая своего образа мыслей. Но глубокая двусмысленность, вообще составлявшая его силу, и которой суждено было потомъ дѣйствительно водворить его царство, на этотъ разъ погубила его. Этотъ идеалистъ, недопускающій раздѣла между духомъ и матеріей, — съ своимъ, какъ въ изображеніи Апокалипсиса, обоюдоострымъ мечемъ слова, — никогда не могъ совершенно успокоить на свой счетъ земныхъ властей. Если вѣрить Іоанну, Иисусъ призналъ передъ Пилатомъ свое царство, присовокупивъ только слѣдующее знаменательное изреченіе: „царство мое не отъ міра сего“; потомъ объяснилъ, что его царство состоитъ въ обладаніи и провозглашеніи истины. Пилать ничего не могъ понять изъ этого превыспренняго идеализма. Иисусъ, безъ сомнѣнія,

представлялся ему мечтателемъ, но смиреннымъ и безвреднымъ. Римляне той эпохи, совершенно чуждые всякаго прозелитизма религіознаго и философскаго, смотрѣли на стремленіе къ истинѣ, какъ на химеру. Преніями объ этомъ предметѣ они скущали, находили ихъ нелѣпыми. Еще не успѣвъ замѣтить, какая опасная закваска таилась для Имперіи въ этихъ новыхъ умозрѣніяхъ, они не имѣли никакого основанія къ употребленію противъ нихъ насилія. Все неудовольствіе ихъ обращалось на тѣхъ, которые имъ докучали требованіемъ казней за пустыя бредни. Галліонъ, двадцать лѣтъ спустя, точно также велъ себя съ евреями. До самой эпохи раззоренія Іерусалима, римская администрація ставила себѣ за правило: нисколько не интересоваться спорами сектъ между собою.

Правителю пришла на мысль возможность согласить влеченіе собственнаго чувства съ требованіями изувѣрнаго народа, настойчивость котораго была ему уже извѣстна по столькимъ опытамъ. Существовалъ обычай творить народу на праздникъ Пасхи милость освобожденіемъ одного изъ заключенныхъ. Пилать, зная что Іисусъ арестованъ только по священнической зависти, попробовалъ обратить этотъ обычай въ его пользу. Онъ

снова появился на *бимъ*, и предложилъ толпѣ пустить „царя Іудейскаго“ на волю. Предложеніе, такимъ образомъ выраженное, имѣло широкій и вмѣстѣ ироническій смыслъ. Священники поняли опасность. Тотчасъ же обратясь къ толпѣ, они живо принялись за дѣло, и, чтобы обезсилить предложеніе Пилата, напомнили народу о такомъ арестантѣ, который пользовался большою популярностію. По странной игрѣ случая, имя его было также Іисусъ, а прозвище Баръ-Абба или Варавва. Это была всѣмъ извѣстная личность; онъ сидѣлъ въ темницѣ за возмущеніе и учиненное при томъ смертоубійство. Толпа загремѣла всеобщими кликами: „не его, не его, а Іисуса Варавву“. Пилать принужденъ былъ выпустить Іисуса Варавву.

Его затрудненіе теперь увеличивалось. Онъ сталъ опасаться, чтобъ слишкомъ большою снисходительностію къ такому преступнику, котораго звали „царемъ Іудейскимъ“, не навлечъ на себя самого бѣды. Фанатизмъ, впрочемъ, всегда заставляетъ власти входить съ нимъ въ соглашеніе. Пилать счелъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторую уступку; но, все еще не рѣшаясь проливать кровь въ угодность ненавистнымъ для него людямъ, онъ хотѣлъ обратить дѣло въ шутку. Подшучивая

надъ высокопарнымъ титуломъ Иисуса, онъ велѣлъ подвергнуть его бичеванію. Бичеваніе было обыкновенною прелюдіей распятія на крестѣ. Быть можетъ, этой мѣрою Пилатъ хотѣлъ показать, что съ его стороны уже произнесено равносильное смертному приговору осужденіе надъ обвиненнымъ, а между тѣмъ надѣялся, что на дѣлѣ все наказаніе ограничится одной прелюдіей. Тогда открылась, по всѣмъ бытописаніямъ, возмутительная сцена. Солдаты накинули Иисусу на плеча красную мантию, надѣли ему на голову вѣнецъ изъ терновыхъ вѣтвей и дали въ руку трость. Такъ окутаннаго, его выставили на трибунѣ, въ посмѣшище народу. Солдаты по одиночкѣ проходили мимо его, одинъ за другимъ, ударяя его по щекѣ, и съ колѣнопреклоненіемъ привѣтствовали: „здравствуй, царь іудейскій.“ Другіе, — говорятъ, — плевали на него и били по головѣ тростию. Едва ли можно повѣрить, чтобы римская гордость спустилась до такихъ низостей. Пилатъ, какъ Прокураторъ, правда, не имѣлъ въ своемъ распоряженіи другихъ войскъ, кромѣ вспомогательныхъ. Римскіе граждане, каковыми были на примѣръ легіонеры, никогда не согласились бы на столь гнусные поступки.

Полагалъ ли Пилатъ, оградить этимъ парадомъ свою отвѣтственность? Надѣялся ли онъ от-

вратить грозившій Иисусу ударъ предоставленіемъ *какого нибудь* удавлетворенія ненависти іудеевъ и замѣнить трагическій исходъ дѣла забавнымъ, такъ чтобы оно казалось народу уже нестоящимъ болѣе серьезной развязки? Если въ этомъ состояло его намѣреніе, то оно не имѣло ни малѣйшаго успѣха. Шумъ возрасталъ все сильнѣе и сильнѣе, наконецъ превратился въ настоящій бунтъ. Клики: „расни его! расни!“ раздавались со всѣхъ сторонъ. Священники чѣмъ далѣе, тѣмъ громче и смѣлѣе возвышали свой требовательный голосъ и съ страшнымъ ропотомъ кричали, что погибъ Законъ, если нѣтъ казни соблазнителю. Пилатъ ясно увидѣлъ, что если отстаивать Иисуса, то не миновать формальнаго бунта; онъ попробовалъ еще, нельзя ли выиграть дѣло проволочкой времени. Онъ пошелъ опять въ Преторію и наводилъ справки о томъ, изъ какой страны Иисусъ, — подъ тѣмъ предлогомъ, что можетъ быть это дѣло относится не къ его вѣдомству. По одному изъ преданій, онъ даже отослалъ Иисуса къ Антипасу, бывшему — говорятъ — въ то время въ Іерусалимѣ. Иисусъ мало воспользовался этими изворотами благонамѣренности; онъ заключилъ себя въ спокойно-важномъ и полномъ достоинства молчаніи, которое приводило въ изумленіе Пилата. Снаружи ревъ

становился все оглушительнѣе; уже поднимались угрозы. Ужъ слышались толки о томъ, какъ мало усердія въ чиновникѣ, оберегающемъ врага Кесаря. Самые злые противники римскаго господства преобразились вдругъ въ усерднѣйшихъ вѣрноподданныхъ Тиверія, чтобъ основательнѣе громоздить вину въ оскорбленіи Величества на невзыскательнаго Прокуратора. „Здѣсь нѣтъ другаго царя, кромѣ Императора — вопили они —; кто строитъ изъ себя царя, тотъ противникъ Императору. Если правитель отпускаетъ этого преступника, то — значитъ — самъ онъ супостатъ Кесарю.“ Бѣдный Пилатъ узналъ духомъ; зловѣщій доносъ, который пошлютъ его враги въ Римъ, съ обвиненіемъ въ прикрывательствѣ соперника Кесаря, мерещился передъ его воображеніемъ, совсѣмъ готовый. Уже и въ дѣлѣ съ вывѣскою щитовъ евреи надѣлали ему не мало хлопотъ, написавъ о томъ Императору. На этотъ разъ онъ могъ лишиться мѣста. Въ порывѣ уступчивости, которая потомъ должна была передать его имя ошельмованію исторіи, онъ сдался, возлагая — говорятъ — всю отвѣтственность за могущія произойти послѣдствія на іудеевъ. Сіи послѣдніе (какъ увѣряютъ христіане) вполнѣ приняли ее на себя, восклицая: „кровь его на насъ и на чадахъ нашихъ!“

Дѣйствительно ли произнесены были эти слова, неизвѣстно; но они представляютъ выраженіе глубокой исторической истины. При тогдашней обстановкѣ положенія римлянъ въ Іудеѣ, Пилатъ ничего не могъ сдѣлать, кромѣ того, что сдѣлалъ. На исторической памяти не мало уже было смертныхъ приговоровъ, которые, бывъ порождены религіозной нетерпимостію, приневоливали руку гражданской власти. Испанскій Король, въ угодность фанатическому духовенству предававшій костру своихъ подданныхъ цѣлыми сотнями, былъ гораздо виноватѣе Пилата, ибо представлялъ власть полнѣйшую, нежели какую могли еще въ то время имѣть римляне въ Іерусалимѣ. Когда гражданская власть, по наущенію жреца, становится гонительною или безпкойною, то она разумѣется показываетъ чрезъ то свою слабость. Но пусть же то правительство, которое съ этой стороны безгрѣшно, броситъ въ Пилата первый камень. „Свѣтская рука,“ за которою укрывается священническая кровожадность, не есть подлинный виновникъ. Тотъ не можетъ увѣрять насъ въ отвращеніи отъ кровопійства, кто льетъ рѣки крови черезъ своихъ холоповъ.

Итакъ, не Тиверій, не Пилатъ предали казни Иисуса, а старая іудейская партія, которая была хранительницею Закона Моисея. По нашимъ по-

нятіямъ новѣйшей образованности, нравственная вина съ отца на сына не переходитъ; каждый несетъ отвѣтственность лишь за то, что самъ сдѣлалъ. Слѣдовательно, всякій еврей, который еще нынѣ терпитъ за умерщвленіе Іисуса, имѣетъ право протеста; ибо можетъ быть въ то время онъ былъ бы какимъ нибудь Симономъ Киренейскимъ, или по крайней мѣрѣ не однимъ изъ тѣхъ, которые кричали: „распи его!“ Однакожъ, націи имѣютъ также свою отвѣтственность, какъ и отдѣльныя лица; а если злодѣйство когда либо могло быть злодѣйствомъ націи, то таковымъ было умерщвленіе Іисуса. Это смертоубійство было „законнымъ“ въ томъ смыслѣ, что первая его причина заключалась въ законѣ, составлявшемъ всю душу націи. Законъ Моисея, въ формѣ конечно позднѣйшей, но общепринятой, опредѣлялъ смертную казнь за всякое покушеніе на измѣненіе установленнаго богослуженія. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что Іисусъ явно осуждалъ это богослуженіе и стремился къ его уничтоженію. Іудеи сказали это Пилату прямо и просто: „у насъ есть Законъ, и по этому Закону онъ долженъ умереть; ибо онъ сотворилъ изъ себя Сына Божія.“ Законъ ненавистный, но это былъ законъ лютости древняго благочестія, и тотъ герой, который выступалъ на сцену для

отмѣны его, долженъ былъ прежде всего самъ подвергнуться ему.

Увы! Болѣе восемнадцати вѣковъ понадобится еще для того, чтобъ принесла свои плоды та кровь, которую онъ пролилъ. Во имя его въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ будутъ терзать пытками и водить на плаху столь же благородныхъ, какъ онъ, мыслителей. Еще по сіе время употребляются наказанія за религіозныя проступки въ странахъ, называющихъ себя христіанскими. Иисусъ не виноватъ въ этихъ заблужденіяхъ. Онъ не могъ предвидѣть, что впоследствии какой нибудь народъ, съ заблудшимъ воображеніемъ, представитъ себѣ его страшилищнымъ Молохомъ, которому пріятно жареніе человѣческаго мяса. Христіанство опозорило себя невѣротерпимостію, изувѣрствомъ; но невѣротерпимость, изувѣрство, — фактъ существенно нехристіанскій. Это — фактъ іудейскій, въ томъ смыслѣ, что іудаизмъ впервые произвелъ на свѣтъ теорію абсолютнаго въ религіи, и постановилъ принципомъ, что всякаго нововводителя, хотя бы онъ несъ чудо въ подтвержденіе своего ученія, должно встрѣчать камнями и побивать безъ всякаго суда. Конечно, языческій міръ имѣлъ также свои религіозныя насилія. Но еслибы язычество имѣло такой законъ, то магло ли оно сдѣлаться христіанствомъ? Пятикнижіе, та-

кимъ образомъ, было первымъ въ мірѣ сводомъ религіознаго терроризма. Іудаизмъ далъ примѣръ непреложнаго догмата, вооруженнаго мечемъ. Еслибъ вмѣсто преслѣдованія евреевъ слѣпою ненавистію, христіанство до корня истребило бы самое начало, убившее его создателя, то на сколько основательнѣе, во сколько разъ почтеннѣе было бы оно предъ трибуналомъ человѣчества!

ГЛАВА XXII.

Смерть Иисуса.

Хотя дѣйствительное основаніе произнесеннаго надъ Иисусомъ приговора было чисто религіозное, однакожъ враги успѣли представить его въ Преторіи преступникомъ государственнымъ; безъ того они никогда не добились бы соизволенія, отъ скептика Пилата, на смертный приговоръ за противуіудейское преподаваніе. Итакъ, держась твердо этой идеи, священники подучили толпу требовать казни Иисуса распятіемъ на крестѣ. Казнь эта не была іудейскаго происхожденія; казнить Иисуса по закону Моисея значило побить его камнями. Распятіе на крестѣ было казнію римской; ей подвергали только рабовъ или такихъ преступниковъ, смерть которыхъ хотѣли отягчить позоромъ. Примѣняя это наказаніе къ Иисусу, его подводили подъ одну категорію съ грабителями большой дороги, разбой-

никами, ворами, мошенниками и вообще съ тѣми низшаго сорта общественными врагами, которыхъ римляне не удостоивали чести усѣкновенія мечемъ. Карали въ этомъ случаѣ химернаго „царя іудейскаго“, а не вольнодумнаго догматика. На этомъ основаніи и самое исполненіе казни предоставлено было римлянамъ. Извѣстно, что у римлянъ солдаты, какъ люди по самому уже ремеслу (ex professione) отрицательно свѣдущіе въ челоуѣкоубійствѣ, отправляли также должность палачей. Итакъ, Иисуса предали въ когорту квартировавшихъ въ Іерусалимѣ вспомогательныхъ войскъ, и передъ нимъ развернулась теперь ужасная перспектива мукъ, внесенныхъ въ казни суровыми нравами новыхъ завоевателей. Время было полуденное. Снявъ съ него мантию, оставили его въ томъ, что на немъ было до выставки на трибуну; а какъ въ когортѣ уже содержалось двое воровъ-мошенниковъ, которыхъ ей же велѣно было вести на экзекуцію, то всѣхъ троихъ забрали въ одну кучу и повели къ лобному мѣсту.

Это мѣсто, называвшееся Голговою, находилось внѣ Іерусалима, но недалеко отъ городской стѣны. Имя *Голгова* или *черепъ* обозначало, повидимому, голый, бѣдный растительностію, пригорокъ, походившій своей формою на обнаженный черепъ. Гдѣ

именно оно находилось, съ точностію не извѣстно, а вѣроятно — съ сѣверной или сѣверо-западной стороны города, на бугроватомъ плоскогоріи, простирающемся между городской стѣною и двумя долинами: Кедронскою и Гинномскою, — въ сторонѣ довольно непривлекательной и еще ухудшенной неприятными послѣдствіями близости большаго города. Трудно согласиться, чтобъ Голговою было то самое мѣсто, гдѣ чтить ее весь христіанскій міръ со временъ Константина. Это мѣсто слишкомъ вдается внутрь города, и можно думать, что въ эпоху Иисуса оно приходилось внутри городской ограды.

Осужденный на распятіе долженъ былъ орудіе своихъ мученій — крестъ — нести къ лобному мѣсту самъ. Но Иисусу, сложеніемъ тѣла не столь крѣпкому, какъ оба его спутника, пришлась эта ноша не по силамъ. На встрѣчу конвою шелъ нѣкто Симонъ Киренейскій, возвращавшійся изъ деревни въ городъ; солдаты, съ безцеремонною наглостію чужеземныхъ гарнизоновъ, взвалили крестъ Иисуса ему на плеча и заставили идти съ ними. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ, можетъ быть, они пользовались правомъ на какую нибудь общепризнанную со стороны обывателей повинность, такъ какъ римляне считали унизительнымъ носить на себѣ это позорное дерево. Повидимому, означенный Симонъ

принадлежалъ въслѣдствіи къ христіанской общинѣ. Его два сына, Александръ и Руфъ, были въ ней весьма извѣстны. Вѣроятно онъ разсказалъ не одно обстоятельство, котораго былъ свидѣтелемъ. Изъ учениковъ въ эту минуту не было при Иисусѣ ни одного.

Команда, наконецъ, пришла на мѣсто казни. По еврейскому обычаю, преступникамъ предложили испить напередъ вина, сильно приправленнаго ароматами, — напитокъ опьяняющій, который давали изъ жалости осужденному, для притупленія въ немъ чувствъ. Надобно полагать, что іерусалимскія дамы приходили не рѣдко сами къ несчастнымъ на мѣсто казни съ этимъ прощальнымъ виномъ; когда же ни одна не являлась, то покупали его изъ общественныхъ суммъ. Иисусъ, губами едва коснувшись чаши, не хотѣлъ пить. Это жалкое облегченіе обыкновенныхъ преступниковъ не согласовалось съ его высокою натурой. Онъ счелъ за лучшее разстаться съ жизнію въ совершенной ясности ума, и ожидать съ полнымъ сознаніемъ смерти, вожденной для него и самимъ имъ признанной. Тогда стащили съ него одежду и прикрѣпили къ кресту. Крестъ состоялъ изъ двухъ сплоченныхъ въ видѣ буквы Т балокъ. Онъ былъ невысокъ, такъ что ноги распинаемаго почти касались земли.

Начинали обыкновенно съ постановки и укрѣпленія его вертикально; потомъ приколачивали къ нему пациента, вонзая ему гвозди въ ладони; нерѣдко пригвождали также ноги, а иногда привязывали ихъ только веревками. Деревянная поперечина, въ родѣ мачтоваго рея, прикрѣпляема была къ стержню креста около самой его середины и проходила между ногъ распятаго, такъ что онъ могъ нѣсколько опираться на нее: безъ чего разорвало бы руки и тѣло свалилось бы съ креста. Иногда, впрочемъ, прикрѣплялась внизу подъ ногами, для опоры ихъ, горизонтальная дощечка.

Эти ужасы постигли Іисуса во всей ихъ жестокости. Страшная жажда сожигала его — одна изъ обыкновенныхъ мукъ распинаемаго на крестѣ. Онъ просилъ напиться. Вблизи стоялъ сосудъ съ обыкновеннымъ питьемъ римскихъ солдатъ, состоявшимъ изъ смѣси воды съ уксуомъ и называвшимся *поска* (*posca*). Солдаты всегда должны были имѣть поску при себѣ, во всѣхъ экспедиціяхъ, къ числу которыхъ принадлежали также командировки на экзекуцію. Одинъ изъ солдатъ обмакнулъ въ это питье губку, надѣлъ на трость и, поднеся къ губамъ Іисуса, далъ ему пососать. Оба мошенника были распяты на крестахъ тутъ же рядомъ. Такъ какъ исполнителямъ казни обыкновенно предоставлялись

снятыя съ казнимыхъ лохмотья (*pannicularia*), то солдаты бросили между собою жребій о хитонѣ Иисуса и, сидя у подножія креста, стерегли его. По одному изъ преданій, Иисусъ произнесъ въ это время слѣдующее слово, бывшее конечно въ его сердцѣ, если и не на устахъ: „Отецъ, прости имъ; не знаютъ сами, что дѣлаютъ.“

На верху креста, по римскому обычаю, былъ вывѣшенъ ярлыкъ съ надписью на трехъ языкахъ, — еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ: ЦАРЬ ІУДЕЙСКІЙ. — Въ такомъ выраженіи надписи заключалось нѣчто непріятное и оскорбительное для націи. Мимопроходящихъ было много: и, читая этотъ ярлыкъ надъ однимъ изъ висѣльниковъ, іудеи видѣли въ этомъ поношеніе. Архіереи пришли доложить Пилату, что въ означенной надписи слѣдовало изобразить только ту мысль, что этотъ преступникъ самъ себя называлъ Царемъ Іудейскимъ. Но Пилатъ, которому ужъ это дѣло надоѣло, не согласился перемѣнять того, что разъ написано.

Ученики разбѣжались. — Іоаннъ тѣмъ не менѣе увѣряетъ о себѣ, что онъ былъ тутъ же, и стоялъ все время безотлучно у самага подножія креста. Съ гораздо большей вѣроятностію можно допустить, что вѣрныя галилейскія подруги, послѣдовавшія за Иисусомъ въ Іерусалимъ и продолжавшія

заботиться о немъ, не оставили его и здѣсь. Марія Клеофасова, Марія Магдалина, Иоанна жена Кусова, Салома и нѣкоторыя другія, стояли въ отдаленіи, не спуская съ него глазъ. Если вѣрить Иоанну, то Марія, мать Иисуса, была у подножія креста, и Иисусъ, увидѣвъ мать и своего любимаго ученика вмѣстѣ, сказалъ одному: „вотъ твоя мать“, другой: „вотъ твой сынъ.“ Но въ такомъ случаѣ невозможно было бы понять, какъ три остальные евангелиста, называющіе прочихъ тутъ находившихся женщинъ по именамъ, забыли назвать именно ту, присутствіе которой при этой сценѣ было столь замѣчательнымъ обстоятельствомъ. А съ другой стороны, при необыкновенной возвышенности характера Иисуса, едва ли даже вѣроятно, чтобъ онъ могъ разчувствоваться личными привязанностями въ такую минуту, когда всею душою былъ погруженъ въ исполненіе великаго своего подвига и существовалъ только для человѣчества.

За исключеніемъ этой небольшой группы женщинъ, которая хоть сколько нибудь услаждала его взоръ издали, Иисусъ не имѣлъ ничего передъ глазами, кромѣ зрѣлища человѣческой пошлости и безумства. Мимоходящія осыпали его ругательствами. Со всѣхъ сторонъ кругомъ долетали до него злостныя площадныя насмѣшки, и скорбный стонъ его по-

слѣднихъ мукъ служилъ лишь пищею для смѣха и безчеловѣчныхъ шутокъ: „А! вотъ онъ — восклицали они — самозванный Сынъ Божій! Пускай же теперь самъ отецъ его и выручаетъ, если Ему угодно!“ — „Видишь, — бормотали съ другой стороны, — спасалъ другихъ, а самъ себя спасти не можетъ. Если онъ царь Израиля, то пусть теперь сойдетъ съ креста, и мы сейчасъ въ него увѣруемъ!“ — „Ну, что же? — кричалъ третій; — ты, раззоряющій храмъ Божій и черезъ три дня вновь его созидающій, что не попробуешь спасти себя? Ну!“ — Нѣкоторые, слышавшіе можетъ быть что нибудь объ его апокалиптическихъ идеяхъ, думали, что онъ призываетъ Илію: „увидимъ — говорили они — придетъ ли Илія спасать его.“ Распятые подлѣ него оба вора, повидимому, также ругались надъ нимъ. Небо было мрачно, земля — какъ вообще въ окрестностяхъ Іерусалима — суха и пуста. По нѣкоторымъ сказаніямъ, онъ пришелъ на минуту въ изнеможеніе духомъ: какъ будто облако закрыло отъ него лицо Отца; онъ сталъ терзаться муками отчаянія, сто кратъ несноснѣйшими всякихъ мукъ смерти. Видя отъ людей одну неблагодарность, онъ, можетъ быть, ужъ начиналъ жалѣть о томъ, что пожертвовалъ собою за этотъ гнусный родъ и возопилъ: „Богъ мой, Богъ мой,

для чего Ты меня оставилъ?“ Но его высокій инстинктъ превозмогъ опять. По мѣрѣ того, какъ потухала въ немъ тѣлесная жизнь, душа становилась спокойнѣе и свѣтлѣе и сближалась мало по малу съ своимъ небеснымъ источникомъ. Онъ возвратился опять къ чувству своего назначенія, видѣлъ въ своей смерти спасеніе міра, потерялъ изъ виду происходившее, у ногъ его, чудовищное зрѣлище и, въ глубокомъ единеніи съ Отцемъ, началъ еще на этой позорной висѣлицѣ ту божественную жизнь, которую онъ отселѣ впредь будетъ продолжать вести въ человѣческихъ сердцахъ, въ теченіи нескончаемыхъ вѣковъ!

Особенная лютость крестной казни состояла въ томъ, что можно было еще жить дня три, четыре, въ ужасныхъ мукахъ на этомъ деревѣ пытки. Кровотеченіе изъ рукъ прекращалось скоро и не было смертельно. Дѣйствительная причина смерти ограничивалась только противуестественнымъ положеніемъ тѣла, причинявшимъ сильное расстройство въ кровообращеніи, страшныя головныя боли и стѣсненіе сердца, и наконецъ окоченѣлость въ членахъ. Люди крѣпкаго тѣлосложенія умирали на крестѣ только отъ голода. Основная идея этой жестокой казни состояла не въ томъ, чтобъ убить осужденнаго прямо нанесеніемъ ему рѣшительныхъ уда-

ровъ и ранъ, а въ томъ, чтобъ, пригвоздивъ негоднаго раба къ позорному столбу за руки, которыхъ онъ не умѣлъ употребить въ дѣло, оставить его гнить на этомъ деревѣ. Нѣжная организація Иисуса избавила его отъ столь продолжительной агоніи. По всему видно, что мгновенный разрывъ одного изъ кровеносныхъ сосудовъ сердца причинилъ ему черезъ три часа внезапную смерть. За нѣсколько минутъ до кончины, голосъ его былъ еще крѣпокъ. Вдругъ онъ испустилъ пронзительный крикъ, въ которомъ одни слышали: „Отецъ, въ руки твои передаю духъ мой!“, а другіе, болѣе озабоченные осуществленіемъ пророчества, передали этотъ возгласъ въ слѣдующихъ словахъ: „совершилось все!“ Онъ поникнулъ головою на грудь, и отдалъ душу Богу.

Покойся же теперь во славѣ своей, благородный начинатель! Твой подвигъ совершенъ; твоя божественность утверждена. Не нужно тебѣ болѣе страшиться, чтобъ изъ-за какой нибудь ошибки не рушилось зданіе твоихъ усилій. Отселѣ впредь недостижимый волненіями бренности, ты съ высоты божественнаго покоя будешь участвовать въ безконечныхъ послѣдствіяхъ твоихъ дѣлъ. Цѣною нѣсколькихъ часовъ страданія, не ослабившихъ даже великой твоей души, ты приобрѣлъ безсмертіе самое

полное. На многія тысячи лѣтъ мѣръ поведетъ отъ тебя счетъ своихъ дней. Какъ передовое знамя всѣхъ нашихъ возраженій, ты будешь той хоругвью, вокругъ которой возгорится самая пламенная борьба. Тысячу разъ живѣе, тысячу разъ любимѣе послѣ смерти, нежели во дни твоего странствованія въ семь дольнемъ мѣрѣ, ты обратишься въ краугольный камень человѣчества до такой степени, что вырвать изъ него твое имя будетъ значить тоже, что поколебать самый мѣръ въ своемъ основаніи. Что ты, что Богъ, — не распознають. Полный побѣдитель смерти, вступи же во владѣніе твоимъ царствомъ, куда за тобой устремятся, проложеннымъ тобою царственнымъ путемъ, вѣка въ благоговѣніи!

ГЛАВА XXIII.

Сущность совершеннаго Иисусомъ дѣла.

Иисусъ, какъ мы уже видѣли, никогда не выходилъ изъ іудейской среды. Хотя его сочувствіе ко всѣмъ отверженнымъ ортодоксією и побуждало его допустить язычниковъ въ царствіе Божіе, хотя онъ многократно бывалъ въ странѣ язычниковъ, и хотя, наконецъ, разъ или два мы встрѣчаемъ его съ невѣрными въ благорасположенныхъ отношеніяхъ, — однакожъ, можно сказать, вся его жизнь протекла въ небольшомъ, весьма ограниченномъ мірѣ, къ которому онъ принадлежалъ по рожденію. Въ греческихъ и римскихъ странахъ ничего о немъ не слыхали; и если его имя и упоминается свѣтскими писателями, то уже только сто лѣтъ спустя, да и то стороною, по случаю возбужденныхъ его ученіемъ мятежныхъ волненій или же навлеченныхъ на себя его уче-

никами гоненій. Въ самыхъ нѣдрахъ іудаизма Іисусъ не произвелъ очень продолжительнаго впечатлѣнія. Филонъ, скончавшійся около 50 года, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о его существованіи. Іосифъ, родившійся въ 37 году, и писавшій въ послѣднихъ, годахъ того вѣка, упомянулъ о его казни въ нѣсколькихъ строкахъ, какъ объ обстоятельстве вѣсьма второстепенномъ, и, исчисляя секты того времени, пропустилъ христіанскую. *Мишна*, съ другой стороны, не представляетъ ни малѣйшаго слѣда новой школы; въ обѣихъ *гема-рахъ* тѣ мѣста, въ которыхъ названъ основатель христіанства, не восходятъ выше IV или V вѣка. Сущностію дѣла Іисуса было созданіе около себя извѣстнаго круга учениковъ, которымъ онъ внушилъ безпредѣльную привязанность, и въ которыхъ онъ умѣлъ вложить зародышъ своего ученія. Снискать „любовь такую, что и послѣ смерти не перестали еще любить его“, — вотъ образцовое дѣло Іисуса, вотъ что всего болѣе озадачило его современниковъ! Въ его ученіи столь мало было догматики, что онъ никогда не думалъ о записываніи его самъ или черезъ кого либо другаго. Учениками его люди становились не черезъ вѣру въ то или другое, а чрезъ привязанность, чрезъ

любовь къ нему. Нѣсколько изреченій, легко удерживаемыхъ въ памяти, въ особенности его нравственный типъ, и слѣды произведеннаго имъ впечатлѣнія, — вотъ все, что осталось отъ него. Иисусъ — не основатель догматовъ, не творецъ символовъ; онъ начинатель міра, проникнутаго новымъ духомъ. Изъ всѣхъ смертныхъ наименѣе принадлежатъ къ христіанамъ, съ одной стороны, учителя греческой церкви, заведшіе христіанство, начиная съ IV вѣка, въ колею пустыхъ метафизическихъ споровъ, и, съ другой, средневѣковые латинскіе схоластики, старавшіеся извлечь изъ евангелія миллионы статей своей колоссальной „суммы“. Примкнуть къ Иисусу въ стремленіи къ царствію Божию, — вотъ что вначалѣ называлось быть христіаниномъ.

Послѣ этого становится легко понятнымъ, почему, не раздѣляя общей судьбы всѣхъ религій, чистое христіанство представляется еще, по истеченіи восемнадцати вѣковъ, религіей всемірной и превѣчной. Дѣло въ томъ, что религія Иисуса, въ нѣкоторомъ отношеніи, дѣйствительно религія окончательная. Вылившись изъ совершенно свободнаго движенія души, въ самой колыбели не сжатое никакими пеленами догматики, послѣ трехъ-вѣковой борьбы за свободу совѣсти, христіанство, не смотря

на послѣдовавшія за тѣмъ преткновенія, еще вкушаетъ плоды своего высокаго происхожденія. Чтобы обновить себя, стоитъ ему только возвратиться къ Евангелію. Царство Божіе, какъ мы его понимаемъ, значительно разнится отъ сверхъестественнаго знаменія, котораго ждали въ облакахъ первые христіане. Но чувство, внесенное въ міръ Іисусомъ, есть именно наше. Его законченный идеализмъ — самая высокая норма чистой и добродѣтельной жизни. Онъ создалъ небо свѣтлыхъ душъ, гдѣ есть то, чего отъ земли не допросишься, — августѣйшее благородство божіихъ чадъ, безусловная чистота, полное отвлеченіе отъ мірскаго дрязга, и наконецъ свобода, изгнанная изъ дѣйствительнаго общества какъ невозможность, но обрѣтающая всю свою полноту въ области мысли. Архистратигъ всѣхъ ищущихъ спасенія въ этомъ идеальномъ царствіи Божіемъ, это — Іисусъ. Онъ первый сказалъ, по крайней мѣрѣ своими дѣлами: „царство мое не отъ міра сего.“ Основаніе религіи истинной есть именно его дѣло. Послѣ него остается только развивать и плодотворить.

„Христіанство“, такимъ образомъ, стало почти синонимомъ съ „религією“. Все, что совершится внѣ этого великаго и плодотворнаго христіанскаго преданія, останется бесплоднымъ. Іисусъ осно-

валъ въ человѣчествѣ религію, какъ Сократъ философію, какъ Аристотель науку. Со временъ Сократа и Аристотеля, философія и наука совершили огромный успѣхъ; но все, что послѣ нихъ строено, созидалось лишь на положенномъ ими фундаментѣ. Такъ точно религіозная мысль прежде Иисуса перенесла не одну революцію, послѣ Иисуса весьма расширила свою область, но никогда не выходила и не выйдетъ изъ существеннаго значенія, внесеннаго въ нее Иисусомъ; онъ навсегда увѣковѣчилъ идею чистаго богослуженія. Религія Иисуса, въ этомъ смыслѣ, безгранична. Церковь имѣла свои эпохи, свои фазисы; она заключила себя въ символы, которые имѣли, или будутъ имѣть, время своего значенія; Иисусъ основалъ безусловную религію, ничего не исключаящую, ничего не рѣшающую, кромѣ чувства. Его символы не представляютъ догматовъ окончательно рѣшенныхъ, неподвижныхъ, а суть образы, смыслъ которыхъ доступенъ безконечному развитію. Напрасно мы стали бы искать въ Евангеліи хоть одного богословскаго положенія. Всѣ символы вѣры суть переименованія идеи Иисуса, въ родѣ того, какъ средневѣковая схоластика, провозглашая Аристотеля единственнымъ учителемъ подлинной науки, въ тоже время искажала мысль Аристотеля. Если

бы самъ Аристотель присутствовалъ при спорахъ своей школы, то отвернулся бы съ отвращеніемъ отъ этого узкаго ученія; онъ присоединился бы къ живой наукѣ преусиѣянія и рукоплескалъ бы ея возраженіямъ противъ мертвящей рутины, прикрывавшей себя его именемъ. Такъ точно, еслибъ Іисусъ теперь явился между насъ, то призналъ бы за учениковъ своихъ не тѣхъ, которые думаютъ заключить его всего въ нѣсколько фразъ катехизиса, а тѣхъ, которые подвизаются для его продолженія. Вѣчная слава на всѣхъ поляхъ величія принадлежитъ положившимъ первый камень. Можетъ быть, въ Физикѣ и Метеорологіи новѣйшаго времени не найдется уже ни одного слова изъ трактатовъ Аристотеля подъ тѣми же названіями, но Аристотель, тѣмъ не менѣе, остается основателемъ науки о природѣ. Сколько бы ни преобразовывался догматъ, — Іисусъ останется въ религіи создателемъ чистоты чувства: поученія на морѣ никто не превзойдетъ. Никакая революція насъ не отклонитъ отъ слѣдованія въ религіи тому направленію мыслей и нравственности, во главѣ котораго сіяетъ имя Іисуса. Въ этомъ смыслѣ, мы остаемся христіанами, хотя бы даже ни въ одной почти статьѣ не сходились съ предшествовавшимъ намъ преданіемъ.

Внесение этой-то великой основы и было личнымъ подвигомъ Иисуса. Чтобы въ такой степени привлечь къ себѣ сердца, чтобы возбудить такое обожаніе, надобно было, въ самомъ дѣлѣ, быть привлекательнымъ, богоподобнымъ. Любовь не возникаетъ безъ предмета, способнаго воспламенить ее; и еслибъ мы даже ничего не знали объ Иисусѣ, кромѣ этой страстной преданности ему всѣхъ его окружавшихъ, то мы все таки должны были бы согласиться, что онъ былъ человекъ великій, чистый. Вѣра, энтузіазмъ и постоянство перваго христіанскаго поколѣнія необъяснимы иначе, какъ предположивъ, что въ основѣ всего движенія былъ человекъ съ колоссальными силами. При видѣ дивныхъ порожденій вѣковъ вѣры, два впечатлѣнія одолеваетъ мысль, — оба равно пагубныя для здравой исторической критики. Съ одной стороны, мыслитель клонится къ представленію этихъ созданій слишкомъ безличными, приписываетъ собирательному дѣйствию многихъ то, что часто было дѣломъ одной могучей воли, одного возвышеннаго ума. Съ другой стороны, онъ отказывается видѣть людей, какъ мы, въ творцахъ этихъ необыкновенныхъ движеній, рѣшившихъ судьбы человѣческаго рода. Расширимъ взглядъ нашъ на тѣ силы, которыя природа таитъ въ своихъ нѣд-

рахъ. Наши цивилизаціи, вращающіяся подъ ферулою мелочныхъ полицій, не въ состояніи дать намъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что значилъ человѣкъ въ былыя времена, когда оригинальность каждаго имѣла болѣе простора для своего развитія. Представимъ себѣ пустытника, забившагося въ каменоломни близъ какой нибудь изъ нашихъ столицъ, и тамъ проживающаго, который по временамъ выходитъ оттуда, несетя прямо къ царскимъ палатамъ, пробирается внутрь, не смотря ни на какое запрещеніе, и грознымъ тономъ взвѣщаетъ царямъ приближеніе революцій, которыя самъ же расшевелилъ. Одна мысль объ этомъ уже возбуждаетъ въ насъ улыбку. такимъ, однако, былъ Илія. Илію Тесбита, въ наше время, передъ Тюльери не пропустили бы и въ подворотню. Не менѣе и проповѣдываніе Іисуса, его свободная дѣятельность въ Галилеѣ, выходятъ совершенно изъ привычнаго намъ круга общественныхъ условій. Не сжатыя ни нашими формами учтивости, ни однообразіемъ воспитанія, насъ конечно изощряющимъ, но которое, вмѣстѣ съ тѣмъ, столь мелчатъ нашу индивидуальность, эти цѣльныя души несли въ дѣло изумительную энергію. Они представляются намъ какими-то сказочными богатырями, исполинами какого-то геройскаго вѣка, который, кажется,

и не могъ существовать въ дѣйствительности. Глубокое заблужденіе! Эти люди были наши братья, съ насъ ростомъ, чувствовали и думали, какъ мы. Но ихъ божественный духъ былъ на свободѣ, а у насъ онъ заключенъ въ желѣзныя преграды жалкаго общежитія и обреченъ на неотвратимую посредственность.

Поставимъ же особу Іисуса на самый высшій пѣдесталь земнаго величія. Воздержимся отъ чрезчуръ большаго недовѣрія передъ легендою, безпрестанно сбивающею насъ въ міръ сверхъестественный. Жизнь Франциска Ассизскаго есть также не иное что, какъ сплетеніе чудесъ. Но сомнѣвался ли кто когда либо въ существованіи и призваніи Франциска Ассизскаго? Не скажемъ и того, чтобъ слава основанія христіанства принадлежала скорѣе сонму первыхъ христіанъ, чѣмъ лицу, обоготворенному въ легендѣ. Неравенство личностей на востокѣ гораздо рѣзче, чѣмъ въ нашихъ странахъ. Не рѣдко можно встрѣтить тамъ, среди всеобщей атмосферы злонравія, характеры съ изумительнымъ величіемъ. Не только характеръ Іисуса не созданъ его учениками, но Іисусъ является во всемъ далеко превосходящимъ своихъ учениковъ. Сіи послѣдніе, за исключеніемъ лишь Св. Павла и Св. Іоанна, были люди ненаходчи-

вые, негениальные. Даже Св. Павелъ не выдерживаетъ никакого сравненія съ Иисусомъ; а что касается до Св. Иоанна, то въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи будетъ показано, что его дѣятельность, хотя въ нѣкоторомъ смыслѣ весьма высокая, далеко не можетъ назваться безукоризненною во всѣхъ отношеніяхъ. Вотъ причина несравненнаго превосходства Евангелій между писаніями Новаго Завета. Вотъ причина того грустнаго чувства пустоты, которымъ отзывается переходъ отъ исторіи Иисуса къ исторіи апостоловъ. Сами евангелисты, завѣщавшіе намъ образъ Иисуса, столь далеко ниже того, о комъ говорятъ, что безпрестанно искажаютъ его, за неспособностію возвыситься до него. Ихъ писанія исполнены заблужденій и превратнаго пониманія. На каждой строкѣ чувствуешь, что рѣчь дивной красоты передается посредникомъ, не понимающимъ ея и подставляющимъ свои собственныя идеи вмѣсто другихъ, ему несовсѣмъ вразумительныхъ. Словомъ, характеръ Иисуса не только не похорошѣлъ отъ описанія его біографовъ, а напротивъ того потерпѣлъ отъ нихъ. Чтобъ воспроизвести его такимъ, каковъ онъ былъ, критика должна устранить рядъ недоразумѣній, происходящихъ отъ ограниченности взгляда его учениковъ. Они его изобразили такъ, какъ

понимали, и часто, думая возвеличить его, дѣйстви-
тельно умалили его.

Знаю, что во многихъ мѣстахъ эта легенда, вылившаяся изъ другой расы, подъ другимъ небомъ, въ средѣ другихъ общественныхъ нуждъ, не гармонируетъ съ нашими новѣйшими идеями. Есть добродѣтели, въ нѣкоторомъ отношеніи болѣе соотвѣтствующія нашему вкусу. Честный и благоправный Маркъ-Аврелій, кроткій и мягкосердечный Спиноза, не вѣрившіе въ чудеса, были свободны отъ нѣкоторыхъ заблужденій, которыя раздѣлялъ Іисусъ. Спиноза, въ своемъ глубокомъ удаленіи отъ свѣта, имѣлъ преимущество, котораго Іисусъ не искалъ. Нашей крайней разборчивостію въ употребленіи средствъ убѣжденія, нашей безусловной искренностію и безкорыстною любовію къ чистой идеѣ, мы — всѣ мы, посвятившіе свою жизнь наукѣ — основали новый идеаль нравственности. Но исторія въ своихъ оцѣнкахъ не должна ограничиваться соображеніями одной только личной заслуги. Маркъ-Аврелій съ благородными своими учителями остался безъ продолжительнаго вліянія на міръ. Маркъ-Аврелій умираетъ, оставляя по себѣ превосходныя книги, чудовищнаго сына и міръ въ распаденіи. Іисусъ же

остається для чело́вѣчества неисто́цимымъ нача-
ломъ нравственныхъ возрожденій. Для большей
части людей философія недостаточна. Имъ нужна
святость. Какойнибудь Аполлоній Тианскій, съ
своей исполненной чудеснаго легендой, долженъ
былъ имѣть болѣе успѣха между ними, нежели
какойнибудь Сократъ, съ своимъ холоднымъ раз-
судкомъ. „Сократъ — говорили — оставляетъ че-
ловѣка на землѣ, Аполлоній же переноситъ его на
небо; Сократъ только мудрецъ, а Аполлоній —
богъ.“ Религія до нашихъ дней не могла сущест-
вовать безъ извѣстной доли аскитства, богомолья и
чудеснаго. Когда хотѣли, послѣ Антониновъ, обра-
тить философію въ религію, то понадобилось пре-
образить философовъ въ святыхъ, написать „Житіе
назидательное“ Пинеагора, Платона, снабдить ихъ
легендою, добродѣтелями воздержанія и созерцанія,
а также сверхъестественными силами, безъ чего
въ томъ вѣкѣ нельзя было пріобрѣсти никакого до-
вѣрія къ ихъ авторитету.

Не будемъ же искажать исторію излишнею
заботою объ удовлетвореніи нашей мелкой щекот-
ливости. Кто изъ насъ, безсильныхъ пигмеевъ,
былъ бы въ состояніи совершить то, что совер-
шилъ эксцентричный Францискъ Ассизскій или при-
падочная Св. Тереза? Пусть медицина подводитъ

подъ свою номенклатуру эти великія ненормальности человѣческой природы; пусть она утверждаетъ, что гений есть мозговая болѣзнь; пусть она видитъ въ извѣстной разборчивости нравственнаго чувства начало чахотки; пусть она причисляетъ увлеченіе и любовь къ нервическимъ припадкамъ, — намъ до этого нѣтъ дѣла. Здоровье и болѣзнь суть понятія относительныя. Кто не пожелаетъ лучше быть больнымъ, какъ Паскаль, нежели здоровымъ, какъ пошлая посредственность? Преобладающія, въ наше время, понятія о безуміи весьма тѣсны и значительно запутываютъ историческое рѣшеніе вопросовъ этого рода. Состояніе, въ которомъ говорятъ то, о чемъ не имѣютъ сознанія, и воспроизводятъ мысли безъ участія воли въ управленіи ими, подвергаетъ нынѣ человѣка поступленію подъ опеку, какъ страдающаго умопомѣшательствомъ. Въ былое время, это называлось пророческимъ даромъ, вдохновеніемъ свыше. Самыя великія вещи на свѣтѣ совершены въ лихорадочномъ состояніи; всякое значительное твореніе сопровождается нѣкоторымъ нарушеніемъ въ равновѣсіи силъ, необыкновеннымъ состояніемъ, насильственнымъ для того существа, которое поражаетъ его изъ себя.

Конечно, мы готовы признать, что христіан-

ство есть явленіе слишкомъ сложное, чтобъ цѣликомъ произойти изъ дѣятельности одного человѣка. Въ нѣкоторомъ смыслѣ надъ его произведеніемъ работало все человѣчество. Нѣтъ міра столь укрытаго, чтобъ не проникло въ него ни малѣйшее дыханіе вѣтра снаружи. Исторія человѣческаго ума полна странныхъ синхронизмовъ, которые показываютъ, что — безъ всякаго между собою сообщенія — части человѣческаго рода, раздѣленные огромными разстояніями, приходятъ въ одно и тоже время къ идеямъ и представленіямъ почти тождественнымъ. Въ XIII вѣкѣ учителя латинскіе, греческіе, сирійскіе, іудейскіе и мусульманскіе заняты схоластикою, и почти той же самой схоластикой отъ Іорка до Самарканда; въ XIV вѣкѣ всѣ предаются наклонности къ мистической аллегоріи, въ Италиі, Персіи, Индіи; въ XVI вѣкѣ искусство развивается совершенно одинакимъ образомъ въ Италиі, на горѣ Аѳонской, при дворѣ Великихъ Моголовъ, безъ всякаго знакомства между Св. Томасомъ, Баргебреусомъ, раввинами Нарбонскими и мотекаллеминами Багдада, безъ всякаго свиданія Данте и Петрарки съ какимъ нибудь суфи, безъ всякаго путешествія въ Дели какого нибудь адента школъ Перузской и Флорентійской. Можно подумать, что великія нравст-

венныя вліянія носятся по свѣту въ родѣ эпидемій, не разбирая ни границъ, ни расы. Обмѣнъ идей въ человѣческомъ родѣ совершается не одиѣми только книгами или прямымъ преподаваніемъ. Иисусъ не вѣдалъ даже имени Будды, Зороастра или Платона; онъ не прочелъ ни одной греческой книги, ни одной буддистской сутры, и однакожъ, не смотря на то, въ немъ былъ не одинъ элементъ, происходившій — чего онъ и не подозрѣвалъ — изъ Буддизма, изъ Парсизма, изъ греческой мудрости. Все это совершилось сокровенными путями, чрезъ нѣкотораго рода симпатію, существующую между различными отдѣлами человечества. Великій человѣкъ, одною стороною существа своего, воспринимаетъ все отъ своего времени; другою — возвышается надъ своимъ временемъ. Показать, что основанная Иисусомъ религія была естественнымъ послѣдствіемъ предшествовавшихъ явленій, не значитъ умалить ея превосходство, а значитъ доказать справедливость, законность ея существованія, т. е. что она была уже соотвѣтствующею влеченіямъ и потребностямъ человѣческаго сердца въ данный вѣкъ.

Справедливѣе ли было бы сказать, что Иисусъ обязанъ всѣмъ іудаизму, и что все его величіе было лишь величіемъ іудейскаго народа? Никто

болѣе меня не можетъ быть готовъ къ тому, чтобы ставить высоко въ исторіи этотъ единственный въ своемъ родѣ народъ, отличавшійся повидимому особеннымъ даромъ соединять въ своихъ нѣдрахъ крайности добра и зла. Конечно, Иисусъ вышелъ изъ Іудаизма, но вышелъ изъ него также, какъ Сократъ изъ школы софистовъ, какъ Лютеръ изъ среднихъ вѣковъ, какъ Ламенне изъ католицизма, какъ Руссо изъ XVIII вѣка. Къ своему вѣку и къ своей расѣ принадлежитъ каждый даже тогда, когда онъ дѣйствуетъ реактивно противъ своего вѣка и своей расы. Не только Иисусъ не былъ продолжателемъ іудаизма, но именно онъ представлялъ разрывъ съ іудейскимъ духомъ. Если и предположимъ, что мысль его объ этомъ предметѣ могла бы допустить двусмысленное толкованіе, то общее послѣ него направленіе христіанства не допускаетъ этого. Всеобщій ходъ развитія христіанства удалялъ его все болѣе и болѣе отъ іудаизма. Его усовершенствованіе будетъ состоять въ возвращеніи къ Иисусу, но ужъ навѣрное не къ іудаизму. Итакъ, высокая оригинальность основателя остается неприкосновенною; слава его не допускаетъ никакого законнаго соучастника.

Безспорно, обстоятельства не мало значили въ

этомъ чудномъ переворотѣ; но обстоятельства помогаютъ только тому, что право и истинно. Каждая вѣтвь человѣческаго развитія имѣетъ свою привилегированную эпоху, въ которую она достигаетъ совершенства какъ бы сама собою, безъ усилія. Никакіе труды размышленія не въ состояніи произвести потомъ тѣхъ образцовъ, которые натура создаетъ въ эти моменты, черезъ вдохновенныхъ геніевъ. Чѣмъ были для искусствъ и свѣтской литературы цвѣтуція времена Греціи, тѣмъ былъ вѣкъ Іисуса для религіи. Іудейское общество, съ интеллектуальной и нравственной стороны, находилось въ самомъ необыкновенномъ состояніи, какое только когда либо доводилось пережить человѣческому роду. Это былъ, въ самомъ дѣлѣ, одинъ изъ тѣхъ урочныхъ, роковыхъ моментовъ, въ которые великое творится какъ бы общимъ заговоромъ тысячи потаенныхъ силъ, и въ которые геніальная душа находитъ опору въ потокѣ удивленія и симпатіи, встрѣчающемъ ее. Освободившись отъ тягостнаго гнета муниципальных республикъ, міръ въ это время наслаждался великою свободой. Римскій деспотизмъ далъ почувствовать свою разрушительную силу лишь гораздо позже, и впрочемъ никогда не былъ такъ тягостенъ въ этихъ отдаленныхъ про-

винціяхъ, какъ въ своемъ центрѣ. Нашихъ мнимо-предупредительныхъ тревогъ (гораздо гибельнѣйшихъ смерти для духовной области) тогда не существовало. Иисусъ цѣлые три года могъ вести такую жизнь, которая въ нашихъ обществахъ двадцать разъ подвергла бы его полицейской расправѣ. Одни уже наши законы о правѣ леченія были бы достаточны для подорванія его карьеры. Безвѣрная династія Иродовъ, съ другой стороны, мало интересовалась религіозными движеніями; при Асмонеяхъ Иисуса, вѣроятно, осадили бы на первыхъ же порахъ. Въ такой общественной обстановкѣ, нововводитель ничему не подвергаетъ себя, кромѣ смерти; а смерть для тѣхъ, которые трудятся на пользу будущаго, возжеленна. Представьте себѣ Иисуса, вынужденнымъ до шестидесяти- или семидесятилѣтнаго возраста нести бремя своей божественности, день ото дня терять небесное пламя и наконецъ мало по малу износиться подъ гнетомъ неслыханнаго призванія! Но все благопріятствуетъ личностямъ, отмѣченнымъ извѣстнымъ знаменіемъ; они шествуютъ въ храмъ славы по какому то неодолимому увлеченію, по велѣнію рока.

Эту августѣйшую личность, донинѣ еще опредѣляющую судьбу міра, позволительно назвать бо-

жественною, не въ томъ смыслѣ, чтобъ Іисусъ одинъ въ себѣ поглотилъ все божество, или совпадалъ съ нимъ совершенно (какъ выражаются схоластики), а въ томъ смыслѣ, что Іисусъ есть индивидуумъ, который для всего своего рода совершилъ самый дальнѣйшій шагъ къ божественности. Человѣчество, въ своей совокупности, представляетъ массу существъ низкихъ, эгоистическихъ, тѣмъ только отличающихся отъ животнаго, что эгоизмъ ихъ смысленнѣе. Но, среди этой однообразной пошлости, есть колонны, возвышающіяся къ небу и свидѣтельствующія о высшемъ назначеніи. Изъ этой колоннады, знаменующей человѣку, откуда онъ произошелъ и куда долженъ стремиться, Іисусъ — самая высшая колонна. Въ немъ сгущена эссенція всего, что въ нашей натурѣ есть добраго и высокаго. Непогрѣшительнымъ онъ не былъ; онъ поборолъ тѣ же страсти въ себѣ, съ которыми боремся и мы; никакой ангелъ Божій не являлся ему съ утѣшеніемъ, кромѣ доброй его совѣсти; никакой Сатана не искушалъ его, кромѣ того, котораго каждый въ себѣ носитъ. Также точно какъ многія изъ высокихъ его сторонъ для насъ утрачены непониманіемъ его учениковъ, такъ вѣроятно и изъ недостатковъ его мно-

гіе прикрыты. Но никогда еще никто столько, как онъ, въ своей жизни не давалъ преобладанія дѣлу общечеловѣческому надъ мелочами самолюбія. Безусловно посвятивъ себя своей идеѣ, онъ подчинилъ ей все до такой степени, что, подъ конецъ жизни, вселенная для него не существовала. Этимъ-то увлеченіемъ геройской воли, онъ и вступилъ въ обладаніе неба. Еще не было, — развѣ за исключеніемъ Сакія-Муни, — человѣка, который настолько презиралъ бы семейственныя связи, суетныя удовольствія свѣта, всякую мірскую заботу. Онъ жилъ только Отцомъ и божественнымъ призваніемъ, исполненію котораго считалъ себя принадлежащимъ.

Мы, — вѣчно дѣти, осужденныя на безсиліе, — мы, которые трудимся, не пожиная и никогда не увидя плода отъ того, что посѣяли, — преклонимся же въ бзагоговѣніи предъ этими полубогами. Они умѣли то, что намъ невѣдомо: создать, утвердить, дѣйствовать. Возродится ли когда нибудь великая оригинальность личностей, или же міру, въ его послѣдующемъ поприщѣ, будетъ достаточно и тѣхъ путей, которые проложены великими творцами древнихъ вѣковъ? Мы этого не знаемъ. Но какъ неожиданны ни были бы явленія будущности, выше Іисуса никто не ста-

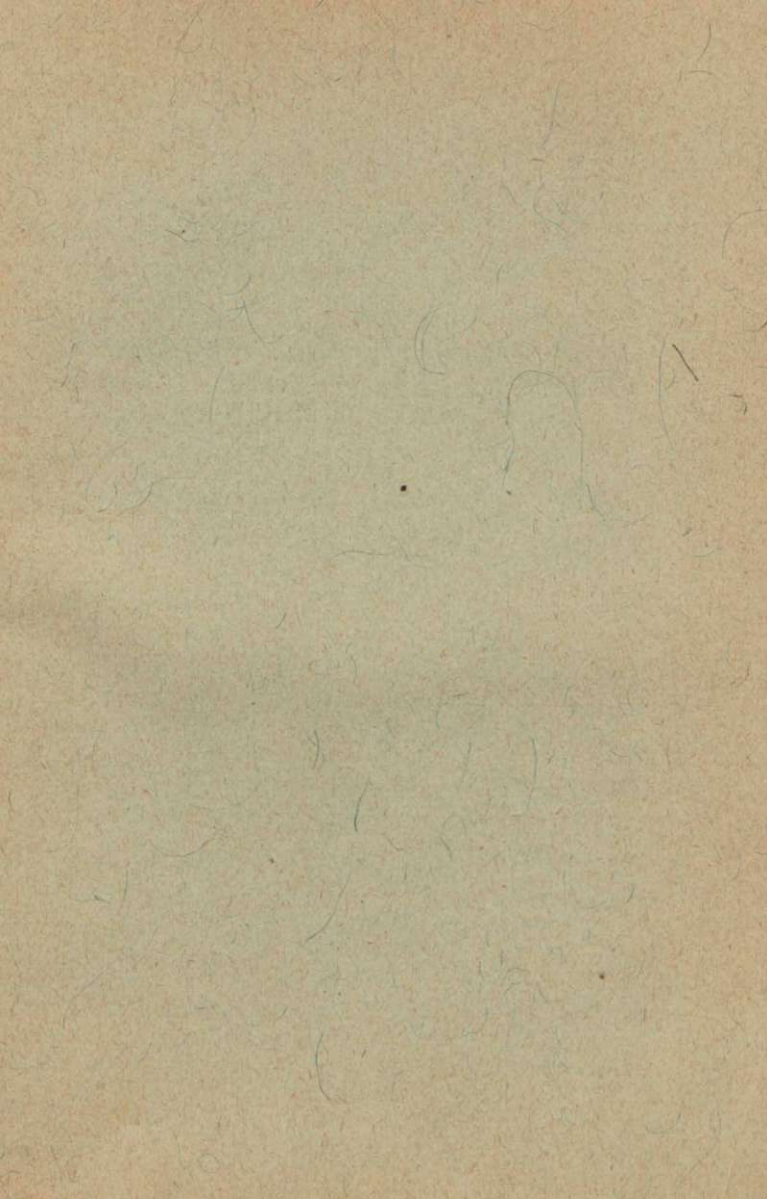
нетъ. Его богослуженіе будетъ обновляться и молодѣть безпрерывно; надъ его легендою будутъ литься слезы безъ конца; его страданія всегда будутъ близки лучшимъ сердцамъ, и всё вѣка будутъ гласить, что межъ сынами человѣческими не раждалось болѣе великаго.

КОНЕЦЪ.

21

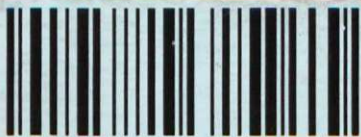

~~1511000~~
~~1511000~~

* 1 3 MAY 1944

2011147020